

**Духовник царской семьи. Архиепископ
Феофан Полтавский, Новый Затворник
(1873–1940)**

Предисловие к первому изданию. Архиепископ Феофан Полтавский – защитник Православия

У великого Святителя и духовного писателя Феофана Затворника было много читателей, желавших жить по-христиански, следуя его учению. Но немного было истинных последователей, на которых в полноте отразилась восприимчивость к стяжанию Духа Святого. Одним из редких восприемников подлинного наследия явился скромный носитель его имени – Феофан (Быстров), архиепископ Полтавский, впоследствии Болгарский, скончавшийся затворником в пещерах Франции. Его духовный облик во многом напоминает его соименника – великого затворника Феофана Вышенского (†1894), и хотя исторические вихри унесли его за пределы России, тем не менее место его в русской агиографии XX века заметно и значимо. Враги архиепископа Феофана Нового Затворника старались уничтожить память о нем, но светильник Божий даже под спудом будет сиять благодатью Божьей; такого великого подвижника нельзя скрыть, и память о нем с каждым годом только крепнет.

Значение архиепископа Феофана Полтавского, бывшего духовником Царской Семьи, одного из величайших богословов своего времени и смиренного представителя распятой Святой Руси, заключается прежде всего в стоянии за чистоту Православия. Несмотря на соблазны нашего века, невзирая на исторические перемены психологии русских людей, владыка Феофан с каждым годом вырастает в нашей памяти как подлинный Отец Церкви.

Богословские труды архиепископа Феофана недостаточно изучены и лежат под спудом. Его вклад в сокровищницу православной патристики до сих пор был известен только в двух областях: во-первых, – защита Креста Господня, то есть православного учения о догмате Искупления, от новшества митрополита Антония (Храповицкого); и, во-вторых, – его критика софианства отца Сергия Булгакова. Если истории суждено еще продлиться, духовный облик архиепископа Феофана Полтавского будет вселенски прославлен. Если же конец мира не за горами, то учение владыки Феофана явится поддержкой для претерпевания грядущих испытаний.

Биография владыки Феофана была составлена на основании записей

его четырех учеников и келейников: архиепископов Аверкия Сиракузского (†1976) и Иоасафа Канадского (†1955) и младших келейников – Севрюгина и Чернова (ныне здравствующего схимонаха Епифания). По нашему настоянию архиепископ Аверкий составил и опубликовал жизнеописание, а также письма, писанные Владыкой большей частью ему самому. Чернов начертал для нас большой труд, но включил туда много стороннего, прямо не относящегося к основной цели – показать общий облик праведника, исповедника истинного Православия. Но главной «виновницей» появления в свет этих записей является духовная дочь владыки Феофана еще по России Елена Юрьевна Концевич, племянница другого почитателя святителя Феофана, знаменитого церковного писателя Сергея Александровича Нилуса. Она твердо верила в святость Нового Затворника, ездила к нему во Францию и взяла с нас слово издать книгу о нем и о его защите чистоты православного учения.

Для пробуждающейся Святой Руси духовное значение владыки Феофана является поддержкой в апостольском стоянии в Истине, без чего нельзя побороть антихристового духа нашего времени.

С благословения ныне здравствующего святителя Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского, печатается этот скромный труд Братства преподобного Германа Аляскинского.

Издатели выражают надежду, что книга послужит толчком к опубликованию в будущем неизданных сочинений владыки Феофана. Тщательное изучение хотя бы его замечательного труда «Русское Добротолюбие» даст духовную силу молодым подвижникам.

Книга появляется при явной таинственной помощи самого Владыки... Как же радуется он ныне на небесах, когда в год столетия (1894–1994) со смерти его духовного учителя, святителя Феофана Затворника Вышенского, чествуемого во всем православном мире, выходит на свет Божий и его вклад в духовную сокровищницу, откуда духовные бедняки смогут черпать себе богатство святоотеческой мудрости, дабы безбедно прожить свой век и богачами явиться на Суд Божий.

Радуются ныне и вышеупомянутые друзья архиепископа Феофана Нового Затворника, ибо они также вложили посильные труды в дело собирания былой славы Святой Руси. Это достояние ныне с помощью Божьей передается новому поколению, дабы юноши наши, глядя на дивные образы обоих святителей Феофанов, с новой силой сеяли святое и доброе, оставленное нам великими подвижниками.

Да поможет всещедрый Господь Бог наш Иисус Христос всем нам духовно окрепнуть и продолжить святое дело укрепления рода

христианского.

Игумен Герман с братией.
Мая 7/20 1994 года;
явление Креста Господня
в Иерусалиме в 351 году

Предисловие ко второму изданию

Возлюбленные о Христе читатели! Вы держите в руках неоценимое сокровище – свидетельство об избраннике Божьем, великом светильнике Вселенской Православной Церкви архиепископе Феофане. Это второе издание книги «Духовник Царской Семьи. Архиепископ Феофан Полтавский, Новый Затворник».

Такова была воли Божья, что несколько десятилетий имя Владыки оставалось неизвестным большинству верных, но авторы этой книги знали предсказание одного раба Христова, духовными советами которого пользовался при жизни и сам архиепископ Феофан, – о судьбах России и об исключительном положении, которое займет в свое время владыка Феофан в Церкви земной, когда станет одним из любимых и чтимых русских святых вселенского значения. Владыка Феофан исповеднически и мученически боролся за Веру Православную, его сподобил Господь места в Царствии Своем Небесном, ему предначертал Он быть в будущей воскрешенной России, в России, искупившей свои страшные грехи XX века.

При удивительных, чудесных обстоятельствах, при явной помощи свыше, совершенно неожиданно был обретен архив Владыки, считавшийся навсегда потерянным. И дал Многомилостивый Господь сокровище это нам. *«Господи! кто поверил слышанному от нас, и кому открылась мышца Господня?» (Ис.53:1)* – со скорбью восклицает святой пророк. Но имеем мы пророчество упомянутого нами подвижника, что владыка Феофан, ушедший в вечность, будет действовать в России и по смерти своей.

Ричард (Фома) Бэттс,

Вячеслав Марченко.

1996 год

Предисловие к настоящему изданию

Праведники всегда гонимы при жизни; великие праведники часто бывают гонимы и посмертно – пока живы их гонители и пока память о них мешает богоборцам.

Самой большой клевете мира подверглась и подвергается святая Царская Семья Императора Николая II. Много лжи и неприятия досталось и людям, ее окружавшим. Мир, во зле лежащий, не желает знать доброе, боится света. Архиепископ Феофан, духовник святого царя Николая и его святой Семьи, был подлинным подвижником, он стал одним из новых славных угодников Христовых; претерпел гонения при жизни, но и поныне не принят даже всеми православными – теми из них, что более всего озабочены устройством внешнего благополучия.

Пример жизни Владыки ясно показывает, как тесен путь, ведущий ко спасению, и вдохновляет шествовать по этому пути сильные души.

Когда в девяностые годы мне попали в руки рукописи владыки Феофана – через моего духовного собрата Фому (православного американца Ричарда Бэттса) от отца Германа (Подмошенского), я не сразу понял, какое это сокровище. Но прошли месяцы совместного с Фомой труда по составлению жизнеописания, пришло понимание важности попавшего к нам – не по достоинству нашему – материала, и возникло опасение. Опасение, что книга не будет принята ни внешними людьми, ни многими церковными. Но Господь, чудом сохранивший рукописи Своего избранника и воспоминания о нем, указал нам и Своего угодника, который мог бы благословить этот труд: нам стало известно, что митрополит Санкт-Петербургский Иоанн (Снычев) является почитателем владыки Феофана, что он даже желал того, чтобы могила подвижника была перенесена из Франции в Россию.

И вот мы отправили рукопись в Петербург.

...Прошли недели.

В это время игумен Свято-Германовской пустыни в Платине в Северной Калифорнии (США) отец Герман (Подмошенский) был по делам в России.

Батюшка попросил меня связать его по телефону с митрополитом Иоанном. Тогда мне довелось впервые говорить с Владыкой. Владыка Иоанн сразу же пригласил нас к себе в гости, и мне довелось побывать у него вместе с отцом Германом. Единственный раз в жизни удостоился я видеть этого подвижника и общаться с ним.

Не буду рассказывать о подробностях, о главной цели нашего визита – о том говорили владыка Иоанн и отец Герман. Меня же больше интересовало мнение Владыки о нашей рукописи. И вот я, улучив момент, с волнением спросил о ней. Владыка ответил, что к нему приходит так много рукописей, большой стол завален весь до потолка, что он физически не может прочитать и малую часть присылаемого. Он попросил не обижаться, но при этом спросил, что за рукопись. Когда я ответил, что о владыке Феофане (Быстрове), владыка Иоанн, весь переменявшись, сказал: «Как же, я прочитал, и очень внимательно!» На мою просьбу написать предисловие к будущей книге он ответил, что сам до прочтения знал намного меньше, что добавить ему нечего. На просьбу о благословении на издание тут же преподал его и на мой уточняющий вопрос: «Значит, мы можем написать: Благословение Высокопреосвященнейшего Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского?» – он ответил: «Если вы сделаете это, я буду счастлив».

Вячеслав Марченко

Введение. Детство

Немощное человеческое слово не в силах достойно рассказать о высокой жизни Владыки. Господь в наше лютое время явил в нем великого светильника Церкви, Иерарха высокой духовной жизни, подвижника, вся жизнь которого была непрестанной молитвой о страждущей под игом богоборчества Российской стране.

Как ученый-богослов и иерарх, постоянно свидетельствовавший, что «верным выражением учения Православной Церкви является учение, выраженное в творениях Святых Отцов Церкви», Святитель Христов неколебимо стоял на страже чистоты Православия и вынужден был выступить против новоявленных отступлений от догматического учения Церкви Христовой. И естественно, он, тихий и незаметный, нажил этим себе много недругов и клеветников.

Архиепископ Феофан, духовник Царской Семьи, хранил к Государю, Государыне и их августейшим Детям в течение всей своей жизни высокое и трогательное благоговение и христианскую любовь как к Помазанникам Божиим, подлинным носителям христианского духа, принявшим великие страдания во Христе и мученический венец от Господа.

Будущий архиепископ Феофан родился в селе Подмошье Новгородской губернии, в многодетной семье сельского священника Димитрия Быстрова и матушки Марии (в девичестве Разумовской), все богатство которой составляло благочестие родителей. Младенец появился на свет в самый последний день 1873 года (ст. ст.) и был наречен именем ближайшего святого, Василия Великого, одного из трех великих вселенских учителей и святителей.

В раннем детстве, когда Василию было три или четыре года, видел он удивительный, пророческий сон, ниспосланный свыше. Своим детским языком он пересказал его родителям, не понимая, что бы мог он означать. Он видел себя во сне уже «большим», в архиерейском облачении и в «золотой шапке». И стоял он в алтаре на Горнем месте во время Божественной литургии, и священник, его родной отец, кадил ему как архиерею.

Интересно, что сон сбылся до той подробности, что родной отец, вызванный Святейшим Синодом на хиротонию сына, принял участие в богослужении и действительно кадил ему, стоявшему на Горнем месте.

Малютка Вася, по воспоминаниям родителей, любил молиться с самого раннего детства. Он не умел еще читать, не знал на память

молитв... Но опускался ребенок на коленки перед святыми иконами, благоговей пред величием Божиим, и лепетал *воздыханиями неизреченными* (Рим.8:26):

– Господи, Господи, Ты – такой большой, а я – такой маленький!..

И слышалась в той дивной, удивительной молитве малютки – немудрой словами, но мудрой смыслом – будущая непрестанная молитва Иисусова нового подвижника. И совершились на нем слова Евангельские: *из уст младенцев и грудных детей Ты устроил хвалу* (Мф.21:16).

Об этой молитве, бывшей в те годы дыханием души ребенка, сам Владыка в последние годы земной жизни говорил одному из келейников: «Ведь все это так умирительно... Да, Господь подают каждому молящемуся соответствующую степень молитвы (см.: 1Цар.2:9 – слав. текст)... А вдуматься-то во внутренний смысл тех детских, беспомощных слов, как хороши они: «Господи, сжался надо мною и помоги мне, бесконечно слабому, беспомощному и бедствующему Твоему созданию... Сжался надо мною. Господи!»

Отрок Василий жил тихой, незаметной внутренней жизнью. Он был сосредоточен, собран, но при этом светел и радостен. Молитвенное настроение удерживало его от детских шалостей и излишнего пристрастия к играм. Еще в детстве Василий вкусил, *яко благ Господь* (Пс.33:9), вкусил от дара молитвы, и молитва сделалась наставником его на всю жизнь. Она научила его бережному отношению к миру душевному, потому что в душе своей он ощутил голос нелицемерного, непререкаемого Судии, Который ясно извещал его, что хорошо, что плохо. Как только пресекалось молитвенное настроение и нарушался мир душевный, Василий понимал, что что-то неладно. Тогда он принимался проверять себя и искать причину случившегося: то ли слово какое неуместное было сказано, то ли совершен поступок, не угодный Богу. И найдя в душе недолжное, повергался в покаянии пред Богом, умоляя Его о прощении, пока совесть не успокаивалась и пока внутренний судия не переставал обличать его, извещая, что грех Богом прощен и мир душевный восстановлен.

Так сердечная молитва и внутренний душевный мир стали неизменными руководителями его в его духовной жизни. Внутренний наставник этот всегда указывал ему его жизненный путь.

Ранние годы Святителя

Любя Господа Бога всеми силами своей чистой души, юный Василий любил и сотворенную Им природу, особенно – не тронутую человеческой рукой суровую природу Севера, среди которой вырос. Он ясно видел в ней Невидимого Бога: *Ибо невидимое Его, вечная сила Его и Божество (Рим.1:20)*. В ту пору она сохранялась еще в своей первозданной, девственной красоте. Все люди этого края были земледельцами. Но земля-кормилица скудна, глина да болота, малоплодородна. Поэтому люди здесь жили небогато, даже в нужде. Лето здесь короткое, а зима долгая. Кругом все леса да топкие места со стоячей водой. В лесах много грибов и ягод: голубика, морошка. Много птиц. И над всем этим – необъятное живое небо. Народ кругом степенный, богомольный, смиренный. И мальчик Василий вдыхал этот благодатный воздух. Сын священника, тихий и прилежный, всегда был на виду.

Пришло время, он поступил в школу. В учении Господь даровал ему исключительные способности. Они проявились позже и в приходском училище, и, еще в большей степени, в Духовной семинарии и Духовной академии.

По бедности и многодетности родителей их младший сын Василий рано покинул свой дом. Он был определен в начальное Духовное училище при Александро-Невской Лавре на казенный счет. Мальчик рос худым и физически слабым, но учился очень хорошо: был первым учеником. Но сам он тогда уже понимал, что успехи его зависели не от него, они – дар Божий. Закончив училище, Василий поступил в Духовную семинарию.

О своей учебе владыка Архиепископ позже рассказывал своим келейникам: «В Духовной семинарии учиться мне было очень легко. Мне было достаточно прочесть одну страницу, и я мог пересказать ее почти слово в слово. А в классах я был по росту самым маленьким и по летам самым молодым».

Видя его необыкновенные способности, его быстро переводили в старшие классы, так что семинарию он закончил на три года раньше тех, с кем поступал в первый класс. Но будущий Архиепископ, осознавая во всем этом великую духовную опасность, дабы не возомнить о себе и не впасть в пагубную прелесть, молился об уменьшении своих способностей к наукам. Он рассуждал так: «Все хвалили меня, восторгались. И я легко мог возгордиться и возомнить о себе невесть что. Но Ангел Хранитель предостерег меня, и я понял, какая пропасть передо мною зияла». Мы не

знаем, была ли услышана его молитва, но само по себе это духовное состояние, моление об отнятии дара Божьего, – редчайшее явление в духовной жизни, свидетельствующее о зрелом духовном рассуждении юноши.

Василий окончил блестяще курс среднего духовно-учебного заведения, и ему предстояло держать экзамены в высшее учебное заведение, в Санкт-Петербургскую Духовную академию. Было ему тогда неполных семнадцать лет.

Студенческие годы

Профессор В.В. Болотов.

Профессоры А.П. Лопухин и Н.Н. Глубоковский.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Поминайте наставников ваших (Евр.13:7)

Самый молодой из абитуриентов, совсем еще мальчик, Василий хорошо был подготовлен к экзаменам. Боялся лишь письменного по философии у известного профессора М.И. Каринского, тем более что философия не входила в семинарскую программу. Готовясь к нему, он молился святому мученику Иустину Философу и святым великим вселенским учителям и святителям Василию Великому, Григорию Богослову и Иоанну Златоустому, молился о просвещении ума, о подании верной и легкой мысли.

И вот настал день испытания. Профессор М.И. Каринский вошел, поздоровался и, повернувшись к доске, написал тему сочинения: «Значение личного опыта для выработки мировоззрения». И возблагодарил Бога юный Василий за тему близкую и понятную. По молитвам святых Господь подал мысль действительно легкую. Работа, на которую отводилось четыре часа, была закончена через полчаса и составляла всего одну страницу. Абитуриент Быстров поднялся и спросил разрешения подать работу. Господин профессор был видимо удивлен. Посмотрев на часы, он с некоторым недоумением сказал:

– Ну, хорошо... Подайте.

Похоже, что ему подумалось тогда, что самый молодой из абитуриентов просто не понял темы: он несколько колебался, когда принимал лист с сочинением. Попросив Василия немного подождать, экзаменатор начал читать. Во время чтения несколько раз отрывался, внимательно глядя на автора сочинения. Когда дочитал, сказал:

– Благодарю, благодарю Вас!... Вы можете быть свободны.

Самый трудный экзамен прошел так быстро и удивительно легко! И имя Василия Быстрова оказалось в списке студентов первым по результатам всех экзаменов. (Надо заметить, что этот «экспромт» молодого студента профессор Каринский помнил и много лет спустя, когда архимандрит Феофан уже был инспектором Санкт-Петербургской духовной академии.)

Студент Василий Димитриевич Быстров, пройдя все четыре академических года первым, в возрасте двадцати одного года окончил свое

духовное образование. По решению академического совета он был оставлен при академии для научной деятельности в качестве профессорского стипендиата.

Впоследствии он очень тепло отзывался об академии: об условиях, в которых жили и учились студенты, о возможности научной работы.

Профессоры работали добросовестно и даже талантливо. Среди них блистал драгоценный самородок – профессор древней истории Церкви Василий Васильевич Болотов (1854–1900). Василий Васильевич владел очень многими языками, не только новыми, но и древними, и притом изучил их самостоятельно и в кратчайший срок. Он знал греческий, латинский, древнееврейский, сирский и ассиро-вавилонские клинописи, арабский, абиссинский (богослужебный – геез и разговорный – ахмарский), коптский (и древнеегипетские иероглифы), армянский, персидский (клинопись, зенд и новоперсидский), санскрит, немецкий, французский, английский, итальянский, голландский, датско-норвежский, португальский, готский, кельтский, турецкий, финский, мадьярский. Все эти языки Василий Васильевич использовал для своих научных изысканий.

Он всех удивлял и поражал своими знаниями, ничего общего не имевшими с его профессорской специальностью, как, например, в высшей математике или в астрономии. Что касается своей специальности, то масштаб его знаний можно понять из следующего примера.

Один путешественник, посетивший с научной целью древнейшую христианскую страну Абиссинию, по возвращении в Россию хотел поделиться своими впечатлениями и научными сведениями с профессором Болотовым. Профессор, как глубоко религиозный и церковный человек, регулярно бывал на богослужениях в храме. Об этом узнал путешественник и поджидал его в воскресный день у храма. Когда профессор вышел, востоковед представился ему и сообщил, что он недавно прибыл из путешествия, и начал ему рассказывать о том, что видел. Но оказалось, что профессор знает обо всем этом несравнимо больше, чем сам путешественник. Он знал, где и какие памятники находятся, памятники археологические на камнях, пергаменте, папирусе и прочие писчие материалы древности. Профессор знал обо всех сведениях, которые они сообщали, даже в дохристианское время. Он знал самые языки, на которых сделаны надписи, языки давно исчезнувшие, и многие из этих надписей он цитировал по памяти.

Профессор сам говорил обо всем том, на что путешественник смотрел как бы слепыми глазами и не видел, что эти немые свидетели сообщали из далекой древности, потому что не знал тех языков, на которых эти

надписи сделаны. Профессор все говорил и говорил, не умолкая, как бы читая по книге. Сам путешественник признавался позже владыке Феофану: «Я просто онемел от удивления и очарования. Ведь профессор Болотов никогда не бывал в Абиссинии, а знал в таких археологических подробностях все тамошние памятники. Подумайте только о том, что он цитировал мне многие надписи и сопровождал все это такими историческими пояснениями, что далекая, отстоящая от нас на тысячи лет картина событий оживала с поразительной реальностью, как бы в пересказе очевидца... Я быстро превратился только в благодарного и восторженного слушателя. Мне было страшно неудобно, что я такому человеку хотел рассказывать что-то новое, чего он не знал. Профессор Болотов оказался как бы жителем тех мест и тех далеких времен, а я пытался ему сообщить что-то новое об Абиссинии из моих мимолетных скудных впечатлений. Он знал все в таких мельчайших подробностях, о которых я и понятия не имел... Мне пришлось во всем откровенно признаться профессору и просить его извинить меня».

Профессор Василий Васильевич Болотов происходил из простонародья. Он был сыном сельского псаломщика, родился 1 января 1854 года. С детских лет проявил недюжинные способности в учении и этим обратил на себя всеобщее внимание. Так, он окончил с отличием духовное училище и семинарию. Будучи учеником семинарии, он настолько хорошо знал древнегреческий язык, что составил канон на этом языке святому Василию Великому, имя которого носил. Случайно попавшая ему в руки грамматика абиссинского языка, выданная ему по ошибке вместо еврейской грамматики, привела к тому, что он изучил абиссинский язык. По отзывам учителей семинарии, Василий Болотов занимал в классе место «выше первого», и настолько выше первого, что надо было пропустить за ним сорок номеров, чтобы поставить следующего ученика («Светлой памяти профессора В.В. Болотова». В. Преображенский. Рига, 1928, с. 1).

Поступив в Санкт-Петербургскую Духовную академию, он также сразу привлек к себе особое внимание Совета профессоров академии. Когда профессор по кафедре древней истории Церкви скончался, то Совет академии вынес решение не занимать освободившуюся кафедру до окончания курса студентом В.В. Болотовым, – настолько этот студент высоко поставил себя в научном отношении. Решение это было вынесено в 1878 году, а в 1879 году, всего лишь через несколько месяцев после окончания курса, он блестяще защитил магистерскую диссертацию по древней истории Церкви и занял профессорскую кафедру. Тема защиты

была: «Учение Оригена о Святой Троице». Эта тема требовала многосторонних и глубоких познаний как в богословии, так и в философии. Рецензент, профессор И.Е. Троицкий, отзывался об этом сочинении как о заслуживающем трех докторских степеней («Светлой памяти профессора В.В. Болотова», с. 2). За многочисленные последующие труды в этой области он был удостоен научной степени доктора церковной истории.

При его знании многих языков, он был членом различных комиссий: по вопросу о старокатоликах, о присоединении халдеев-сирийцев к Православию и проч. Наконец, он был членом государственной Астрономической комиссии. Перед этой Комиссией ставился вопрос о возможностях реформы календаря. Но когда профессор Болотов прочел свой доклад, с привлечением массы научного материала – астрономического, математического, археологического, коснулся и древних календарей, вавилонского и других, – Комиссия вынесла решение, что вопрос о реформе календаря научно необоснован.

Все это и многое другое говорил о Василии Васильевиче Болотове архиепископ Феофан.

Этот одаренный профессор с особым теплом относился к юному студенту Василию Дмитриевичу Быстрову. Так, однажды во время экзаменационной сессии профессор Болотов вошел в аудиторию, в которой шел экзамен по одному из важных предметов академического курса. Но в экзаменационной комиссии профессор не участвовал. В то время как студенты томительно ожидали своей очереди, чтобы сдать экзамен, Василий Васильевич неожиданно сел рядом со студентом В.Д. Быстрым. Вполне естественно, студент был смущен этим. Но профессор своим простым и подчеркнуто дружественным отношением к студенту преодолел это смущение и не как профессор, а как товарищ начал расспрашивать Василия Дмитриевича:

– Наверное, устали? Я ведь по себе знаю, что экзаменационная сессия очень утомляет, отнимает много сил. Но Вы же, как всегда, подготовились?

– Да, я усиленно работал. Но знаю ли я предмет, об этом я не могу судить, об этом скажет уж экзаменационная комиссия.

– Не сомневаюсь в Вашей подготовке. Но это ожидание отнимает много сил.

«И как-то незаметно профессор начал интересоваться моей подготовкой к экзамену, – вспоминал позже Владыка. – Однако его вопросы не были по форме вопросами профессора к студенту. Нет, по тону

это были вопросы из беседы двух студентов, но разных курсов, старшего и младшего. Он спрашивал, но как бы желая убедить меня в моем знании. Профессор ни разу не показал своего превосходства в знаниях. С его стороны это был вполне коллегиальный, дружественный и даже дружеский разговор. Однако эта беседа затронула круг вопросов несравнимо шире академического курса.

– Прекрасно, прекрасно... Будьте спокойны. Успех обеспечен!

После этих слов профессор вдруг встал и, обращаясь к комиссии, сказал:

– Студент Василий Димитриевич Быстров сдал экзамен по предмету на «отлично»!

Но я не мог знать, что эта столь необычная дружеская беседа окажется экзаменом. По-видимому, профессор, дабы подчеркнуть свое доброе, сердечное ко мне отношение и в то же время чтобы освободить меня от волнений, предварительно договорился с комиссией, что произведет экзамен частным порядком. Поэтому председатель комиссии, обращаясь ко мне, во всеуслышание заявил:

– Итак, экзамен Вами, как Вы слышали, уже сдан. Вы можете быть свободны!

Профессор Болотов, обращаясь ко мне, тихо сказал:

– Итак, мы свободны. Мы можем уйти! Идемте!

Всем происшедшим я был поражен и, конечно, глубоко признателен профессору В.В. Болотову... Но слава и хвала принадлежат Господу».

Профессор благоволил к юному студенту, видя в нем не только соратника. Много общего было у профессора со студентом. Оба они выходцы из села, из простонародья. Первый – сын сельского псаломщика, второй – сын сельского священника. Оба, несомненно, вымолены молитвами родителей. Оба знали нужду по личному опыту. Оба проявили незаурядные способности. Оба с блестящими успехами прошли учение в духовном училище и в семинарии. После этого так же блестяще закончили высшее образование в одной и той же Санкт-Петербургской Духовной академии. И один и другой отобранны и оставлены академическим Советом в качестве профессорских стипендиатов и магистрантов. И тот и другой в год окончания курса начали преподавать в академии. Болотов в качестве профессора в возрасте двадцати пяти лет, а Быстров в возрасте двадцати одного года в качестве доцента. Оба носили одно и то же имя – святого Василия Великого, усердно молились ему, и он был их покровителем и руководителем. Все это, безусловно, сближало их и роднило.

К глубочайшему сожалению, профессор Василий Васильевич Болотов,

ведший строгий, аскетический образ жизни, скончался совсем молодым, сорока шести лет. Глава Российского государства Государь Император Николай II выразил от своего лица и от лица всей Августейшей Семьи глубочайшее соболезнование по поводу смерти его, назвав профессора доктора Василия Васильевича Болотова «несравнимым».

Господь послал ему праведную кончину. За три часа до смерти он произнес следующие знаменательные слова:

– Как прекрасны предсмертные минуты!

Спустя час он сказал:

– Я умираю!

Он продолжал сохранять обычное свое жизнерадостное состояние и не переставал произносить отдельные слова, хотя с трудом:

– Иду ко Христу... Христос идет...

За четверть часа до кончины он перестал говорить, сложил руки на груди и, закрыв глаза, как будто уснул.

За десять минут до смерти вошел священник и, коленопреклоненный, с больничным персоналом прочел отходную молитву. Кончина случилась во время Всенощного бдения под Великий Четверг, 5 апреля 1900 года.

Зная пророчества святых о наступлении в скором будущем грозных событий, он при жизни повторял:

– Нет, я не жилец XX века!

Вечная память!

Из других профессоров выделялся профессор Александр Павлович Лопухин (род. в 1852 году). Он известен своими миссионерскими трудами в Северной Америке. В академии он занимал в разное время различные кафедры и выпустил много научных трудов, начиная с апологетики и кончая толкованием Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Профессор А.П. Лопухин очень хотел оставить владыку Феофана, в ту пору иеромонаха, а затем архимандрита и доцента по кафедре Библейской истории, занимаемой им самим, продолжателем своего дела и завещал ему посмертно свою многотысячную библиотеку. Но Господь судил иное.

Из более молодых профессоров Владыка вспоминал позже имя заслуженного профессора (это был официальный титул) и доктора по кафедре Святого Писания Нового Завета Николая Никаноровича Глубоковского (1867-конец 1930-х). Профессор этот был человеком феноменальной памяти. Он знал все Писание Нового Завета на языке подлинника, на греческом языке и на церковнославянском и русском языках.

Среди наставников и преподавателей академии необходимо

упомануть и имя святого праведного Иоанна Кронштадтского.

Отец Иоанн формально не являлся профессором Духовной академии, но по существу он *honoris causa* доктор и профессор этой Духовной академии, поскольку учился в ней, и окончил ее, и трудами своего слова, своей «Жизнью во Христе» далеко превзошел всякие знания. Владыка Феофан говорил об этом неоднократно. Он лично знал святого праведного Иоанна, они даже совершали совместно Божественную литургию.

Однажды произошел очень памятный для владыки Феофана случай, свидетельствующий о дивном даре прозорливости батюшки Иоанна. Владыка рассказывал, что в ту пору он был инспектором академии. Он готовился назавтра совершить Литургию в одном из храмов столицы, где был престольный праздник. Но случилась у него срочная, неотложная работа: представить письменный доклад Митрополиту. Он рассказывал: «С вечера и всю ночь я писал экстренный доклад, и по этой причине мне не пришлось отдыхать. Когда я окончил свою работу, было уже утро, надо было ехать в храм. А там, среди прочего духовенства, сослужил со мной и отец Иоанн. Обедня кончалась, священнослужители в алтаре приобщились. В удобный момент, во время запричастного, отец Иоанн подошел ко мне и поздравил с принятием Святых Тайн.

А потом особенно внимательно посмотрел на меня и, покачав головой, сказал: «Ох, как трудно всю ночь писать, а потом, совсем не отдохнувши, ехать прямо в храм и совершать Божественную литургию... Помогите, помогите Вам Господь и укрепи!» Можете себе представить, как отрадно было слышать от такого человека такие слова. Я вдруг почувствовал, что вся моя усталость моментально исчезла при этих словах... Да, великий был праведник отец Иоанн Кронштадтский!»

Помолчав немного, Владыка продолжал: «А как много было людей, слепых и глухих, не принимавших отца Иоанна и очень грубо относившихся к нему. И даже среди священников были такие. Так, например, как-то прибыл отец Иоанн на престольный праздник в один из храмов Петербурга. А настоятель храма, увидев его, начал кричать на него:

– Кто тебя приглашал сюда? Что ты явился? Я тебя не приглашал. Ишь ты, какой «святой». Знаем мы таких святых!

Отец Иоанн смутился и говорит:

– Успокойтесь, батюшка, я сейчас уеду...

А тот кричит на него:

– Ишь ты, какой «чудотворец». Убирайся отсюда! Я тебя не приглашал...

Отец Иоанн кротко и смиренно попросил прощения и покинул храм...

А был и иной случай в кронштадтском Андреевском соборе, где отец Иоанн был настоятелем. Здесь один из прислужников начал возмущаться:

– Что ты всем раздаешь деньги, а мне, я тебе служу, ты никогда ничего не дал. Что это такое?

Батюшка смутился, молчит и, видимо, внутренне молится. А тот продолжает возмущаться и ругать его, не стесняясь в выражениях.

Случившийся здесь псаломщик вступился за батюшку:

– Ты что, на самом деле, в своем ли ты уме?! Да разве так можно?! Стыдно и страшно подумать о том, что ты говоришь батюшке.

И, перебирая заслуги отца Иоанна, он упомянул между прочим, что ведь он – отец настоятель.

– А ведь верно, ведь я же – настоятель. Разве можно с настоятелем так разговаривать?! Нет, нет, нет... Нельзя, нельзя...

Сказав это, отец Иоанн повернулся и ушел».

Владыка Феофан заметил: «Какое смирение у отца Иоанна! Ни дара прозрений, ни дара исцелений, ни чудотворений – ничего из этого он себе не приписал. А только, что настоятелю так нельзя говорить!»

Несмотря на то что отец Иоанн окончил академию на много лет раньше владыки Феофана, в стенах академии сохранилась студенческая память о студенте Иоанне Ильиче Сергиеве. Будущий светоч Кронштадтский и Всероссийский имел обыкновение в свободное от лекций время уединяться в пустой аудитории. Читая святителя Иоанна Златоуста, будущий великий церковный пастырь молитвенно радовался о великом Святителе, восторгаясь душевно от прочитанного. Владыка Феофан всегда отмечал, говоря об отце Иоанне Кронштадтском, присущую ему непосредственность, свидетельствовавшую о его сильной вере, чистоте и девственности его души. Батюшка Иоанн всегда был чистым и непосредственным, как дитя.

Владыка Архиепископ, будучи еще архимандритом и инспектором Санкт-Петербургской Духовной академии, принял участие в похоронах великого пастыря в 1908 году.

Пастырь и учитель. Духовник Царской Семьи

В 1896 году Василий Димитриевич назначен доцентом Санкт-Петербургской Духовной академии по кафедре Библейской истории. На третьем году своей профессорской деятельности, в 1898 году, он принимает монашество с именем Феофан в честь преподобного Феофана исповедника, епископа Сигрианского, и в благоговейную память Преосвященного Феофана, Затворника Вышенского. В том же году его рукополагают в сан иеродиакона и иеромонаха.

В 1901 году Высокопреосвященным митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Антонием (Вадковским) в домовый церкви Санкт-Петербургской Духовной академии он был возведен в сан архимандрита с определением исполняющего обязанности инспектора академии.

Митрополит Антоний вручил архимандриту Феофану посох.

В связи с этим назначением архимандрита Феофана на должность инспектора академии надо отметить особую черту отца Феофана как монаха. В уставе академии сказано, что инспектор должен иметь научную степень магистра и поэтому обязан подать сочинение на соискание этой научной степени. Но архимандрит Феофан на такое соискание сочинения не подал, хотя работа и была написана. Поступил он так потому, что он как монах, давший обет нищеты и смирения, не мог искать, желать и добиваться славы ученого. Это противоречит обетам монашества. Работа лежала в его столе несколько лет, пока наконец иной профессор, в его отсутствие, не взял его научную работу и не подал в академический Совет. Тема сочинения была: «Тетраграмма, или Божественное ветхозаветное Имя». Работа эта явилась магистерской диссертацией по кафедре Библейской истории Ветхого Завета. Она вышла из печати в 1905 году и очень высоко была оценена научной критикой как в России, так и за границей. Она была удостоена громкого эпитета: «Знаменитая Тетраграмма»! В ней автор рассмотрел вопрос о правильном произношении Имени и сделал вывод, что произношение «Иегова» – результат неверного прочтения, тогда как, судя по многим древним свидетельствам, правильно оно должно произноситься как «Яхвэ». В ней он также исследовал вопросы о значении, происхождении, древности и употреблении Божественного ветхозаветного Имени. Но однако, когда книга появилась в продаже, как сам архиепископ Феофан передавал:

«Я объехал на извозчике все книжные магазины и склады столицы и

все книги («Тетраграммы») скупил и сжег!»

Так отец Архимандрит боролся против славолубия в себе.

В этом случае, как и в других подобных, он спрашивал духовного совета у благодатных старцев, особенно у таких, как известные иеросхимонахи Алексей Валаамский, Исидор и Варнава Гефсиманские. Во всех обстоятельствах он шел путем старческого совета, безжалостно отсекая все, что противоречило предуказанному пути. Он и завещанную ему библиотеку профессора А.П. Лопухина передал Духовной академии. И нет ничего удивительного в том, что многие люди, не понимая, почему он так поступал, злословили его и смеялись над ним.

В том же 1905 году, после выхода из печати его магистерской диссертации, он был возведен в звание экстраординарного профессора и утвержден в должности инспектора академии.

И в том же 1905 году он впервые был принят Государем Императором Николаем II. В своем дневнике в записи от 13 (26) ноября Царь отметил:

«Принял арх. Феофана, инспектора С.-Петербургской Духовной академии».

Вскоре после этого отцу Феофану было предложено стать духовником Царской Семьи. Сегодня, по прошествии стольких лет, трудно себе даже представить всю ответственность перед Богом, которую возлагало это послушание. Ведь иерей в Таинстве Исповеди является свидетелем кающейся пред Господом души и отпускает грехи не своей собственной властью, но по благодати от Господа, данной ему при рукоположении; он как духовник вступает в глубоко доверительные отношения с исповедующимся и, являясь духовным отцом, руководит душу сквозь нравственные и духовные соблазны в соответствии с учением Святой Церкви. Быть духовным отцом любой христианской души – огромная ответственность, но быть духовником православного Монарха – это служение ни с чем не сравнимого духовного смысла. Помазанник Божий, Царь Николай Александрович, нес ответственность не только за себя, но и за весь народ русский. Во время коронации Государь дал обет предстоять пред Богом за свой народ, хранить Россию православным государством и по смерти передать ее в целостности своему Наследнику, честно исполнив свой долг отца Отечества. Монарх предстоял пред Господом за Россию как в политическом, так и в духовном отношении. Помазание даровало Божью благодать; и Николай II Александрович знал, что от исполнения обета зависит состояние его собственной души. Отец Феофан не был политическим или административным советником Царя, он был «совестью Царя», гласом христианских традиций и хранителем православных

заповедей, на которых строилось его служение.

Отец Феофан оказывал доброе влияние на всю Семью. Дневники Императрицы Александры Феодоровны этого периода полны выписками из писаний Отцов Церкви, что свидетельствует, с каким душевным вниманием она изучала рекомендованную духовную литературу. Ее записки маленьким дочерям, где она напоминала им «прочитать книгу, которую Батюшка принес вам перед Причастием», отражают заботу отца Феофана также и о Царственных Детях.

В 1909 году, 1 февраля, архимандрит Феофан был назначен ректором Санкт-Петербургской Духовной академии, и вместе с тем через три недели, в воскресенье 22 февраля, в день памяти во святых великого святителя Григория Паламы, архиепископа Фессалоникийского, на второй неделе Великого поста, в соборе Александро-Невской Лавры была совершена хиротония архимандрита Феофана во епископа Ямбургского, викария Санкт-Петербургской епархии.

Хиротонию совершил Первенствующий член Святейшего Синода Высокопреосвященный Антоний (Вадковский), митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, с прочими членами Святейшего Синода и с иными прибывшими в столицу иерархами, всего числом тринадцать и четырнадцатый – новорукоположенный Преосвященный епископ Феофан со множеством сослужащих священников и диаконов.

Глубоко символичен самый день, в который было совершено таинство хиротонии. Это день памяти святителя Григория Паламы, защитника молитвы Иисусовой и обличителя и уничтожителя «терновидной» ереси Варлаама и Поликиндина. Этим самым уже духовно предуказывалось рукополагаемому, что он должен подражать великому святителю Григорию Паламе, а кроме того, как носителю имени святого Феофана исповедника, ему вменялось в подражание и этому защитнику чистоты Православия, как подражание особо чтимому самим рукополагаемым блаженной памяти Преосвященному Феофану, Вышенскому Затворнику.

При наречении во епископа архимандрит Феофан произнес обычное в этих случаях слово. Но оно поражает своим особым стилем – стилем смиренной простоты и естественности. Видна высокая, неземная, самоотверженная душа будущего епископа, приступающего к верховному служению в Святой Христовой Церкви. Никаких риторических приемов и лишних фраз. Простая, благодатная истина звучит в его глубинных словах. В них говорит дух древних Святых Отцов, пустынников-анахоретов. Обращаясь к Святейшему Синоду, он начал так:

«Глагол Божий, призывающий на ниву Церкви Божьей делателей

пастырского служения, в которых Церковь так нуждается во все времена своего исторического существования на земле, наконец достиг и до меня.

С какими же чувствами я принимаю этот глагол Божий?

Лично сам я никогда не увлекался общественным служением и не искал его и даже, по мере возможности, уклонялся от него. И если, несмотря на такое мое настроение, я призываюсь к этому служению, то верю, что на это есть действительно воля Божья и что ко мне чрез стечение видимых обстоятельств невидимо глаголет Сам Господь, властно повелевающий мне воспринять на себя бремя нового служения.

Но если такова о мне воля Божья, то да будет она благословенна! Я приемлю ее. Приемлю со страхом и трепетом, но, однако, без смущения и боязни. Да не покажется это кому-либо удивительным. Более чем кто-либо знаю я свои немощи душевные и телесные и свое ничтожество. Всего лишь несколько лет отделяет меня от бездны небытия, из которой я вызван к бытию всемогущим мановением Божественной Воли. Затем, по вступлении моем в бытие, я наблюдаю в себе непрестанную борьбу жизни и смерти в области существования и естественного, и благодатно-духовного.

О, как тяжела бывает временами эта борьба во мне, но да будет за нее благодарение Господу!... Она глубоко укоренила в моем сердце ту спасительную истину, что сам по себе я – ничто, а все для меня – Господь. Он – моя жизнь. Он – моя сила. Он – моя радость. Отец, Сын и Святой Дух, Троица Святая и Преестественная, Божественная и обожающая всякое разумное бытие, неустанно и с любовью ищущее Ее и взирающее на Нее.

К этой Преестественной Троице и в настоящее знаменательное для меня время, с верою и любовью, горю обращаю я свой духовный взор. От Нее жду я помощи, утешения, ободрения, укрепления и вразумления на предстоящее мне высокое и многотрудное служение. Глубоко верю, что как некогда на апостолов сошел в виде огненных языков Святой Дух, от Отца чрез Сына исходящий, и на них невидимо почил и претворил их немощь в силу, так точно снизойдет Он и на мое ничтожество и укрепит мою немощь.

Усердно и смиренно прошу вас, богомудрые архипастыри, в предстоящий знаменательный для меня день совершения надо мною в храме Святой Троицы великого тайнодействия епископского рукоположения, вместе со всем сонмом молящихся верных чад Церкви Божьей вознесите и вы обо мне священную молитву ко Пресвятой Троице, да преизобильно облечет Она меня всеми дарованиями, потребными для нового служения: да отверзет ум к разумению Божественных Тайн, да

укрепит волю к совершению дел Божьих, да воспламенит сердце мое огнем всеоживляющей Любви Божественной, столь необходимой пастырю душ человеческих в этой многотрадальной жизни человеческой! И да будет все мое служение и вся моя жизнь во славу Троидного Господа, Которому Единому подобает всякая честь и поклонение во веки веков! Аминь» («Прибавление к Церковным ведомостям Святейшего Правительственного Синода», № 9 за 1909 год).

После этой хиротонии новопосвященный епископ Феофан получил из Кабинета Его Величества подарок от Государя Императора Николая II Александровича, Государыни Императрицы Александры Феодоровны и всея Августейшей Семьи – панагию, такую же, какую носил и Преосвященный Феофан, Затворник Вышенский, – с изображением Нерукотворенного Образа Христа Спасителя.

Епископ Феофан с великой кротостью и терпением, с духовным мужеством и непреклонной архиерейской твердостью нес возложенное на него Святой Церковью послушание, и не только в академии, но и до последнего дня своей многотрадальной жизни.

Искушения. «Диспут» с В.В. Розановым

Почти двадцать лет, с 1891 по 1910 год, владыка Феофан провел в стенах Санкт-Петербургской Духовной академии. Вначале юным студентом, потом магистрантом Совета академии и одновременно доцентом. Затем магистром и экстраординарным профессором, исполняющим должность инспектора. И наконец, как инспектор (с 1905-го), а с 1909 года – как ректор Санкт-Петербургской Духовной академии.

Владыка подвизался на трех поприщах: научно-академическом, пастырско-священническом и монашеско-аскетическом. У него был редкий дар совмещать духовное и душевное без ущерба одному другому. Господь вел избранника Своего путем искушений, и искушений немалых. В те годы общество было заражено настроениями «передовыми», революционными. Многие возжелали «лучшего будущего» на грешной земле, забывая о действительно лучшем мире, об Отечестве Небесном. В известной мере эти настроения коснулись и околоцерковных кругов. Это поветрие проникло и в духовные учебные заведения. Не соглашаться и возмущаться стало признаком хорошего тона. В академиях появились носители либеральных идей как среди профессоров, так и среди студентов. Лозунг «свободы» антихристовой стал гордым знаменем многих. И молодому инспектору высшей духовной школы приходилось свидетельствовать пред непонимающими, что *Царство Христово – не от мира сего (Ин.18:36)*. По своему положению он был главенствующим в академическом Совете, хотя и моложе всех профессоров: большинство из них знали его еще студентом. Речи в Совете были беспокойны. Многие требовали, обвиняли и оскорбляли. Молодому инспектору приходилось мирить, успокаивать. Но сильно было тогда поветрие обновления, все бушевало и бурлило. Были нападки не только друг на друга, но и на самого Владыку. Он вынужден был отвечать на «острые вопросы», но сохранял неизменно монашеское спокойствие, благовествуя мир (см.: *Еф.6:15*).

Конфликт с частью профессуры, подпавшей под влияние Запада, произошел в связи со специальными задачами, стоявшими перед Санкт-Петербургской Духовной академией. Эти специальные задачи вытекали из исторических и географических условий.

Так, Казанской Духовной академии вменялась в обязанность защита от ислама, буддизма и прочих восточных религий, с которыми Россия соприкасалась на восточных границах Империи.

Киевской Духовной академии ставилась задача защиты от

католицизма и униатства.

Московская Духовная академия должна была разрабатывать вопросы преодоления старообрядческого раскола в Российской Православной Церкви и защиты от сектантства.

И наконец, на долю Санкт-Петербургской Духовной академии приходилась самая трудная задача: стоять на страже и защите Святого Православия от проникновения с Запада тлетворных идей: либерализма, протестантизма, материализма, атеизма, всякого антихристианства и масонства.

Преосвященный Феофан в период своего ректорства в Санкт-Петербургской Духовной академии, несмотря на все протесты части профессуры, заявляемые во имя антихристовой «свободы», исповеднически исполнял свой священный долг.

Позже владыка Феофан рассказывал о болезненном конфликте, произошедшем у него с одним из профессоров, пожелавшим свободы от ига Христова. Тот начал жить грешным сожителем с женою своего коллеги на виду у всей академии. Начальствующие лица академии старались этого не замечать, не желая обострять отношения со знаменитым профессором. Но когда инспектором стал будущий Владыка, то сразу всем стала известной яркая черта его душевного устройства: исповедническое служение правде Божьей, несмотря ни на какие личные невыгоды. Владыка Феофан внес предложение в академический Совет, чтобы тот профессор поступил по закону, согласно требованиям законоположений Православной Церкви:

– Совершенно недопустимо, чтобы профессор Духовной академии жил не венчано и к тому же с чужой женой. Ведь Санкт-Петербургская Духовная академия – высокое место по подготовке будущих пастырей Православной Церкви в Православном Царстве. Ведь эта академия перед глазами всех в столице Империи, и с нее берут пример миллионы... И как это возможно такое неуважение и нарушение законов Церкви и государства?

Профессор страшно возмутился и негодовал:

– Какое он имеет право вмешиваться в мою частную жизнь?

На это Владыка ответил, что, во-первых, это не совсем «частная жизнь». Профессор Духовной академии должен, по своему положению, жить по-христиански. А во-вторых, по законоположению инспектор академии обязан обратить внимание на это...

И профессору пришлось выбирать: или уходить из Духовной академии и жить частной жизнью, или смириться перед законом Церкви.

Академический Совет поддержал своего инспектора, и профессор вынужден был подчиниться. Об этом конфликте владыка Феофан всегда вспоминал с горечью. У профессора не хватило христианского мужества признать свою вину и примириться. И Господь наложил на него пожизненную епитимью в жене его: она страдала серьезным психическим заболеванием. У знаменитого профессора был тяжелый крест.

Антихристов дух иудиного либерализма, натворивший столько бед в судьбах русского народа и в судьбе русской православной государственности, в те предреволюционные годы все сильнее проникал и в стены духовных учебных заведений. И раз были слабодушные профессора, то что сказать о питомцах академии?

Находились среди них такие студенты, которые под горделивой вывеской «свободомыслящих людей» и нигилистов пытались узаконить «свою волю». И надо прямо сказать, такое душевное состояние, по мнению Святых Отцов, есть тягчайшее духовное заболевание человека. Оно именуется духовной прелестью.

Один из студентов в своем самомнении и самообольщении стал резко выступать против верований и религиозных обычаев общества и Церкви. Гордящийся своим неповиновением законам и правилам Духовной академии, этот студент не только на словах, но и во всем своем облике и поведении старался быть не похожим на всех, чтобы этим заявить свою свободу. Он преднамеренно неряшливо одевался, отпустил такую же неряшливую бороду и длинные волосы. В общежитии он, вопреки правилам, ложился на постель в неурочное время, да еще и обутом.

Обо всем этом стало известно инспектору академии. И однажды, когда этот нарушитель порядка лежал на постели, в дортуар вошел архимандрит Феофан. Тот продолжал лежать, надеясь, очевидно, вызвать бурю гнева. Но архимандрит спокойно спросил его:

– Почему вы в неурочное время находитесь в спальне и, вопреки правилам, лежите на постели?

– Лежу, потому что хочу!

– Вы, может быть, больны? Но надо снять обувь...

– Мне так удобней... А о моем здоровье не беспокойтесь!

– Отчего вы так себя ведете?

– Как это «так»?!

– Вы отпустили лохматую бороду и такую же шевелюру!

– А вы для чего отпустили?

– Монаху так положено законом Церкви. Я и подчиняюсь закону и советую вам подчиняться общим для всех правилам.

– А я никаких правил и законов не признаю, кроме моего желания: хочу, и все!

– А вы подумали, что каждый истинный христианин не может рассуждать, как вы, он не имеет права следовать своему «хочу» и «не хочу», а только тому, что повелевает нам Бог, Господь наш Иисус Христос?!

После этих слов наступило молчание, и архимандрит удалился. Грубиян, очевидно, ждал административных мер, чтобы прославиться как невинно пострадавший. Но таких мер не последовало.

В этом случае архимандрит Феофан проявил себя как подлинный, настоящий монах. Он снес дерзкую грубость вообразившего себя героем студента, отказался принять административные меры воздействия, даваемые ему положением инспектора Духовной академии, кротко принял вызывающее поведение дерзкого, ведь Господь Иисус Христос, Божественный наш Спаситель, сказал: *Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю (Мф.5:5)*.

Рассказывая обо всем этом через много лет, архиепископ Феофан добавил:

– Что с таким человеком и в таком душевном состоянии говорить? С такими, как он, должна говорить гражданская власть свойственным ей «языком». Другого языка они не признают и не понимают... Может быть, впоследствии Господь его и вразумил, и он понял свою ошибку. Но если не понял и примкнул к революции, то он мог духовно погибнуть.

Владыка Архиепископ как-то вспоминал и об одном молчаливом диспуте с известным философом-публицистом Василием Васильевичем Розановым. Когда тот посетил Владыку, Преосвященный собирался погулять на свежем воздухе в саду академии. Владыка любил гулять в этом саду, когда его ум и сердце были заняты лишь молитвой Иисусовой. Поскольку гость был знаком ему и прежде, он пригласил того погулять на воздухе в редкий для столицы погожий день. Философ совершенно неожиданно вдруг начал очень возбужденно и громко обличать монашество. Владыка в ответ молчал, не отвлекаясь от молитвы. Тогда Розанов продолжил свои обличения. Потом, немного подождав и не услышав возражений, призадумался. Прошлись еще немного. Спорщик продолжил, но уже медленней и тише, заглядывая в глаза Владыке, но так и не разгадал, какое впечатление производят его пассажи, так как Преосвященный молился, опустив глаза долу. Далее Розанов стал терять нить своих размышлений, повторяться. Владыка Феофан по-прежнему молился молча. Наконец гость остановился, посмотрел долгим взглядом на

Владыку и тихо-тихо, как бы самому себе, неожиданно сказал: «А может быть, Вы и правы!»

Умный человек, он сам почувствовал слабость своих мыслей.

Валаам. Старец Алексей. Об исповеди

В душе владыки Феофана особое место занимал Валаамский монастырь. Он любил святой Валаам и часто с теплотой говорил о нем.

Суровая и величественная природа Спасо-Преображенского монастыря, одного из древнейших на Руси, расположившегося на островах огромного, как морс, Ладожского озера, была мила его сердцу. Монастырь появился еще в те времена, когда вся окольная земля была языческой. Суровый северный климат Богом был создан для аскетов-подвижников. К монастырю относятся несколько скитов, а также хижины отшельников.

Трогателен здесь монастырский суровый обычай вселения в отшельничество. Когда монах изъявляет желание вести совершенно одинокий, безмолвный образ жизни, признается способным к этому и получает благословение игумена, ему дают топор, пилу, гвозди, мешок сухарей и отвозят на необитаемый остров. Там он сооружает себе хижину для молитвы и сна, как бы гроб, в котором и подвизается до смерти. Пищу ему, сухари, привозят на лодке из монастыря. При этом не произносят ни слова, ибо он дал обет Богу умереть миру и жить лишь о Господе.

В годы своего двадцатилетнего пребывания в Петербургской Духовной академии владыка Феофан часто уединялся на Валааме. Вспоминая о своих путешествиях, он говорил: «Как только попадешь на пароход, доставляющий богомольцев в обитель, так уже начинаешь себя чувствовать, будто в монастыре. Это прежде всего потому, что вся команда на пароходе – монахи, все совершается с благословения и с молитвой». И еще вспоминал Владыка: «Служба в храме кончается, и я прежде отпуска выхожу из храма, чтобы не смущать монахов и богомольцев своим присутствием. А то ведь, как к епископу, все молящиеся начнут подходить под благословение. А я выйду быстро из храма и уйду в лес. А в лесу благодатная, неопишуемая красота. Молитвенная тишина, как в храме Божьем... Господи, какое это дивное наставление к молитве непрестанной. Действительно, сама неодушевленная природа говорит о Великом Творце своем, о Боге. Ибо воистину по величию и красоте созданий познается Он, Виновник и Создатель бытия их» (См.: Прем.13:5).

Однажды в девственном и молитвенном валаамском лесу, в этом нерукотворном храме Божьем, привелось владыке Феофану пережить нечто дивное, благодатное.

Вышел он, как обычно, из монастырского храма и уединился, чтобы всецело отдаться той радостной, благословенной молитве, которая

совершается, по милости Божьей, втайне. Но вскоре он заметил большую безмолвную толпу народа со старцем иеросхимонахом Алексием, на которого было возложено игуменом послушание поучать народ беседами вне храма. Увидя это, Владыка пошел в сторону и думал, что больше не встретится с этой толпой. Но оказалось, что и старец вел богомольцев в ту же сторону. Тогда он решил пропустить шествие мимо, а потом самому уйти в противоположную сторону. Владыка находился в чаще и оттуда наблюдал прохождение богомольцев. Впереди шел старец на большом расстоянии от народа, а за ним шли богомольцы, в большинстве своем – женщины. Иеросхимонах двигался, склонив голову к земле, занятый, по уставу монашескому, непрерывной молитвой. У епископа непроизвольно вдруг промелькнула мысль: «Ах, напрасно иеросхимонах Алексей окружает себя этими женщинами, да все молодыми. Нарекания могут быть...»

– Но не успел я, – вспоминал позже Владыка, этого подумать, как старец поднял голову и, повернувшись в мою сторону, громко сказал, почти выкрикнул: «И за Христом ходили!..»

По неожиданности и краткости произнесенных слов никто не мог понять в народе их смысла и к кому они относились. Хотя вся толпа слышала эти слова и взглянула в сторону Владыки, но его за густой чащею нельзя было видеть. А старец снова опустил голову и погрузился в заповеданную Господом непрерывную молитву.

«Воистину старец Алексей был великий святой и дивный прозорливец, – свидетельствовал владыка Феофан, – он был так красив, как Ангел Божий. На него порой было трудно смотреть, он весь был как бы в пламени, особенно когда стоял на молитве в алтаре. В это время он весь преображался, его облик становился непередаваемо особым, крайне сосредоточенным и строгим. Он, действительно, был весь огненный. Но миру он остался почти неизвестен, потому что мир был недостойн».

Если старец чувствовал, что присутствующие в алтаре невольно наблюдают за ним и за его молитвой, он старался скрыть свое состояние неким юродством. Он в этом случае обычно подходил к стене и, выдавая себя за рассеянного богомольца, по тени своей на стене поправлял и приглаживал на голове волосы.

Владыка Феофан рассказывал о духовной прозорливости дивного старца Божьего Алексия. В то время он, молодой иеромонах Феофан, профессор академии, отправился из Петербурга в Валаамский монастырь по некоей духовной необходимости. Его беспокоила мысль: в аскетических правилах Святых Отцов монаху предписывалось как можно

меньше уделять внимания своей внешности. Но Церковь благословила ему быть ученым монахом и жить и спасаться в миру. Но, живя в миру, невозможно забыть свою плоть и не заботиться о внешности... С этим и вошел будущий владыка Феофан в келлию старца Алексия. Ему он собирался рассказать и ожидать решения, которое, как отец иеромонах был совершенно убежден, будет и ответом Божиим на поставленный вопрос. И вера эта не была посрамлена. Отец Феофан не только получил ответ, но получил с удостоверением, что такова именно воля Божья.

Старец, как всегда, принял иеромонаха очень и очень радушно. Усадил его и попросил минуточку подождать. Сам же взял зеркало, поставил его на стол, за которым сидел отец Иеромонах, взял гребень и старательно причесался. После этого он все убрал со стола и, обратившись к отцу Феофану, сказал: «Ну, а теперь уже будем разговаривать!»

Так, безо всяких слов, старец Алексей дал ответ на незаданный еще вопрос, с каким отец иеромонах и профессор академии прибыл в обитель Валаамскую и вошел в келлию Старца.

Говоря о насельниках Валаамской обители, владыка Феофан умилялся всегда тому, что старые монахи называли кипятком, который можно было получить после обеда, «утешением». На монашеском языке утешением называется послабление каждодневного поста в праздничные дни.

Но не сразу привел Господь душу Владыки к опытному духовному руководителю, к истинному, благодатному, святому старцу, каким был иеросхимонах Алексей. В начале своего пребывания в Петербурге студент Василий Быстров пользовался советом духовника, которого, по рекомендациям других, избрал среди монашествующих Александроневской Лавры. Однажды, по действию дьявола, случилось немалое искушение.

Когда Василий пришел в Лавру на исповедь к тому иеромонаху, он оказался нетрезвым. Василий же этим не смутился и, как ни в чем не бывало, исповедался, взял благословение и спокойно ушел. Когда в следующий раз он пришел к этому иеромонаху, тот поклонился ему до земли и просил прощения. При этом монах воздал должное Василию за правильное отношение к случившемуся, за то, что он не смутился и не осудил его. Все получилось неожиданно и для самого Духовника. Он не знал слабости своего организма и опьянел от малого. А молодой человек проявил мудрость Святых Отцов, мудрость Евангельскую, памятуя о том, что на исповеди человек предстоит пред Господом, а не пред человеком.

В этом отношении примечательно воспоминание одного человека, которому посчастливилось побывать на исповеди у самого архиепископа

Феофана: «Я стал перед аналоем в углу его келлии. На аналое – святой крест и Евангелие. Архиепископ прочел молитвы перед исповедью, и, когда настало время мне говорить свои грехи, его не оказалось рядом со мною, как это бывает обычно во время исповеди. Я невольно оглянулся. Он стоял в противоположном углу. И понял я, что Архиепископ оставил меня перед крестом Христовым и Святым Евангелием. Этого понимания, видимо, и желал Владыка, ясно показывая, что исповедываюсь я перед Самим Богом».

У владыки Феофана все, что мы привыкли воспринимать механически, по традиции, без значения и внутреннего смысла, оживало и получало свой изначальный духовный смысл.

Старцы. Старцы Варнава и Исидор Гефсиманские

С юных лет будущий Владыка искал духовного совета у опытных, по слову Святых Отцов. Вначале это были просто духовники, а затем, по окончании академии и принятии монашества, он руководствовался в своей духовной жизни благодатными, духоносными старцами. По каждому важному вопросу обращался Владыка к ним и находил у них с избытком то, что искал. Любовь к старцам он всячески прививал и студентам академии. Но язык старческого иносказания не всегда был понятен им. Так, однажды, по совету владыки Феофана, студенты отправились к одному старцу, несомненно благодатному и широко известному. Пришли они к нему, а он в это время мыл пол в своей комнате. И большая лужа воды была на полу. Конечно, старец провидел, что к нему идут «гости», и, чтобы показать им самим их духовное состояние, за минуту до их прихода занялся мойкой пола. Студенты не поняли тогда этой притчи и, разочарованные, вернулись.

«Не поняли они языка старческого, – сожалел владыка Феофан, – не поняли они того, что он хотел им сказать и показать. Ведь они пришли к нему с высоким мнением о себе, что «мы, мол, – академики». А знаменитый духоносный старец, к которому съезжались со всех сторон большие люди за духовным советом, показал им, прежде всего, свое собственное смирение тем, что мыл в своей келлии пол. И если бы эти молодые и здоровые люди бросились помогать удрученному годами и подвигами старцу и, в первую очередь, убрали бы большую лужу воды, которая, кстати говоря, мешала им подойти к старцу, чтобы принять от него благословение, они бы отгадали, счастливо для себя, то мудрое «слово», которое без слов хотел преподать им великий старец. И при этом, с другой стороны, он им показал их собственное состояние, высокое мнение о себе, гордость – «как это мы будем ему мыть пол?» Но может быть, позже они поймут это старческое иносказание».

Владыка Феофан часто ездил к старцам не только на Валаам, но и в Гефсиманский скит Троице-Сергиевой Лавры. Этот скит основан был знаменитым Филаретом (Дроздовым), митрополитом Московским. В начале XX века в этом скиту подвизались два благодатных старца – отец Исидор и отец Варнава. Старцы эти были нрава противоположного. Отец Варнава был очень строгий, сама ревность о Господе, а отец Исидор, напротив того, был благостный, очень смиренный и бесконечно

милостивый. Возле него всегда ютились всякие бродяги и пьяницы... И всех он кормил. Старцу Исидору делались неоднократно строгие замечания по этому поводу и прямо запрещалось кормить этот, по сути, жалкий, погибающий люд. Но милостивый Старец жалел их и тайно продолжал кормить. Однако случилось так, что один из бродяг, по прозвищу Федька Каторжный, всегда подвыпивший, по дьявольскому наущению пытался зарезать своего кормильца. К счастью, это произошло на глазах у многих богомольцев. Они заступились и спасли от смерти блаженного старца. Федьку судили. Вызвали и старца Исидора как пострадавшего. И судья спрашивает его:

– Расскажите, пожалуйста, отец, как все было?

– А что было?

– Да этот преступник хотел Вас зарезать?! Вот и нож, который у него из рук выхватили!

– Да что Вы пристаёте к человеку? Он и не думал, и не хотел меня зарезать.

– Да как же не думал и не хотел?! Ведь он бросился на Вас с ножом. Сколько свидетелей есть, и все как один одно и то же свидетельствуют против него.

– Да что Вы к нему пристали? Ведь он был пьян и ничего не помнит... Отпустите его, отпустите!

При этом старец заявил, что если Федьку не отпустят, то он уйдет из скита – «от такого позора и великого греха», что из-за него «осудили человека». И пришлось отпустить преступника, потому что Старца очень ценили и не хотели с ним расставаться. Сам Федька после этого плакал и просил прощения у старца Исидора. А Старец всем рассказывал после, самоукорительно качая головой:

– Я под суд попал... Меня-то судили. Вот какой грех!

Случалось, что старец Исидор направлял своих посетителей к старцу Варнаве, когда надо было хорошенько пробрать, чтобы человек пришел в чувство своей греховности. Посетитель не успевал и слова вымолвить, а Старец наперед уже знает:

– А Вам, по Вашей нужде, непременно надо пойти к старцу Варнаве. Он Вам поможет. А мне это не дано...

– Да нет, батюшка, я хотел бы к Вам!

– Нет, нет! Господь благословляет к отцу Варнаве. Идите с миром! И скажите ему, что я Вас прислал к нему за наставлением... Так надобно... Это – воля Божья!

Владыка Феофан говорил, что старцы Варнава и Исидор дополняли

друг друга, и поэтому между ними была большая духовная дружба и любовь.

С.М. Труфанов (отец Илиодор)

Среди студентов Санкт-Петербургской Духовной академии был монах Илиодор, служивший позднее в Царицыне. Отличался он духовной пылкостью и повышенной ревностью. А о таких Святые Отцы предупреждают, что они легко могут попадать в прелесть духовную, в духовное самообольщение. Это происходит оттого, что они, по самоуверенности и самонадеянности, начинают подвизаться более должного смирения, уповают на свои силы, а не на Господа. И Господь попускает им, а вернее сказать, и всем нам, дабы вразумить нас и смирить, попасть в эту духовную болезнь высокого о себе мнения и мечтания. А это – начало всех страшных бед, ибо Писание говорит: *Погибели предшествует гордость, и падению – надменность* (Притч.16:18).

И вот с этим монахом пришлось владыке Феофану немало помучиться. По смирению своему Владыка не надеялся на себя, пригласил отца Илиодора поехать к Старцу, чтобы Старец, по данной ему благодати, направил его жизнь духовную по верному пути... Собрались. Садись на поезд на маленькой пригородной станции. Владыка, дабы не дать лишнего повода монаху к разговору, отошел от него и, по монашескому правилу держать ум к Богу, занялся внутренней молитвой. Но, взглянув в сторону отца Илиодора, увидел, что с ним что-то неладно. Около него вертелся как юла какой-то смуглый мальчуган, очень похожий на цыганенка. Мальчик выделывал ногами и руками что-то, как бы плясал. «Да откуда он взялся, этот цыганенок!» – мелькнула мысль у владыки Феофана. Отец Илиодор пристально смотрел на мальчика и, казалось, весь был поглощен им. Владыка позвал монаха по имени: «Отец Илиодор, отец Илиодор!». Но тот не слышал. После оклика этот непонятный «цыганенок» начал еще быстрее, как юла, плясать вокруг него. Отец Илиодор напряженно следил за ним. Владыка снова позвал его, но тот опять не слышал. Владыка подошел к нему и увидел, что тот вне себя, поглощенный вниманием к непонятному мальчугану. «И откуда он появился?!» Тогда владыка Феофан взял его за рукав рясы и потянул за собой. Только таким образом удалось отвести его в сторону. А отец Илиодор, растерянный, беспомощный, сам не свой, побледнел, изменился в лице. Владыка спрашивал его, в чем дело, но он только водил испуганно глазами и ничего сказать не мог... А «цыганенок» тот бесследно исчез, как сквозь землю провалился...

Все это было очень и очень странно. Только потом уже стало ясно,

что это было какое-то необъяснимое, но сильнейшее бесовское наваждение. Редчайший случай: днем, на людном месте, на перроне, при народе.

Это чрезвычайное происшествие на пути к Старцу не предвещало ничего доброго для отца Илиодора. Обо всем происшедшем владыка Феофан рассказал Старцу в присутствии отца Илиодора. Но сам отец Илиодор был в особом состоянии, то ли подавлен случившимся, то ли поглощен, оставался совершенно безучастным к тому, что говорил Владыка, как будто бы это его не касалось. И даже слова Старца не затронули чувств отца Илиодора. Он остался замкнутым в себе. Старец говорил о величии Божьем и о ничтожестве и греховности человеческой. О том, что единственный путь к Богу – это путь смирения. Но монах Илиодор не слышал. Так владыка Феофан и монах Илиодор без видимых результатов вернулись в Петербург. И здесь только отец Илиодор начал постепенно приходить в себя. Но и снова произошло с ним нечто маловероятное.

По совету Старца Владыка не выпускал из виду отца Илиодора. Они вдвоем, и с ними еще мальчик-послушник, пришли после Литургии на квартиру Владыки в здании академии. Час был около полудни. Преосвященный прошел к себе наверх, а они остались в нижней половине... И вдруг они видят в глубине зала трех великанов, с искаженными злобой лицами, вооруженных дубинами. Обращаясь к отцу Илиодору, потрясая дубинами, они яростно кричали: «Мы тебе покажем! Мы тебе покажем!»

До крайности перепуганные отец Илиодор и мальчик-послушник вбежали в кухню и заперли за собой двери. Мальчик схватил длинную кочергу и, в испуге, начал бить в нижнем этаже стекла, чтобы позвать на помощь. Преосвященный – сверху, другие – снизу поспешно вбежали. На претерпевших не было лиц. Мальчик сразу убежал домой, к родителям. Владыка Феофан постарался успокоить отца Илиодора. Он говорил о том, что в монашеской жизни надо быть всегда готовым к подобным переживаниям. Это бесовские козни. Бесам нельзя верить ни в чем. Будучи немощными, они принимают вид гигантов, чтобы напугать. То, что произошло среди бела дня в покоях владыки Феофана, Святые Отцы называют бесовскими страхованиями, бесовскими запугиваниями, когда демоны пытаются запугать подвижающегося, чтобы он отказался следовать подвижническим путем. Для этой цели они обычно принимают устрашающий, грозный вид, как в данном случае – огромных, многомогущих великанов, будучи, по существу, малосильными, но очень

коварными и злыми. И привидение в образе трех великанов, по хитрости их, преследует не одну, а несколько целей. Приняв грозный вид, они свое действие сообразуют с духовным состоянием искушаемого. Мальчика они просто запугали, и, возможно, он откажется в последующей жизни идти монашеским, подвижническим путем: «Уж очень страшно!» Но главный прицел их козней был направлен на отца Илиодора. Его им надо было выбить из колеи подвижнической. И он, несомненно, был испуган, и это произошло на глазах епископа Феофана, как и в первом случае, с «цыганенком».

Отец Илиодор окончил Духовную академию иеромонахом. В глазах простого народа он быстро приобрел широкую известность своими пламенными проповедями и речами. К нему стекались огромные толпы. Простой народ считал его своим вождем.

И под влиянием этого он все более и более предавался погибельной гордости. В конце концов он дерзнул самовольно надеть белый митрополичий клобук и появляться так перед народом, верхом на белом коне. Дойдя до такого, он отваживался «творить» свои «великие чудеса». Так, на Волге он объявил народу: «На этом месте мы в три дня воздвигнем Божий храм... Пусть каждый из вас принесет сюда по одному кирпичу. Ведь нас здесь тысячи! И из этих всенародных кирпичей мы, с Божьей помощью, нашими руками и воздвигнем здесь великий храм...»

Здесь намек на слова Евангельские (см.: Ин.2:18–21).

У Илиодора была горделивая мысль: я сделаю то, что и Христос сделал.

Небывалое воодушевление охватило толпы народа. Несли не только по одному кирпичу, а везли на подводах и весь необходимый материал для постройки храма... Работа закипела. Руками народа творилось небывалое чудо. В три дня храм был готов. Самозванный «митрополит» Илиодор торжественно его «осветил» и совершил в нем благодарственное моление.

Во всем этом была глубокая прелесть духовная.

Он, видимо, мечтал остановить своими руками начавшееся революционное брожение в России. Но от этого предостерегал еще святитель Игнатий (Брянчанинов): «Необходима осторожность от всякого увлечения разгорячением совершить дело Божье одними силами человеческими, бездействующего и совершающего Свое дело Бога... Отступление попущено Богом: не искусись остановить его немощною рукою твоею...» («Отечник». Епископ Игнатий (Брянчанинов). Фототипическое издание, 1963. с. 549).

Кончилось это все для отца Илиодора более чем печально. Он отрекся

от священного сана, снял монашество и женился...

Сергей Михайлович Труфанов, таково мирское имя отца Илиодора, находясь в духовной прелести, наделал много безрассудных поступков. Он создал свою церковь «Солнца и разума».

Позже архиепископ Феофан получал от него из Америки, как от Сергея Труфанова, письма, когда уже и сам был в эмиграции. У него было семеро детей. Он осознал и оплакивал свой великий грех. Он писал: «Я сознаю мои непростительные грехи перед Святою Церковью и лично перед Вами и прошу, умоляю Ваше Высокопреосвященство помолиться обо мне, погибающем, чтобы принести Господу сокрушенное покаяние и избавиться от обольщения, в каком я находился!»

Было ли это искреннее покаяние, мы судить не можем, мы знаем лишь то, что Сергей Труфанов скончался в 1952 году, будучи баптистом и работая уборщиком в одной страховой фирме, в возрасте семидесяти одного года.

Григорий Евфимович Распутин

Богоборческая власть, по попущению Господнему установившаяся в России в начале двадцатого века, как бы в подтверждение в очередной раз слов Писания, что *весь мир лежит во зле* (1Ин.5:19), оболгала старательно имя России православной, оболгала ее устои: Православие, Самодержавие и Народность; не обошла, конечно, своим недобрый вниманием и светлого имени архиепископа Феофана (Быстрова), духовника Августейшей Семьи, а также имен и памяти всех людей, так или иначе связанных с Самодержцем. Особое место среди этих людей занимает, быть может, более других оболганный Григорий Евфимович Распутин.

Представление, которое сложилось в мире о Распутине, – всего лишь карикатура на реального человека. Нам известно довольно немного сведений о его ранних годах, его молодости, но и они настолько перемешались с легендами, что едва ли могут быть восприняты как факты. Поэтому представляется нужным сохранить лишь те, которые важны и, вместе, правдоподобны. Распутин стал центральной фигурой некоей истории, которую мир давно принял за правду. Все написанное об этом человеке настолько преувеличено и запутано, что людям теперь уже практически невозможно отличить факт от фикции.

Первая встреча Царской Семьи с Григорием Распутиным была отмечена следующей записью в дневнике Царя:

«1-го ноября 1905 г. Вторник.

В 4 часа поехали на Сергиевку. Пили чай с Милицей и Станой.

Познакомились с человеком Божьим – Григорием из Тобольской губ.»

В своих воспоминаниях князь Н.Д. Жевахов дает описание, что значит в действительности это наименование, «Божий человек»:

«Наряду с официальным старцем, живущим по монастырским уставам, в России существует другой религиозный тип, Европе неизвестный, так называемый Божий человек... В отличие от старцев, Божьи люди редко живут в монастырях, странствуя с места на место, проповедуя волю Господа и призывая людей покаяться. Их не встретить среди монашества и священства, но, подобно старцам, они ведут суровый, аскетический образ жизни и пользуются сравнительным моральным авторитетом» (с. 265–266).

В 1900 году Григорий отправился в паломничество, которое длилось три года. Свое странствие он начал дорогой в Киев, древним монастырям и знаменитым пещерам которого веками поклоняются паломники. На

обратном пути остановился в Казани. «Именно в Казани родилась слава Распутина», – свидетельствует Спиридович («Распутин». Париж, Пайо, 1935, с. 38). Духовные круги Казани видели в нем набожного человека, обладающего большим духовным даром. Впоследствии они и представили его иерархам в Санкт-Петербурге. Еще в Киеве Григорий Распутин на подворье Михайловского монастыря познакомился с Великими княгинями Милицей Николаевной и Анастасией Николаевной. Григорий очень понравился им, и они пригласили его в Петербург.

Великая княгиня Милица и ее сестра Анастасия, княгиня Лихтенбергская, были известны как Черногорские. Милица была замужем за дядей Царя, Великим князем Петром Николаевичем, а Анастасия – за другим дядей Царя – Николаем Николаевичем. Черногорки были очень близки к Императрице, хотя вскоре стали сильно ревновать Анну Вырубову к Государыне из-за дружбы между ними, которая усилилась после развода Вырубовой с мужем в 1908 году. Их недовольство по отношению к Анне было неприятно Александре Феодоровне, и они были удалены от Двора. В течение некоторого времени они продолжали поддерживать хорошие отношения с Григорием Распутиным, но последний, в конце концов, вынужден был выбирать, чью сторону принять, и он, конечно же, принял сторону Императрицы (Фурман, с. 62. Спиридович, «Распутин», с. 69). После этого Черногорки выступили против него.

Большинству биографов Григория Распутина не удалось понять главного в его жизни. Главным на пути Распутина к Богу было покаяние, и, видимо, именно покаяние было тем, что тронуло в нем двух наиболее выдающихся церковных подвижников Санкт-Петербурга, протоиерея Иоанна Кронштадтского и архимандрита Феофана (Быстрова). К нему были благорасположены епископ Саратовский Гермоген и тогдашний ректор Духовной академии епископ Сергий (Страгородский).

Многие из православного духовенства пытались в те годы возжечь огонь веры в прихожанах, особенно в лицах, принадлежавших к высшим слоям общества, ставших в последние лет двадцать пять безразличными в массе своей к вере и духовным вопросам и считавших часто религию скорее вопросом «удобства», нежели иным. С тех пор как была упразднена духовная цензура и всевозможные книги с самым разным содержанием стали свободно распространяться по всей стране, давняя привязанность к Матери-Церкви становилась все слабее и слабее, пока, в глазах многих, Церковь не стала выглядеть просто некоей условностью, к которой светскому обществу должно приспособиться, но которая находится вне

этого общества. Григорий Распутин появился как раз в тот момент, когда иерархи Церкви искали такого человека. Иерархи были обеспокоены тем, что Церковь теряет связь даже с простыми людьми, и Распутин казался идеальным человеком, способным помочь Церкви приблизить к ней массы. Он толковал сложную истину и церковные догматы неожиданно и просто.

Владыка Феофан по просьбе Императрицы съездил в Сибирь, чтобы самому узнать о прошлом Григория Распутина. Результаты его поездки не выявили ничего порочного. Однако спустя немного времени мнение его о Распутине, кажется, изменилось в соответствии с различными сообщениями и некоторыми исповедями, которые он принимал. В начале 1911 года епископ Феофан выступил перед Синодом с предложением официально выразить Императрице неудовольствие в связи с поведением Распутина. Отказываясь, епископы – члены Синода заявили ему, что это дело как раз лично для него как духовника Императрицы. Находясь в то время на кафедре в Крыму, он навещал Императрицу Александру Феодоровну, когда Царская Семья приезжала в свою летнюю резиденцию в Ливадии. Осенью 1911 года Владыка говорил с Государыней около полутора часов, и Государыня, как сказал сам Владыка, «была очень обижена». Она, конечно, поняла, что Владыка слышал клевету, распространяемую не только революционерами, но даже и людьми, близкими к Престолу.

Родная сестра Царя Великая княгиня Ольга Александровна писала: «Важно помнить, что Ники и Аликс прекрасно знали о прошлом Распутина. Совершенно неверно говорить, что они считали его святым, не способным на грех. Я говорю это опять, и я имею право так говорить: они не были одурачены Распутиным и не имели ни малейших иллюзий на его счет. К несчастью, люди не знали правды, но ни Ники, ни Аликс из-за своего положения не могли бороться с распространявшейся ложью» (Иан Воррес. «Последняя Великая княгиня, Ее Императорское Высочество Великая княгиня Ольга Александровна». Нью-Йорк, с. 132).

Хотя Августейшая Семья и сохранила горячую личную приязнь и расположение к владыке Феофану, он был переведен из Крыма в Астрахань осенью 1912 года, дабы, по-видимому, избежать неловких ситуаций при официальных встречах с Царской Семьей во время их визитов в Ливадию. Слухи о том, что Государыня, проявляя свое неудовольствие, в виде наказания перевела его, представляются неверными, оцениваемые по прошествии времени от аудиенции Епископа у Государыни и его фактического перевода в Астрахань. В 1913 году он

вернулся в центральный регион Империи Архиепископом Полтавским и Переяславским.

Архиепископ Феофан всегда защищал доброе имя Государыни Императрицы Александры Феодоровны. Когда позже, уже при Временном правительстве, был поднят официальный вопрос о Григории Евфимовиче Распутине и Царской Семье, тогда хотя и лишённой свободы, но ещё здравствующей, вполне естественно, что одним из мероприятий эсеровского Временного правительства было тщательное расследование всего, что касалось Царственной Семьи Романовых. Была образована специальная Чрезвычайная комиссия Временного правительства. Её представители посетили архиепископа Феофана в Полтаве. Они были предварительно осведомлены об официальном разговоре Преосвященного Феофана с Государыней о Григории Распутине в 1911 году. Высокопреосвященнейший архиепископ Феофан со всюю категоричностью заявил следующее: «У меня никогда не было и нет никаких сомнений относительно нравственной чистоты и безукоризненности этих отношений. Я официально об этом заявляю, как бывший духовник Государыни. Все отношения у нее сложились и поддерживались исключительно только тем, что Григорий Евфимович буквально спасал от смерти своими молитвами жизнь горячо любимого сына, Наследника Цесаревича, в то время как современная научная медицина была бессильна помочь. И если в революционной толпе распространяются иные толки, то это ложь, говорящая только о самой толпе и о тех, кто ее распространяет, но отнюдь не об Александре Феодоровне...»

Архиепископ Феофан заявил Чрезвычайной комиссии Временного правительства: «Он (Распутин) не был ни лицемером, ни негодяем. Он был истинным человеком Божьим, явившимся из простого народа. Но под влиянием высшего общества, которое не могло понять этого простого человека, произошла ужасная духовная катастрофа, и он пал. Окружение, которое хотело, чтобы это случилось, оставалось равнодушным и считало все происшедшее чем-то несерьезным».

Санкт-Петербургское высшее общество играло главную роль в этой печальной истории. Оно окружило сибирского крестьянина всевозможными соблазнами, сопротивляться которым он считал очень трудным. Используя его с целью приблизиться к Царской Семье и – более – с целью опорочить Ее, они действовали в высшей степени жестоко по отношению к нему.

Многое написанное относительно представлявшейся аморальности Распутина, приписывающее ему различные падения, составляет, пожалуй,

самую большую литературу на эту тему об одном человеке. Много было придумано ради личных выгод и пустых сплетен, много недоброго окружало Государя. Наиболее бесчестными и злобными, да к тому же еще и пользовавшимися широким доверием, клеветниками Григория Распутина были князь Феликс Юсупов, организатор убийства Распутина, и Сергей Труфанов, бывший иеромонах Илиодор, пытавшийся шантажировать Императрицу Александру Феодоровну нелепым рассказом о ее мнимой связи с крестьянином, который столь горячо молился о выздоровлении ее ребенка. Когда же она не поддалась шантажу, Труфанов нашел в Нью-Йорке издателя, так же мало беспокоившегося о правде, как и сам автор.

Одно из наиболее интересных описаний России того периода можно найти в книге Жерарда Шеллея под названием «Пестрые купола: эпизоды из жизни англичанина в России». В этой книге автор рассказывает о своей встрече с Распутиным в апреле 1915 года. Он свидетельствует, как Григория постоянно подталкивали ко греху окружавшие его люди, которые сами давным-давно утратили всякую видимость приличия. Описания Ж. Шеллея своих встреч с Григорием Распутиным, равно как и с Императрицей Александрой Феодоровной, проливают новый и добрый свет на этот период русской истории.

Княгиня Екатерина Радзивилл писала: «К несчастью, убийство Распутина не сломило людей, которые его использовали. Оно не положило конца многим злоупотреблениям, которые привели Россию к страшному состоянию хаоса, в котором она оказалась в момент своего величайшего испытания. Сам человек был лишь знаменем, и потеря знамени не означала, что полк, который его нес, разделит его судьбу...» (Княгиня Екатерина Радзивилл. «Распутин и русская революция». Нью-Йорк, Лейн, 1918, с. 184–185).

Владыка Феофан никогда не называл Распутина по фамилии, но именовал лишь по имени-отчеству: «Григорий Евфимович» – или «старец Григорий».

Саров. Предсказания блаженной Паши Саровской

На обратном пути из Сибири епископ Феофан останавливался помолиться в Саровской обители. Извещенное телеграммой о его приезде начальство обители выслало встречать «придворного» Владыку на железнодорожную станцию светского человека, рассудив, что духовник Царской Семьи, вероятно, лицо более светское, чем духовное, дабы занять «столичного епископа» светским разговором. Но во все время поездки в экипаже епископ Феофан в ответ на все «светские разговоры» хранил молчание. И невдомек было обиженному встречающему, что Владыка был погружен в неизменную для него непрестанную молитву.

По приезде в обитель епископ Феофан попросил Игумена предоставить ему возможность помолиться наедине в келлии преподобного Серафима, в той самой, в которой святой Старец отошел ко Господу. Когда молился Владыка, никто не смел ему мешать. Но, спустя довольно продолжительное время, братия была встревожена тем, что Владыка долго не выходит. Наконец решились войти. И обнаружили епископа Феофана в глубоком обмороке. Владыка Феофан не счел нужным говорить о том, что с ним случилось. И это обстоятельство показалось всем «каким-то таинственным и непонятным». Однако несомненно, что святитель Феофан обращался с горячей молитвой ко Господу, к Пресвятой Богородице, к преподобному Серафиму. И кто знает, где была душа его в это время?

По смирению своему Владыка умолчал о происшедшем с ним во время моления в келлии преподобного Серафима, но он рассказывал позже о том, что произошло с ним в келлии блаженной юродивой Паши Саровской, проживавшей в Дивеевской обители.

Молодой епископ Симферопольский и Таврический Феофан был у блаженной в 1911 году. На нем не было епископского облачения, и сам он не открыл ей, что он архиерей. Но по ее дару прозорливости в этом необходимости и не было. Она и так знала, кто перед нею.

Дивная раба Божья произнесла два пророчества. Одно касательно Царской Семьи, чрезвычайно важное для России, а другое имело личное значение для владыки Феофана. Старица – Христа ради юродивая – говорила мало, но владыке Феофану было дано узнать тогда многое.

Блаженная вдруг вскочила на скамейку, схватила портрет Государя Императора Николая II Александровича, висевший на стене, и швырнула

его на пол. Затем быстро схватила портрет Государыни Императрицы Александры Феодоровны и также швырнула его на пол. Затем приказала келейнице вынести портреты на чердак.

Это было за шесть лет до государственного переворота 1917 года.

Возвратившись в Таврическую (Крымскую) епархию, Владыка счел необходимым довести до сведения Августейшего Монарха то, что открыл Господь блаженной Христа ради юродивой Паше Саровской и что она предрекла без слов.

«Когда я, – вспоминал владыка Феофан, – пересказывал Государю все действия блаженной, Государь стоял молча, наклонив голову. Он ни слова не сказал по поводу сообщенного мною. Ему, видимо, было очень тяжело слушать это пророчество прозорливой. Только в самом конце он поблагодарил меня. И это провидение дивной рабы Божьей, данное ей Самим Богом, сбылось через шесть лет».

Этим страшным предсказанием блаженная повторила пророчества преподобного Серафима Саровского, старцев Оптинских, глинского старца схиархимандрита Илиодора, прозрения отца Иоанна Кронштадтского и другие предсказания прозорливцев российских, уже известные Государю. Второе предсказание дивной рабы Божьей блаженной Паши Саровской относилось лично к владыке Феофану.

Блаженная бросила какой-то комок белой материи на колени Преосвященному. Когда он развернул, это оказался саван покойника.

«Значит – смерть!.. Но да будет воля Божья!» – подумал Владыка.

Но в этот момент Паша подбежала и выхватила саван из рук. При этом она быстро как бы бормотала: «Матерь Божья избавит!.. Владычица Пресвятая спасет!»

Это предсказание о смертельной болезни владыки Феофана и о милости Божьей, явленной по молитвам Пресвятой Богородицы, сбылось спустя много лет, когда Владыка жил в одном из монастырей в Югославии.

На Симферопольской и Астраханской кафедрах

В 1910 году заботами Царского Семейства Владыка из Петербурга был переведен в Крым, на Симферопольскую кафедру, так как его слабому здоровью не подходил климат Северной столицы, с дождями и туманами. Он с облегчением расстался с Петербургом и переселился в солнечный Крым. Августейшее Семейство бывало здесь часто. Пребывание владыки Феофана в Крыму было наивысшим выражением непосредственной близости к Августейшему Семейству. Так, например, он рассказывал, как Царские Дети приносили ему собранную ими лесную ягоду, «такую душистую», и как маленький Наследник передавал ее ему из рук в руки. Он говорил о том, что из царских виноградников получал виноград на специальный курс лечения. Владыка часто пользовался царским автомобилем, чтобы побывать в горах, подивиться красотам природы Божьей и подышать чистым, упоительным горным воздухом. Он жил в непосредственной близости от них, и они окружали его заботой.

Часто владыка Феофан вспоминал, как он служил Божественные литургии во дворце. Как Государыня с Царственными Дочерьми пела на клиросе. Пение это было всегда молитвенное, сосредоточенное.

Владыка говорил: «С каким возвышенным, святым благоговением они пели и как читали во время этой службы! Во всем этом был подлинный, высокий, чисто монастырский дух. А с каким трепетом, с какими светлыми слезами приступали они ко Святой Чаше!..»

Вспоминал владыка Феофан благочестие, веру самого Государя: «Каждый будний день Государь всегда начинал с молитвы в храме. Точно в восемь часов утра он входил во дворцовый храм. К этому моменту служащий священник уже предварительно совершал проскомидию и прочитывал часы. Со входом Царя священник делал возглас: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков». И точно в девять часов Литургия кончалась. При этом надо заметить, что не было каких-либо пропусков, сокращений. И не было впечатления, что священник или хор торопились. Секрет был в том, что совершенно не было никаких пауз. Это и давало возможность за один час окончить Обедню. Для священника это было непременным условием. Государь всегда молился очень усердно. Каждое прошение ектеньи, каждая молитва находили живой отклик в его душе.

После богослужения начинался трудовой день Государя.

Спустя несколько месяцев после высочайшей аудиенции у Государыни по поводу Григория Распутина архиепископ Феофан был переведен на Астраханскую кафедру. Распространились слухи о том, что Императрица была рассержена на Владыку и потому сразу удалила его из Крыма. Но владыка Феофан был назначен епископом Астраханским 25 июня 1912 года, спустя более чем полгода после его встречи с Императрицей Александрой Феодоровной. Государь сам записал в своем дневнике о том, что принял Владыку спустя три дня после Пасхи, 28 марта/10 апреля 1912 года, во дворце в Ливадии:

«Принял епископа Феофана в 12 часов».

Здесь, в Астрахани, в местности с резким континентальным климатом, с очень жарким летом и очень холодной зимой, Владыка получил сильно изнуряющую его малярию. Приступ начинался почти мгновенно, и если Владыка был на богослужении в соборе, он прятался в угол и часто терял даже сознание. Служба продолжалась, кризис проходил, и сознание возвращалось. Приступы бывали настолько сильными, что после он едва мог двигаться. Обострилась и давнишняя болезнь горла, начался туберкулез горла.

В Астрахани произошел громкий случай со Святителем Христовым, слабым по телу, но сильным по духу веры. В день тезоименитства Государя Императора Николая Александровича Преосвященный Феофан, епископ Астраханский, вышел с духовенством для молебна о здравии Государя Императора на середину кафедрального собора. Но впереди Архиерея, ближе к алтарю, стоял какой-то, судя по одежде, магометанин, как выяснилось позже, консул Персии, в пышном наряде, с орденами и саблей, с тюрбаном на голове. Архиерей, бледный, немощный и больной, через диакона попросил консула отойти в сторону или встать вместе с официальными лицами, с генералитетом за кафедрой Архиерея. Консул остался на месте и ничего не ответил на просьбу Архиерея. Архиерей, подождав несколько минут, послал настоятеля собора с просьбой не стоять между алтарем и Архиереем с духовенством, отойти в сторону. Консул ни с места. Архиерей ждет, не начинает официального молебна. А в соборе собрано все начальство губернии и города, все военные в парадной форме. На площади перед собором солдаты, выстроенные на парад.

Снова подходят к консулу и просят его отойти в сторону и не стоять между духовенством и алтарем, тем более в таком демонстративном наряде. Вместо ответа консул показывает на часы, а затем разъяренно говорит: «Передайте вашему Архиерею, что уже давно пора начать молебен, как и указано в официальном расписании, молебен о

благоденствию Государя Императора. За задержку он, ваш Архиерей, за свое упрямство будет отвечать. На целых полчаса задержал молебен!»

Когда епископу Феофану сообщили ответ консула, он попросил передать ему: «Задерживаете молебен Вы, а не я. И пока Вы не отойдете в сторону, молебен не будет начат». И после того, как слова Преосвященного Владыки были переданы консулу, тот демонстративно покинул собор, сверкая глазами и бормоча угрозы Архиерею. Как только он сошел со своего места, Архиерей слабым, болезненным голосом тихо произнес: «Благословен Бог наш всегда, ныне и присно и во веки веков!» Все молящиеся вздохнули с облегчением. Молебен начался, хор запел.

А персидский консул в ту пору был очень влиятельным при дворе лицом. Политический курс тогда был на сближение с Персией. И угроза его оправдалась. Он сразу же послал возмущенный донос на «дерзкого Архиерея, который сорвал молебен о благоденствии Государя Императора». Персидский дипломат не постеснялся изобразить поступок Преосвященного Феофана в самых черных красках, как сознательную политическую демонстрацию «ссылного Архиерея». А немощный и больной епископ Феофан предал себя всецело в руки Божьи и ждал царского гнева. Но вышло наоборот. Государь и Государыня на случившемся убедились, что епископ Феофан действует невзирая на лица человеческие, так, как велел ему священный долг православного Архиерея.

Вскоре Преосвященный Феофан был переведен из Астрахани в Полтаву с повышением в звании: Архиепископом Полтавским и Переяславским.

Но до этого, в ожидании грозы из столицы, владыка Феофан сподобился благодатного видения за Всенощным бдением в храме.

Позже он вспоминал: «Такая скорбь была на сердце по поводу доноса персидского консула, а я такой больной... И как-то, находясь на службе в соборе, я увидел на Горнем месте в древних блестящих доспехах святого великомученика Феодора Стратилата... О, Господи! Да какая же это была для меня радость! Как это поддержало меня! Вся печаль моя, немощь телесная вмиг исчезли. Я понял, что Господь одобряет мое стояние за Его Святую Истину и поэтому и послал мне, немощному, такого дивного в мужестве Великомученика... О, как меня все это ободрило и возвеселило!»

По поводу того, что произошло в Астрахани с персидским консулом в день Ангела Императора, в связи с его доносом Государю, некая прозорливая схимонахиня Евгения, старица, прикованная многолетним недугом к одру, писала владыке Феофану: «Вижу сон. Грозные, черные тучи заволкли все небо. Но вдруг появляется святитель Иоасаф

Белгородский. Он читает длинную рукопись и разрывает ее. И в этот миг яркое солнце прорывается сквозь тучи. Они быстро исчезают, и только ласковое солнце приветливо светит с неба... Господу Богу слава!»

Когда Архиерей прибыл на вокзал и вошел в поезд, то у паствы, из любви к нему, сам собою получился отчаянный шаг: плачущий народ лег на рельсы и этим пытался воспрепятствовать отъезду. Люди лежали долго, пока не удалось призвать их к порядку.

Ясно было, что за этим переводом стояло Царское благословение епископу Феофану в связи с его исповеднической твердостью.

С неутешным плачем проводили христиане Астрахани своего Архиерея, подлинного Святителя Христова.

На Полтавской кафедре

Очень печальным было первое впечатление новоназначенного в Полтаву Архипастыря. Кафедральный собор при богослужениях был пуст. И Архипастырь обращается с усердной молитвой к Господу Богу, дабы Господь возбудил в его новой пастве ревность духовную, возжег в душах жажду покаяния.

И молитва Владыки была услышана. Храм наполнялся молящимися с каждым днем все больше. Молитвенная сосредоточенность Архиепископа передалась духовенству. Народ сразу почувствовал это, люди стали усердно молиться. Огромное впечатление производили на верующих тихие проповеди Владыки, сказанные в пророческом духе, но не от себя, а от лица угодников Божьих, предвозвещавших о страшных событиях в России и в мире, которые наступят очень скоро. Слова владыки Феофана действовали, подобно ударам грома. Богослужения в Успенском кафедральном соборе в Полтаве преобразились.

Здесь интересно сделать небольшое отступление, чтобы рассказать о том, как молился Владыка. Он тайные молитвы при богослужении читал невероятно быстро. На этой способности сказывался, видимо, навык непрестанной молитвы, совершаемой тайно в душе. Сослужащие священники не успевали прочесть тех же молитв, а Владыка уже давал знак следующего за молитвой возгласа. Особенно это выявлялось в первой части Литургии, в Литургическом каноне, где все молитвы и возгласы представляют собою единое целое. При этом Владыка бывал крайне напряжен и сосредоточен. Углубившись в молитву, он, видимо, не замечал времени, прочитывал тайные молитвы невероятно быстро, как бы «одним вздохом», поскольку читал не столько слова, сколько мысль молитвы.

Главное внимание владыка Феофан обратил на архиерейский хор. Он подыскал особого регента, с детских лет певшего в хоре и понимавшего, каким должно быть церковное пение. Это был священник Виктор Клемент, который организовал архиерейский хор в пятьдесят человек, из тридцати мальчиков и двадцати взрослых. Помощником регента был диакон Никита Милодан, с исключительным по благолепию высоким тенором.

Но кроме архиерейского соборного хора, был еще иной, малый архиерейский хор, певший ежедневно в храме архиерейского дома, в Крестовой церкви. Этот хор состоял из семи человек, трех мальчиков, все – альты, и четырех взрослых. В этом храме службы совершались по монастырскому уставу. Владыка Феофан непременно присутствовал на

службах, кроме воскресных и праздничных дней, когда он был в кафедральном соборе. В домовый церкви, как и в соборе, всегда было много молящихся.

Владыка Феофан обратил особое внимание на подготовку хористов. Для этого в епархии было организовано Певческое училище, в котором учились правильно, церковно петь с детского возраста. Ученики жили при архиерейском доме и были на полном обеспечении епархии. Общие науки они проходили по программе средних школ, но основное внимание уделялось церковному пению. Певчие обязаны были знать наизусть слова песнопения. Каждый закончивший училище прежде всего усваивал себе строгий вкус к выбору песнопений, а кроме того, получал запас знаний и практику управления хором. Детские голоса Полтавы считались лучшими в России.

Созданный владыкой Феофаном хор со временем стал выдающимся. И не только по технике пения – он доносил до молящегося истинный молитвенный дух Святой Церкви, а не «церковную музыку» по западному образцу. Все богослужение приобретало характер умилительно-молитвенный.

Архиерейский хор давал духовные концерты в некоторых городах Полтавской епархии. На одном из концертов присутствовал известный композитор. Он очень заинтересовался хором и пригласил к себе нескольких мальчиков-хористов. Когда мальчики пришли, он предложил им пропеть «в маску», ноты были без слов. Они было начали, а потом остановились, говоря, что в хоре с них не требуют обязательно знать ноты, что они поют по слуху, а мелодию и слова носят в памяти. Композитор торжествовал, потирая руки, он повторял: «Поймал, поймал!.. Мальчики не знают нот!» Композитор открыл «крупный изъян» у великолепного хора. Но смотрел он с точки зрения профессионала, артиста, а не с церковной, религиозно-аскетической.

В России народ природно-музыкальный. Простые, не знающие нот люди прекрасно поют, пользуясь врожденным слухом. Они носят пение в себе, в своей музыкальной памяти. И церковное пение, церковные мотивы хранят в себе. Все в их памяти: и слова песнопений, и мелодии. Ночью и без света они пропоют песнопения с тем же успехом, что и днем. Внимание их приковано к богослужению, они, душою молясь, поют, а когда поют – молятся. Этого трудно добиться от артиста, поющего по нотам.

Композитор тот понять этого не мог. Но в справедливости нами сказанного можно убедиться, если слушать хор артистов, исполняющих

церковное пение. С точки зрения музыкальной, они исполняют песнопение точно, но зачастую – холодно, не передавая того духа молитвы, который сокрыт в церковном песнопении. И наоборот, хор, состоящий из верующих, с точки зрения нотного исполнения во многом уступит им, но он передаст главное – дух молитвы. Поэтому и упрек маэстро в том, что «мальчики-хористы прекрасного хора поют по памяти, не зная нот», для этого хора совсем ничего не значил.

Трудами нового Архиерея в короткий срок преобразился кафедральный собор с его богослужением, и паства ответила на эти заботы трогательной любовью и преданностью. Известно стало, что молитвами Владыки ко Господу совершались исцеления больных и другие благодатные знамения.

Добрый и снисходительный, он становился совсем иным, когда находился в алтаре: здесь он был строгим и суровым и внушал трепет. Однажды, при большом стечении причастников, некий А.П. вошел в алтарь вместе с церковными прислужниками, надеясь причаститься вне очереди. На всю жизнь он запомнил тот грозный шепот, с которым Владыка выпроводил его вон. Вся эта группа лиц очутилась позади всех в церкви, и они подошли самыми последними к Чаше. При домашнем разговоре Владыка запретил А.П. на всю его жизнь вхождение в алтарь. «Но я же не женщина», – попробовал он возразить. «А Вы, может быть, считаете себя лучше женщины?» – «А как же священник?» – «Да, священник такой же человек, как и все, но когда он предстоит Престолу в облачении в алтаре, тогда он равен ангелу. За свое предстояние при богослужении он несет великую ответственность». Владыка при этом запретил А.П. всякую мысль о священстве или монашестве. И это не потому только, что прошедшая его холостая жизнь была беспорядочной, и не в личное его осуждение, а потому, если вследствие его прошлой жизни к нему был бы открыт доступ со стороны темных сил, ему было бы не под силу отражать нападение.

Когда требовалось, Владыка проявлял большую строгость. При объезде им своей епархии священники современного типа боялись показываться ему на глаза. Такие всегда могли услышать: «А Вы, батюшка, не будете ли так добры съездить на месяц в такой-то монастырь!» Но говорил это очень мягко и деликатно, когда видел, что у священника борода и волосы слишком заметно коротко подстрижены или еще что-нибудь подобное.

Обычный день у владыки Феофана в ту пору в Полтаве распределялся так. Вставал он от сна во второй половине ночи и совершал свое

молитвенное правило. Утром, по колокольному звону, он шел в домовую церковь, где очередной иеромонах совершал утреннюю службу и Божественную литургию. После Литургии Владыка пил кофе и удалялся в свой кабинет, где занимался епархиальными делами, а затем переходил к излюбленному чтению Святых Отцов. Много писал. Пополудни – обед. Если позволяла погода, выходил кратко в сад и, гуляя, совершал непрестанную молитву Иисусову. Затем снова удалялся в кабинет.

По звону к Вечерне шел в церковь. После Вечерни – прием посетителей. Посетителей бывало так много, что Владыка очень уставал. После ужина – свободное время для беседований с причтом и кабинетной работы.

Обстановка его кабинета была самая простая. В углу стояла железная кровать с досками вместо матраца, на которой Владыка иногда немного спал. Было много икон. Владыка молился пред ними подолгу, со свечой в руке, несмотря на зажженные лампы. Трапеза его была самой простой, и ел он очень мало. Изредка выходил в сад подышать свежим воздухом. Когда сильно переутомлялся, изнемогши от приемов, уединялся на несколько дней в Лубенский Спасо-Преображенский монастырь. Отдохнув немного, снова принимался за этот же труд.

Однажды родители одного юноши, духовно близкие к архиепископу Феофану, пожаловались ему, что единственный их сын, которого они очень любили, совсем отбился от рук: домой приходит поздно ночью и не в трезвом виде. В церковь совсем забыл дорогу. (А ведь был такой богомольный мальчик!) И что с ним делать теперь? Родители просили молитв Владыки о погибающем.

И вскоре случилось так, что сын вернулся ночью сильно пьяным, буянил в доме, скверно ругался, а наутро не встал. Приключилась с ним какая-то непонятная для докторов болезнь. Он ничего не ел и не говорил, метался в постели как помешанный, сильно ослабел при очень высокой температуре. Родители потеряли уже и надежду на его выздоровление, они умоляли Владыку помолиться о нем.

Больной был без сознания, стонал, кричал, а потом пришел в себя, но и сам, по-видимому, уже отчаялся в жизни, поскольку не мог ни есть, ни говорить. И вот в таком состоянии он увидел то ли во сне, то ли наяву какого-то монаха, который строго сказал ему: «Если не справишься, не оставишь путь греха, которым ты идешь, то непременно умрешь и погибнешь!»

Больной со слезами обещал Старцу, что исправится. И после этого понемногу смог принимать пищу, а затем вернулась к нему и речь.

Непонятная болезнь оставила его, и он начал быстро поправляться. И, как только встал на ноги, первым делом отправился в собор, горячо молился и со слезами каялся. А после службы со всеми богомольцами подошел под благословение Архиеерея. И каково же было его изумление, когда в Архиеерее он узнал того старца, который говорил с ним ночью и которому он дал обещание исправиться.

С той поры юноша исправился и бывал часто у Владыки, благодарил его за его святые молитвы, плакал и умолял простить и снова давал обещание жить по-христиански. Надо ли говорить о том, какую благодарность к Архиепископу имели родители этого юноши?

Здесь же, в Полтаве, был другой случай. Состоятельные родители также жаловались на сына, что он ни во что ставит родительский совет не идти тем путем, которым он шел под влиянием беспутных друзей: путем частых ночных отлучек, попоек и кутежей. Родители же сами, будучи состоятельными, баловали его деньгами. Но пришли к Архиепископу и вздыхали, и даже плакали. А когда архиепископ Феофан, ссылаясь на Божественное Писание и Святых Отцов, советовал им не давать сыну денег, держать его строго и наказывать, то родители возражали ему: «Нет, нет, мы будем его воспитывать с любовью, в христианском духе. А когда он вырастет, поймет и оценит наше чуткое воспитание».

После этого Владыка замолчал. Сын рос, и с возрастом становился все хуже и хуже. Прежде он просил денег, а теперь стал их требовать и похищать у родителей. Родители – опять к Владыке за советом: как быть и что делать? Владыка им отвечал: «Разве я вам не давал совет, но не от себя: строже держать сына. Разве это мои слова? Вы сами можете прочесть об этом в слове Божьем и у Святых Отцов. Они ясно говорят, что детей надо воспитывать в строгости, но без жестокости. Вот такое-то воспитание сами дети поймут впоследствии и с благодарностью оценят».

Но родители опять свое, опять проповедуют ложное, либеральное воспитание: «Да неужели наш сын не оценит нашей любви к нему?» – «Но подлинная любовь христианская должна выражаться и в строгости. Надо быть справедливым и строгим. Этого требует любовь, настоящая любовь к вашему сыну. Вы сами поймете потом, как вы глубоко ошибались. Да будет уже поздно!»

И чем все кончилось? Сын стал на преступный путь, и сердобольные родители прокляли его и лишили наследства. И когда пришли они снова с горьким плачем к владыке Феофану, то говорили, что они тяжко согрешили своим «воспитанием», не послушав его совета.

Вспоминая позже этот случай, Владыка говорил: «Да, некоторым

родителям, прежде чем воспитывать своих собственных детей, надо бы самим воспитаться, вернее, перевоспитаться в христианском духе. Тогда не получилось бы того, что случилось с этой семьей!»

А вот рассказ жены профессора Полтавской Духовной семинарии Л.В.И. о случившемся в их семье.

В 1915 году в отпуск с театра военных действий приехал ее сын, офицер, у которого в Полтаве была невеста. Отпуск этого офицера кончился на Пасхальной неделе. Молодые хотели венчаться перед отъездом жениха. Л.В. близко знала владыку Феофана, и он любил всю их семью. И Л.В. пришла к Владыке и просила благословения на бракосочетание в один из дней Пасхальной недели. Владыка, всегда внимательный и готовый помочь всякому просящему, на этот раз грустно задумался и сказал, что он хочет прежде посмотреть в канонах, а тогда даст свой ответ.

Через несколько дней мать жениха опять пришла к Владыке. Владыка твердо сказал: «Благословить бракосочетание Ваших детей в эти пасхальные дни я не могу, не имею права, так как Церковь не разрешает этого, и для молодых будет большое несчастье, если они не послушают Церкви».

Мать страшно огорчилась и наговорила много неприятностей Архиепископу. Она считала, что Владыка, как строгий аскет, не понимает жизни и поэтому не разрешает бракосочетание в совершенно исключительных условиях.

Несмотря на запрет Архиеерея, нашелся какой-то священник, который согласился совершить их бракосочетание. Обвенчавшись, офицер уехал, оставив молодую жену в Полтаве. Но с этого момента след его был потерян. Несмотря на все хлопоты матери и молодой жены, никто не мог им сказать, где он и что с ним случилось.

Рассказывая об этом, Л.В. сильно плакала. Она говорила позже: «Как велик был Владыка архиепископ Феофан!.. И как мы мало его ценили, не понимали и не слушались».

Полтавцы знали, как Господь молитвами владыки Феофана исцелял больных и как Владыка своими молитвами многих ограждал от греха. Но если кто-то не слушал его, то сам навлекал этим на себя кару.

Несколько раз, по просьбе верующих, владыка Феофан извещал их о загробной участи скончавшегося родственника. Так, в Полтаве проживала благочестивая семья: муж и жена, любившие владыку Феофана. Скончался муж, и вдова по своей простоте спросила: «Владыка святой, скажите ради Христа, Господь Вам откроет, какова судьба моего дорогого покойника?»

Архиепископ ей ответил, что если Богу будет угодно, то, быть может, через некоторое время он сможет ей ответить на этот вопрос, но при условии обоюдной молитвы об этом. Владыка помолился и дал опечаленной вдове вполне утешительный ответ: «Всемиловитый Господь простил его и помиловал!»

У неких состоятельных людей было две горничных, одна из которых неожиданно скончалась. А после ее смерти обнаружили исчезновение некоторой суммы денег. Хозяева обвинили в краже денег оставшуюся в живых прислугу. Обвиняемая заверяла хозяев в своей невинности и непричастности к этой пропаже, но сама логика заставляла подозревать эту горничную в том, что она, пользуясь случаем смерти своей подруги, украла деньги. Она горько плакала и усердно молилась Царице Небесной, чтобы Матерь Божья открыла тайную пропажу денег. И Всесвятая Владычица указала место, где находились деньги, владыке Феофану. Умершая горничная припрятала их для большей сохранности, но не успела сказать об этом. И пропавшие деньги были найдены в указанном Владыкой месте. Так невинная женщина была избавлена от подозрения в краже денег. А что касается владыки Феофана, то он никогда в этом доме не бывал и хозяева не были знакомы ему.

Другой случай произошел еще прежде, когда он был в Крыму, на Симферопольской кафедре. К владыке Феофану явился некий юноша, уже умерший.

Владыка знал его лично. И этот юноша-покойник просил его святых молитв. Он объяснил, что сейчас проходит страшные места мытарств и очень боится за себя, как бы не был задержан на каком-нибудь из них. А ведь их много, двадцать одно мытарство...

Владыка молился об упокоении его души и о беспрепятственном прохождении всех мытарств. И после этого юноша явился во второй раз, благодарил Святителя за его святые молитвы и попросил совершить благодарственный молебен. Владыка был удивлен и ответил ему: «Да ты же – умерший. За тебя надо служить панихиды, а никак не молебны».

На это умерший ответил: «Мне так сказано, там разрешили... Там ведь мы все живы, и мертвых среди нас нет!»

При этом умерший рассказал, каким порядком совершается переход от земной, временной жизни к жизни бесконечной, вечной.

Келейник владыки Феофана, со временем ставший епископом Иоасафом, задал ему вопрос о загробной участи одного Белгородского епископа, которого нашли как бы повесившимся в уборной архиерейского подворья: «Погибла ли его душа?»

На это архиепископ Феофан ответил: «Епископ не погиб, так как не сам наложил на себя руки: это сделали бесы путем обмана».

Дело в том, что архиерейский дом перестраивался. А прежде в нем была домовая церковь. Но строители, настроенные безбожно, сознательно, с кощунственной целью устроили так, что там, где раньше был алтарь и стоял Святой Престол, они сделали уборную. А когда оскверняются священные места подобным образом или совершением убийства или самоубийства, оттуда удаляется благодать Божья и там поселяются бесы. Был ли виновен упомянутый епископ и если да, то в какой степени он виновен в допущении этого кощунства, нет никаких данных. Но ясно, что он стал так или иначе жертвой злобы бесовской.

Как-то владыка Феофан рассказывал о курьезном случае, когда он был на кафедре Полтавской. В епархиальное управление поступило заявление от одного прихода о том, что их батюшка занимается черной магией, «колдует». Был он прежде рыжим, но в одну ночь стал черным, а потом постепенно превратился в фиолетового, а теперь все волосы стали зелеными. Пришлось вызвать этого священника. И священник с плачем рассказывал: «Матушка моя все приставала ко мне, рыжий да рыжий, хоть бы покрасил свою бороду. Вот я и покрасил в черный цвет. А черный начал линять, со временем изменился в фиолетовый, а теперь борода стала зеленой. Простите Христа ради! Никакого колдовства здесь не было, а было простое малодушие!»

Владыка Архиепископ, отвечая священнику, сказал: «Ваша ошибка в том, что Вы ввели в соблазн «малых сих». Не понимая, в чем тут дело, они в сущности правильно поступили. Так что их упрекать за это не надо. По-своему они правы. Вам надо попросить у всех у них прощения. И впредь Вы должны быть осмотрительней. Епитимьи Вам не назначаю, Вы сами священник, наложите на себя епитимью».

К этому рассказу Архиепископ добавил: «Вот и пришлось направить в этот приход благочинного, чтобы разъяснить и успокоить взволнованных таким происшествием прихожан».

Так подвизался архиепископ Феофан (Быстров) в подвиге святительском на Полтавской кафедре. Шли предвоенные и военные годы Первой мировой войны.

Благочестивый народ Полтавы видел воочию, насколько плодотворны труды Архиерея, и ответил на труды его молитвенные и административные трогательной любовью и преданностью. Паства почитала в своем Архипастыре крепкого молитвенника. В любви народной было не только глубокое уважение к святыне сана, но чтился он и за жизнь

подвижническую. Всенародная любовь принимала умильные формы, когда Владыка прибывал в храм для служения в праздник: ступеньки храма и весь путь его бывали усыпаны цветами. И картина эта поражала своим контрастом: по живым, ярким цветам, красивым и благоухающим, шел бледный и худой человек – человек не от мира сего. Однако сам он не относил к себе лично эти почести, но принимал их как символ архиерейского пути: «Тако да просветится свет твой пред человеки, яко да видят добрая дела твоя, и прославят Отца нашего, Иже на небесех, всегда, ныне и присно и во веки веков, аминь!»

Помазанник Божий – Государь Император Николай II. Грех русского народа

В июле 1914 года началась война с Германией и ее союзниками. Вполне естественно, военные действия сильно волновали владыку Феофана. После первоначальных успехов на всех фронтах русская армия была вынуждена, по нехватке боеприпасов, перейти к обороне. Под влиянием мировых военных авторитетов и мировой прессы Генеральный штаб допустил ошибочный расчет, что ожидаемая война будет короткой, в несколько месяцев. При переходе к пассивной обороне потери убитыми и ранеными возросли. Патриотический долг тыла – помощь армии. По призыву Полтавского архипастыря Полтава с готовностью открыла военные госпитали для раненых. И сам архиепископ Феофан перешел жить в семинарию, а свой дом, переоборудовав, передал под военный госпиталь.

Радостные и печальные переживания принесли владыке Феофану последние дни 1916 года.

В Полтаву прибыл, для всех неожиданно, из Ставки фронта Государь Император как Верховный Главнокомандующий всеми Вооруженными силами России. После первых отступлений на германском фронте из-за недостатка боеприпасов теперь Россия напрягла свои усилия, и, снабжая фронт, на каждом ящике писали: «Боеприпасов не жалеть!»

Россия готовилась ко всеобщему наступлению. И Государь прибыл в Полтаву окрыленным несомненной надеждой на военный успех. Он прибыл в Полтаву именно для того, чтобы на месте дарованной Богом победы Петру Великому 27 июня 1709 года над шведским королем Карлом XII испросить у Господа новую победу России, при участии Архиерея, которого он хорошо знал и которому полностью доверял.

Молебен о даровании победы был отслужен владыкой Феофаном в присутствии Государя Императора Николая Александровича в кафедральном соборе Полтавы. Но сам владыка Феофан, зная о грозных пророчествах, не был уверен, что Господь простит грехи народа и отменит Свое слово о судьбе России, ибо Россия 1916 года не была пред Ним Россией 1709 года. Ясное понимание этого наполняло душу Владыки глубокой скорбью и тревогой за судьбы России. Если тогда был один предатель и изменник, то теперь их было неисчислимое множество.

Владыка Феофан возблагодарил Бога за Августейшее посещение именно его епархии с такой благочестивом целью, за Монаршую милость,

свидетельствовавшую о прежнем доверии и любви к нему лично, но радость та была на фоне грозных пророчеств о России.

Не только враги России, но и коварные «союзники» бросили тогда миллионы на моральное разложение российского тыла. Революционеры всех мастей получили огромные средства для ведения подрывной пропаганды за спиной доблестной российской армии. Часть интеллигенции и военного руководства, позабыв о своем священном долге перед Государем и Родиной, поддалась самоубийственной крамоле. Революционная раскачка всего здания Империи достигла даже верховной власти. Некоторые слепые вожди (Мф.15:14) утверждали: «Чем хуже – тем лучше».

Высший генералитет изолировал Государя не только от народа, но даже и от его Семьи. Государь не знал, что делается с его Семьей, а Семья не знала, что делается с ним. Среди «своих» он был как пленник. Пред угрозой отстранения От власти он говорил: «Нет той жертвы, которую я не принес бы во имя действительного блага России и для спасения ее».

Архиепископ Феофан, успевший так близко узнать Царскую Семью и оценить ее чистый, святой, христианский уклад и возвышенный облик Царственных Особ, был потрясен до глубины души объявленным отречением Государя.

В октябре 1917 года одних богоборцев сменили власти другие – на смену демократам встали социал-демократы, большевики. Стоявший во главе их вождь Ленин на митинге кричал: «Нам, господа хорошие, на Россию наплевать!»

И повсюду в стране началось беспрецедентное в истории уничтожение негодных власти людей, и таковых были миллионы!

Последствием устранения Божьего Помазанника от власти стал раскол общества из-за разрыва связующей духовной нити между Батюшкой Царем и народом, его детьми, утвержденной и воплощенной в бытие русское рукою Божьей.

Предсказание старицы – Христа ради юродивой Паши Саровской, переданное преосвященным Феофаном в 1911 году лично Государю, а также предсказания многих святых угодников Божьих начали сбываться.

Забыл народ русский Господа Бога, отверг клятву, данную праотцами, клятву на верность Богу и Его Государю. И никто не поднял открыто знамени Всероссийского Собора 1613 года, не осталось верных завещанному в «Утвержденной Грамоте», которая гласит:

«ВО ИМЯ ОТЦА И СЫНА И СВЯТАГО ДУХА

Утвержденная Грамота

Великого Всероссийского Собора в Москве,
Церковного и Земского, 1613 года.

Послал Господь Свой Святы́й Дух в сердца всех православных христиан (Земли нашей), яко едиными усты вопияху, что быти (...) Царем (...) и Самодержцем Тебе, Великому Государю Михаилу Феодоровичу.

Целовали все Животворный Крест и обет дали, что за Великого Государя, Богом почтенного, – Богом избранного и Богом возлюбленного Царя (...) и за их Царские Дети, Которых Им, Государям, впредь Бог даст, души свои и головы положить и служить им, Государям нашим, верую и правдою, всем душами и головами.

И иного Государя, мимо Государя Царя (нашего) – (...) и Их Царских Детей, которых Им, Государям, впредь Бог даст, искати и хотети иного Государя из каких людей ни буди, или какое лихо похочет учинити; то нам, боярам, и окольниковым, и дворянам, и приказным людям, и купцам, и детям боярским, и всяким людям на того изменника стояти всюю землею за един.

Прочтоша сию Утвержденную Грамоту на Великом Всероссийском Соборе и выслушав большее во веки укрепление – быти так во всем потому, как в сей – Утвержденной Грамоте писано. А кто убо не похочет послушати сего Соборного Уложения, его же Бог благослови, и начнет глаголати ино, и молву в людях чинити, то токовый, аще от священного чину, и от Бояр, Царских Синклит, и воинских, или ин кто от простых людей, и в каком чину не буди, по священным правилам Св. Апостол, и Вселенских седми Соборов Святых Отец, и Поместных; и по Соборному Уложению всего извержен будет, и от Церкви Божией отлучен, и Святых Христовых Тайн приобщения; яко раскольник Церкви Божией и всего православного христианства, мятежник и разоритель Закону Божию, а по Царским Законам месть восприемлет; и нашего смирения и всего освященного Собора, не буди на нем благословения от ныне и до века. Да будет твердо и неразрушимо в предъидущия лета, в роды и роды, и не прейдет ни едина черта от написанных в ней (в Утвержденной Грамоте) (...)».

Русский народ согрешил, поддавшись безбожникам, отступив от заветов своих отцов, оставив Помазанника Божьего одиноким в самую трудную минуту и допустив страшное злодеяние цареубийства.

Искушения от обновленцев и от украинских самостийников

Как епархиальный Архиерей архиепископ Феофан был членом Поместного Собора Всероссийской Православной Церкви 1917–1918 годов.

Иногда Архиепископ делился своими впечатлениями о Соборе. Так, произошел один случай, встреча с группой духовенства обновленческого толка и с некоторыми либерально настроенными профессорами духовных академий. Эти либералы-модернисты решили «уловить» Архиепископа «в словах».

Они начали с лести: «Мы уважаем, мы чтим Вас, Ваше Высокопреосвященство, мы знаем Вашу принципиальность, Вашу стойкость. Вашу церковную мудрость. Вы сами видите, как волны времени быстро несутся, меняя все, меняя и нас... Была Монархия, был Самодержец-Царь, а теперь ничего этого нет. И нам, с учетом этих перемен, приходится невольно уступать. И, как выражается великий учитель Церкви святитель Иоанн Златоуст, что иногда, дабы успешнее ввести корабль Церкви в пристань, кораблю приходится уступить волнам с тем, чтобы, выждав удобный момент, ввести корабль в пристанище... Вот и в данный момент Церкви необходимо немного уступить...» «Да, – ответил Архиепископ, – но вопрос: в чем уступить?» – «Быть с большинством! В противном случае ведь с кем Вы останетесь?!» – «Большинство может меня запугать, – привел в ответ слова святителя Василия Великого Владыка, – но не сможет меня убедить...» И добавил: «Мы остаемся с теми, кто две тысячи лет созидал собою великое тело Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви. Мы останемся со святым равноапостольным князем Владимиром и бесчисленными сонмами явленных и неявленных угодников, начиная с Киево-Печерских, с преподобными Антонием и Феодосием и с прочими святыми по землям и краям Отечества нашего, с преподобными Сергием Радонежским и дивным Серафимом Саровским, со святителями и мучениками Российскими, под Покровом Царицы Небесной, Заступницы нашей... А таких «уступок», о которых Вы думаете, нам делать не должно!»

Оппоненты на этом оставили архиепископа Феофана.

После Собора, вернувшись в Полтаву, владыка Феофан пережил большие неприятности при столкновении с украинскими самостийниками, петлюровцами. Захватив власть в Киеве в свои руки,

Петлюра и его сторонники потребовали от Полтавского архиерея совершить торжественную панихиду по бывшем гетмане Украины Иване Мазепе, любимце Царя Петра, но в Полтавском бою предательски изменившем Царю и перешедшем на сторону врагов – шведов и за это преданном Российской Православной Церковью анафеме.

На это требование петлюровцев Архиепископ ответил: «Я не могу своею властью, не имею никакого права это сделать, хотя бы уже потому, что бывший гетман Иван Мазепа предан Церковью анафеме за свое предательство. И я, архиепископ Полтавский, этой анафемы отменить не могу. Ей уже более двухсот лет. Эта анафема наложена высшим управлением Церкви того времени». – «Так это же сделали москали, русские, в Синоде!» – «Нет! Вы глубоко ошибаетесь. Тогда Синода еще не было, но не было и Патриарха. Церковь управлялась Местоблюстителем Патриаршего престола. А этим Местоблюстителем как раз был митрополит Стефан (Яворский), уроженец Западной Украины. Да и вообще Царь Петр приближал к себе более украинцев. Можно назвать митрополита Феодосия (Яновского), митрополита Феофана (Прокоповича) и других».

За этот мужественный отказ совершить противозаконное и антиканоническое деяние самостийники заключили архиепископа Феофана в тюрьму. И он вышел из тюрьмы только тогда, когда самостийные власти сбежали из Полтавы при наступлении Добровольческой белой армии.

Нашествие варваров. Жребий изгнанничества. Югославия

Революционеры Временного правительства продержались у власти всего восемь месяцев. Но на гребне эсеровской революции власть захватили настоящие богборцы – интернационалисты-большевики. И началась кровавая расправа со всеми неудобными. Началась Гражданская война. Большевики показали свое лицо, лицо зверя... *из бездны* (Откр.11:7).

Архиепископ Феофан был арестован чекистами. Но, с Божьей помощью, все обошлось. Владыку отпустили. Армия Деникина освободила Полтаву от большевиков, однако долго не удержалась, и через несколько месяцев ей пришлось отступить.

Владыка вместе с иеромонахом Иоасафом выехал в Крым, в один из монастырей на берегу Черного моря, недалеко от Феодосии. Наступал праздник Светлого Христова Воскресения, Пасхи, но не было денег, чтобы разговеться. Иеромонах Иоасаф спросил Владыку: «Что нам делать?» – «Надо помолиться», – сказал Владыка. И вот шли они по берегу моря, был сильный ветер, волны на море. Одна волна выбросила на берег, прямо к ногам иеромонаха, большого дельфина. Отец Иоасаф подхватил его, взвалил на плечи и отнес на базар. На вырученные деньги накупил всего для разговления и вернулся к Владыке, сказав: «Велика Ваша вера, Владыка, теперь нам есть чем разговеться».

Белая армия, отступая, предлагала епископам «временно» эвакуироваться, потому что красные епископов убивали. И иерархи Юга России покинули свои кафедры, предполагая, что это ненадолго. С точки зрения канонов было для этого вполне законное основание: опасность «нашествия варваров». И вот епископы, отходившие с Добровольческой белой армией, переезжают из Ставрополя в Екатеринодар (Краснодар). Здесь старейший иерарх, митрополит Киевский и Галицкий Антоний (Храповицкий), выходит из собора со всем духовенством на соборную площадь, запруженную тысячами народа, и, обращаясь к ним, говорит: «Дорогие во Христе Господе нашем соотечественники, православные христиане! Вот мы, иерархи Всероссийской Православной Церкви, под напором красных безбожников покинули свои кафедры, отступая вместе с Белой армией, потому что красные изверги всех архиереев, зверски мучая, убивают. Но в сегодняшний день мы решили спросить вас, народ Божий: что нам делать? Ибо издревле считается, что глас народа – глас Божий!

Отступить ли и далее с Белой армией, а ведь она, возможно, будет вынуждена временно покинуть земли дорогой нашей Родины, или уже не следует далее уходить, а остаться на волю Божию и принять страдания и мученическую смерть за нашу Святую веру Христианскую? Мы вручаем сегодня себя Господу Богу и вам. И как вы решите, так и да будет!»

Весь народ закричал: «Нет, нет, нет!.. Уходите, уезжайте за границу. И там усердно молитесь о нас!..»

Так решил народ, так ответил «глас Божий»!

Здесь же совершили прощальный молебен, и многочисленный народ молился со слезами. Казаки подходили прощаться ко всем иерархам.

Группа эвакуированных архипастырей с остатками Белой армии отошла в Крым. Здесь епископы ютились в севастопольском Георгиевском монастыре. Через три месяца они покинули и Крым и оказались за пределами России, в Константинополе. Вместе с прочими архиереями архиепископ Полтавский и Переяславский Феофан принял скорбный жребий изгнанничества. Потрясенный эсхатологическими событиями на Родине, архиепископ Феофан был всецело погружен в непрестанную молитву о всех умученных и убиенных зверем и о тех, кто в его власти...

Иногда он служил в различных подворьях афонских монастырей Константинополя. Профессор Н.М. Зернов в своих воспоминаниях «На переломе» дает в немногих словах духовный портрет архиепископа Феофана: «Архиепископ Феофан Полтавский (Быстров. 1874–1940) был ученый аскет, отрешенный от мира. Со склоненной вниз головою, с едва слышным голосом, он иногда служил на одном из афонских подворий. Казалось, что он не замечает окружающих и весь погружен в молитву. От него исходила только ему присущая сила, которая приковывала внимание к этому хилому старцу».

Из Константинополя российские иерархи выехали в основном в Королевство СХС, позже названное Югославией, потому что юный король Александр сохранил трогательную любовь и благодарную память к России в лице российских изгнанников.

Владыка Феофан приехал в Югославию и поселился в одном из монастырей, в Петковице, предоставленных русским, и был там священноигуменом.

Об этом повествует схиархимандрит Амвросий (Мильковский), живший в том же монастыре и рукоположенный архиепископом Феофаном в сан иеромонаха. Он сообщает, что Владыка некоторое время нес очень суровый пост. Его дневное питание составляла просфора с водой. И кроме того, он носил вериги. Но убедившись на собственном

опыте, что при слабом организме такое питание приводит только к расстройству здоровья, он последовал совету Святых Отцов. Чрезвычайное пощение оставил, восприняв умеренность «царского среднего пути». Он приложил все усилия к «умному деланию», к стяжанию непрестанной молитвы, которая с успехом вела в нем «невидимую брань». И Господь даровал ему Свое благословение. Он стяжал этот редкий дар Божий.

И все же владыка Феофан прилежал держать довольно строгий пост. Он не вкушал пищи вместе со всеми и, по крайней слабости, не выходил на полевые работы. Все это вызвало непонимание старшей братии. Они осуждали Владыку, роптали на него и предпочитали ему епископа Вениамина, представлявшего тип монаха общественного, социального. Но юные из братии были на стороне владыки Феофана. Старшие не скрывали от него своего ропота. При его, человека молитвы, игуменстве монастырь стал другим; многие, особенно молодые, брали пример со священноигумена. Но понимая то, что успокоить брожение в монастыре он не может, и имея горячее желание иной, затворнической жизни, Архиепископ решил покинуть монастырь в Петковице.

Перед отъездом, в день праздника церкви в Петковице, 1 октября 1923 года, когда Владыка совершал Божественную литургию в Петковицком монастыре, некоторые из братии сподобились видеть в алтаре около Святого Престола стоящую и молящуюся вместе с Владыкой святую великомученицу Параскеву (по-народному – святую Петку)... Сие дивное видение остановило то недовольство, ту распрю среди братии монастыря против игуменства архиепископа Феофана, ибо святая Параскева показала, что она вместе с ним.

Шла война, в Югославии находились немецкие войска.

Больной Архиепископ перешел в небольшой монастырь на побережье Адриатического моря, в курортном месте. Монастырь был фактически пустой. Болезнь Владыки усиливалась. Из-за общей слабости он с трудом мог двигаться. Больное горло отнимало последние силы. Владыка с каждым днем все более и более слабел. Богослужений в монастыре не было, некому было служить.

А неподалеку был сербский православный монастырь. Однажды в том монастыре зазвонили к вечерне. И Владыка решил, быть может, в последний раз, помолиться в храме. Собрался и пошел на звон. Когда с трудом дошел, то увидел, что иеромонах играет в карты за оградой, епитрахиль его висит на дереве рядом, а храм – на замке.

Владыка Феофан подошел к иеромонаху и спросил его: «А что, вечерня уже отошла?» Иеромонах ответил: «Мы позвонили, чтобы

верующие знали, что завтра праздник!» – «А вечерняя служба?» – «Так службы у нас не бывает, только – звон!»

Архиепископ молча поклонился иеромонаху и в тяжком раздумье пошел в свой монастырь: «Вот он – тот упадок веры, о котором сказано: *Но Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле? (Лк.18:8)*. У нас, в России, насилием уничтожают веру, а здесь она гаснет сама собою и в пастырях, и в пасомых».

С такими печальными мыслями Архиепископ возвратился к себе в келлию. В последующие дни он быстро начал терять свои силы. Горло нестерпимо болело. Пищи он не принимал, да и совершенно отсутствовал аппетит.

«...И вот среди всей этой братии, среди этих русских иноков стоит маленькая фигурка Святителя. Трудно говорить о таких людях, трудно даже подойти. С особым благоговейным трепетом склоняешься в земном поклоне перед ним, прося его благословения. И, не смотря в его лицо, принимаешь широкое его осенение маленькой, суховатой рукой, немного отрывистое и резкое. И особенно становится благоговейно, если взглянуть в его лицо: немного припухая, точно детская верхняя губа, черная маленькая бородка, длинные волнистые волосы почти до пояса, слегка раскосые глаза, надвинутый клобук. Великий постник, молитвенник, человек той особой духовной жизни, уже увидевший те высоты и лазурные, светлые дали, которые видимы им, этим полуземным людям, этим ангелам во плоти, уже живущим не здесь».

Иеромонах Киприан.

Крины молитвенные.

Белград. 1928

Он понимал, что приближается конец. Наступал праздник Покрова Пресвятой Богородицы. Сил уже не было совершенно. Он помолился ко Пресвятой Богородице со слезами и, лежа, предал себя в руки Божьи, как умирающий: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, в руке Твои предаю дух мой!» И далее он ничего уже не помнил.

Малочисленная братия монастыря была крайне встревожена. Архиепископ был, как мертвый, но все же заметно было дыхание... В таком положении он пробыл двое суток. На третьи сутки он очнулся и ощутил в себе огромную перемену. Это было чудесное возвращение к жизни. Слезы радости полились из глаз Владыки, слезы беспредельной благодарности ко Господу Богу, ко Пресвятой Богородице. И вспомнились внезапно слова пророчества дивной рабы Божьей, старицы и Христа ради юродивой Паши Саровской: «Матерь Божия избавит!.. Пресвятая

Владычица спасет!..»

В этот миг он ясно припомнил, как раба Божья всплеснула руками от удивления и восторга и выхватила саван из его рук...

Владыка Архиепископ нашел в себе совершенно новые силы. Он бодро встал и начал горячо молиться и благодарить Пресвятую Деву, Царицу Небесную за Ее великую милость, за явное чудо спасения от смерти.

А вскоре совершилось другое дивное событие, чудо Божье. Вдруг, совершенно неожиданно, пришла на имя владыки Феофана посылка из советской России от неизвестного лица. И в ней – прекрасная икона преподобного Серафима Саровского. Какая была это радость! И все слилось вместе в великую благодарность за избавление от смерти по святым молитвам преподобного Серафима Саровского через молитвы Христа ради юродивой Паши Саровской к Царице Небесной!..

Как такая посылка могла прийти из страны, охваченной богоборчеством, когда и простые письма из России не доходили?! Да и кто мог знать там адрес Владыки? Чудо, чудо Божье, дивное чудо!..

Случай со священником

Архиепископ Феофан жил в одном из русских монастырей Югославии. Поблизости был город Эрцегнови. В нем русским беженцам была предоставлена одна небольшая церковка, в которой служил молодой одинокий батюшка. Семья его осталась в России, не смогла с ним выехать. И он очень горевал и сокрушался об этом.

Подошла Святая Пасха, и священник этот, но русскому обычаю, пошел по прихожанам, поздравляя с Великим Праздником и молясь в каждом доме Воскресшему Христу о дорогой Родине. Он всех поздравлял с радостным Днем Святой Пасхи, а у самого на душе было так тяжело – как вспомнит о семье, сидя за пасхальным столом, так и заплачет. И, переходя из дома в дом, он незаметно для себя охмелел, а под конец даже и потерял над собою контроль. При нем были церковные деньги, вся касса. Но когда хмель прошел, он спохватился, а денег нет. Что делать? Где искать? Ведь во многих местах был. Священник сознавал себя виновным. Он обошел некоторые дома, спрашивал. И все ему отвечали, что никаких денег не находили.

А человекоубийца-диавол тут как тут, внушал отчаяние бедному священнику: «Да ведь совершенно ясно, что Бог тебя оставил. А ты все уповал на Него. Ты ведь и без семьи, и о них нет у тебя никаких вестей, а тут еще такой невыносимый позор – пропажа церковных денег. Да еще в такой день! У всех радость, и только у тебя одного такое страшное горе. И кто тебе поверит, что деньги действительно пропали и ты не знаешь сам, где они. Все думают, что ты сам их украл и делаешь вид, что страдаешь... В их глазах ты вор церковного имущества. А еще священник! Ведь похищение церковного имущества – самый страшный грех!... Какой выход? Чтобы доказать всем, что ты невиновен и чист, иного пути нет, только – в петлю! Тогда все поймут, что ты – не вор...»

Вот такие-то мысли и вертелись в бедной голове несчастного священника. И все настойчивей и настойчивей. И бедный Батюшка решил на страшное: если не найдутся деньги, покончить с собой: «Другого выхода нет!..»

Он плакал горячими слезами. И с этими мрачными мыслями, измученный и утомленный, поздним вечером заснул и увидел во сне архиепископа Полтавского Феофана. Владыка сказал ему: «Иди в Божий храм и там потерянное найдешь!»

Священник очнулся от сна, вскочил: «Господи, неужели это

спасение?!» Он тут же бегом побежал в храм. Молясь и обливаясь слезами, дрожащей рукой отпер двери. Осеняя себя крестным знамением, вошел, зажег свечу и начал осматривать все. И нашел свой пакет!

На радостях, как только настал день, он отправился в монастырь к архиепископу Феофану, чтобы выразить ему свою невыразимую благодарность за спасение. Он упал перед ним ниц и радостно плакал и благодарил. Он просил прощения за свое маловерие и отчаяние. Владыка Архиепископ спросил: «В чем дело, отец? Ведь я ничего не могу понять». А священник, такой радостный, все благодарил и благодарил. «Да в чем же дело, Батюшка? Да встаньте, ради Бога! И расскажите по порядку. Ведь я понять не могу, за что Вы так меня благодарите». И священник рассказал все Владыке, заливаясь слезами раскаяния и умоляя Архиепископа простить его: «Я ведь без малого не наложил на себя руки».

– Вы успокойтесь, успокойтесь. Батюшка, – ответил Владыка. – И всю вашу жизнь благодарите Господа, спасшего вас от такого греха в дни Святой Пасхи. А меня благодарить не за что. Это милость Божья к вам. Святой Пророк Давид говорит: *Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему даждь славу, ради милости Твоей (Пс.113:9)*... Для меня это не только опасно, но и духовно убийственно. Меня благодарить нечего. Ведь я здесь ни при чем. Об этом я ровно ничего не знаю. Благодарите Всемилостивого Господа и Его по плоти Препоблагословенную Матерь, Пресвятую Деву, за эту великую милость, к Вам явленную. Сами видите, что Вы были на краю гибели и временной, и вечной, и в этот момент пришла к вам помощь Божья. Так всегда и бывает: когда все человеческие усилия уже тщетны, а все возможности исчерпаны, тогда и приходит к нам помощь свыше. А чрезмерную скорбь о семье, неугодную Богу, надо изжить твердым упованием на Господа. Поэтому ни унывать, ни отчаиваться никогда не надо. Господь близко к каждому из нас, как говорит Писание (*Фил.4:5*). Прежде всего надо всегда прибегать с усердной молитвой к Господу, и тогда мы найдем больше, чем искали. Запомните сказанное Вам Господом: «Иди в храм Божий и там потерянное найдешь!» Ведь это не я вам сказал, а сказал Сам Господь. Иными словами, он выразил ту святую истину, что всегда во всякой нужде надо обращаться за помощью к Господу Богу. У Него искать то, в чем нуждаемся. Но ко Господу надо обращаться с полной верою, что получим просимое: *всё, чего ни попросите в молитве с верою, получите (Мф.21:22)*. А если иногда и не получим, говорят Святые Отцы, то или по маловерию, или не своевременно просим, или просимое бесполезно, или мы получим то, что будет нам более полезно. Твердо слово Христа Спасителя: *по вере вашей да будет вам (Мф.9:29)*.

София, Болгария. Противостояние уклонениям от чистоты Православия

Нелегко было архиепископу Феофану в Югославии, однако он безропотно и долготерпеливо переносил все, уповая только на милость Божью. И вот он получает предложение от Святого Синода Болгарской Православной Церкви переехать на жительство в Софию. Некоторые члены Болгарского Синода были в свое время студентами Санкт-Петербургской Духовной академии, учениками Владыки. В 1925 году председателем Святого Синода был митрополит Климент, учившийся также у владыки Феофана.

В Софии Владыке были предоставлены две комнаты с отдельным коридором в самой Синодальной палате, в юго-западном углу здания, на втором этаже. Синодальная палата находилась на площади Святого князя Александра Невского.

Переезду архиепископа Феофана в Софию способствовал и правящий архиерей русскими церквами в Болгарии епископ Лубенский Серафим (Соболев). Епископ Серафим был рукоположен архиепископом Феофаном в викария Полтавской епархии (Лубны – предместье Полтавы).

Любопытна одна подробность из жизни Владыки в Болгарии. Некий болгарин, вхожий к монсеньору Ронкалли, в ту пору папскому нунцию и будущему папе Иоанну XXII, бывал у архиепископа Феофана. Он рассказал ему, что видел у Ронкалли картотеку, где есть и карточка с биографией владыки Феофана. Конечно, эта биография составлена была отнюдь не в Софии, а в Ватиканском министерстве иностранных дел. Значит, за архиепископом Феофаном со стороны католиков велось специальное наблюдение.

В этом вскоре убедился и сам Владыка. Однажды на Софийском вокзале в ожидании поезда в Югославию он заметил какого-то молодого человека с живым румянцем на лице, в католической сутане и пурпуровом берете. Как выяснилось впоследствии, это и был сам папский нунций, архиепископ Анжело Ронкалли. Он на значительном расстоянии поторопился благословить архиепископа Феофана. Владыка, рассказывая об этом с улыбкой, заметил, что тот демонстрировал свое старшинство.

Владыка Феофан был человеком простым и естественным, скромным и даже застенчивым. Ничего показного, наигранного, а тем более лицемерного в нем не было. И при этом совершенно отсутствовало то, что Святые Отцы называют «свободой обращения». Не было и тени развязности или фамильярности. Всех он называл на «Вы». Келейников-юношей никогда не называл, как принято в обычае, по уменьшительным

именам: Петя или Вася. Чувствовалась повышенная собранность в нем. Все совершалось в присутствии Господа Иисуса Христа. Поэтому, беседовал ли он с кем или молился в храме за богослужением, сидел ли или шел, он не забывал, что Всевидящее Око смотрит и видит. Во всем чувствовался в нем сосредоточенный монах, даже в самых незначительных мелочах.

К келейникам своим Владыка относился чрезвычайно сердечно. Приходил иногда к ним и бывал необыкновенно мягким, ласковым, веселым, жизнерадостным. Понимал хорошую приличную шутку и мог посмеяться ей. Только один раз пришлось увидеть Владыку сильно рассерженным: один священник хотел отлучить от Святого Причастия нагрубившую ему особу. Владыка сказал ему, что на это он не имеет права и что личные обиды надо прощать.

Когда Владыка жил в Софии, в Синодальных покоях, в комнате у него стояли кресло и мягкий диван. Но если он и садился на них, что бывало очень редко, то не глубоко, а на самый край, на твердую раму, и так, чтобы не касаться к спинке дивана или кресла, дабы не давать особенного покоя себе и удобства. Во время густых софийских туманов зимой его сильно беспокоили больные железы горла, но он никогда не ложился. Только иногда, пригнувшись около постели, положит голову на подушку. То, что большинству людей может казаться незначительным, в духовной жизни мелочью не является.

Архиепископ Феофан как архиерей Церкви Христовой постоянно сознавал свою ответственность за происходящее в ней. Несмотря на слабое здоровье, он принимал по мере сил участие в ее жизни, следил за всеми событиями. Владыка часто высказывал мысль, что надо быть готовым к тому, чтобы активно действовать, когда призовет Господь. Но это зависит только от Самого Господа, когда Он соизволит снять покаянную епитимию с российского народа, освободит Россию от мучительной власти безбожия.

Выступая против всякого модернизма, Святитель Божий уделил значительное внимание софианству, главным проводником и медиумом которого являлся бывший марксист, профессор политической экономии Санкт-Петербургского университета, а теперь профессор догматического богословия Парижского Богословского института протоиерей Сергей Булгаков. Вот что сказал Владыка об учении тех книжников-модернистов: «Страшны эти «книжники», но только для людей малодушных, не твердых в вере христиан. Они не отрицают Бога, ни Христа, ни Церкви и не задаются целью разрушить христианство, но только, как выражаются они,

«обновить», «углубить» и «очистить» его от «случайных» исторических «наслоений и покровов». Они проповедуют новое, не церковное, а свое христианство, не христианство Христа, Божьей силы и Божьей премудрости (см.: 1Кор.1:24), а христианство какой-то «женственной премудрости», которой не знала история Православной Церкви.

Что сказать об этих «книжниках»?

Это «волки в овечьей одежде» (см.: Мф.7:15). Они вышли от нас, но не были наши (1Ин.2:19), хотя бы в уста свои они влагали Божественные глаголы...»

Ректор Парижского Богословского института митрополит Евлогий, давший свое имя и расколу в Зарубежной Русской Церкви – евлогианскому расколу, защищал своего профессора, говоря, что это его частное мнение, и только, на что святитель Феофан указал, что подобные «частные мнения» и объявляются Церковью ересями и упорные защитники их предаются церковной анафеме.

Владыка Феофан вынужден был выступить и в защиту соборных решений 1921 и 1926 годов об организации УМКА как антихристианской и разрушительной, действующей под видом христианской благотворительной, в защиту от заявлений митрополита Антония (Храповицкого), что никакой противоправославной пропаганды за последние четыре-пять лет от этой организации он не встречал. Владыка Феофан обратил внимание на то, что в Америке УМКА издает книги атеистически-коммунистического содержания, что она проповедует не Православие, а «новое христианство». Учение о «Софии», разрабатываемое в Богословском институте в Париже, – явно неправославное. В изданиях «Путь» ведется самая открытая пропаганда против православного учения о царской власти. УМКА – это путь разрушения Православия Святых Отцов и учителей Церкви, это, в конечном результате, есть попытка модернизации учения Святой Церкви через привитие ей идей пантеизма, заимствованных из гностической ереси второго века. Припоминал Владыка и о том, что еще святой праведный Иоанн Кронштадтский относился к организации УМКА как к завуалированной масонской организации. Впрочем, отец Иоанн тогда еще не был канонизирован, и известно, что митрополит Антоний относился к нему скептически, а на одном из Соборов доказывал, что христианину допустимо состоять членом масонской организации до восемнадцатой степени масонства.

Нелегки были труды святителя Феофана в миру – труды исповеднические. И, кроме того, приходилось ему бороться с врагами

НЕВИДИМЫМИ.

Страхования владыки Феофана

«Многие, желающие спастись, – писал владыка Феофан в одном из своих писем, – уходят в монастырь. Но ученые иноки имеют послушание от высшей церковной власти спастись в миру. И не только церковные власти так установили, но и старцы благословляют этот путь. Помню по себе, как я стремился по окончании курса в академии уйти в монастырь. Но все великие прозорливые старцы, у которых я был (Алексий Валаамский, Варнава и Исидор Гефсиманские), не благословили меня это сделать. И все они говорили одно и то же, что нет на это воли Божьей!..»

В высшей степени удивительно и в то же самое время показательно, что в жизни владыки Феофана, жившего, как нередкие из ученых монахов, не в монастыре, а в миру, были на протяжении всего жизненного пути те духовные явления, которые присущи только отшельникам, одиноко живущим и подвижающимся. С общежительными монахами, как правило, этого не случается. В жизни же Владыки такое было неразлучным и самым обыденным переживанием.

В аскетической литературе, житиях святых это явление известно под именем страхований демонских, или попыток бесплотных врагов, темных подручных сил князя мира сего, запугать подвижающегося чрезвычайными духовными трудностями на этом пути, чтобы он отказался от подвижничества. Святой апостол говорит об этом: *наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных* (Еф.6:12).

Это та область духовной жизни, которую слепой мир, не зная и не понимая, совершенно отрицает, потому что сам он находится в добровольном плену и порабощении, в духовном ослеплении и обольщении этими мироправителями и не может войти в соприкосновение с духовной сферой, в которой все это происходит. Но все это реально и открывается только тем, кто ведет подлинную христианскую невидимую брань против темных демонских сил. Падшие ангелы по своей природе гораздо умнее и сильнее человека, но они не показывают своего бытия тем, кто идет угодным для них широким путем в погибель (см.: Мф.7:13). Но когда они видят человека, который высвобождается из плена, то начинают уже борьбу явную.

Владыка Феофан пояснял это состояние страхования. Он говорил: «Когда человек подвижающийся перестает совершать грубые грехи не

только делом, но и мыслью, постоянно старается быть собранным в «памяти Божьей» или, что то же, в непрестанной умно-сердечной молитве, тогда Господь попускает подвизающемуся испытать на себе, в той или иной мере, реальное присутствие наших многомогущих духовных врагов, падших духов злобы. Они всю жизнь человеческую – им ведь не нужно ни есть, ни отдыхать – из года в год, и дни и ночи ведут свою, применяясь к обстоятельствам, свирепую, хитрую, лукавую и коварную невидимую брань. Иными словами, неумолимо подвергают душу подвижника всяческим искушениям и страхованиям. От реального присутствия их и воздействия на человека подвижник переживает сильный страх, трепет и ужас.

Господь попускает все это для того, чтобы показать человеку, с одной стороны, ту опасность, в которой находится слабый и ничтожный человек, а с другой – удостоверить бедного человека в том, что всемогущий Божественный Промысл никогда не оставит его, если он сам не оставит Господа Бога...»

Много страхований было на той даче, что находилась на берегу – Черного моря в Варне. Дачу эту предоставил владыке Феофану митрополит Варненский Симеон, старец почти столетний, с исключительной любовью во Христе относившийся к Архиепископу.

Вот что владыка Архиепископ говорил о благом назначении страхований: «Если так можно выразиться, цель страхований, со стороны допускающего их Господа, убережь от духовной прелести, от самопревозношения, иными словами, смиришь человека. Ведь подвизающийся как бы восходит на новую ступень духовной жизни, он воспринимает то, что другим недоступно. Как здесь немощному человеку не превознестись?! Как сохранить должное смиренномудрие?! Но перед открывающейся опасностью и речи не может быть о каком-либо самопревозношении. Ведь он духовно видит воочию свирепых и сильных врагов. Он чувствует их мрачную злобу и жестокую силу. И если он и спасается от них, то только воплем всеуповающей молитвы ко Господу Богу и Его милосердием и помощью.

Это настолько убедительно и несомненно, что не может быть иного решения, как только слезно умолять Спасителя Бога не дать погибнуть душе, не попустить духам злобы проявить большую силу и уничтожить самое физическое существование маленького человека. И эта милость Божья сказывается в том, что Господь смиряет человека страхованиями, дабы он понял, увидел, что без помощи Божьей он бы погиб, был уничтожен. И тогда подвизающийся понимает весь смысл и значение слов

Христа Спасителя во всей их глубине: *без Меня не можете делать ничего (Ин.15:5).*

Поэтому бедствующий человек бросается к ногам Спасителя и умоляет Его спасти от неизбежной гибели...»

С Владыкой жил келейник, человек бывалый, в прошлом студент-юрист, военный, казак богатырского сложения, участник Гражданской войны. И этому келейнику на собственном опыте пришлось испытать ту войну духовную, или «невидимую брань», к которой он не был подготовлен. Комната, в которой он жил, была поблизости от келлии владыки Архиепископа. И вот однажды, когда этот до мозга костей военный спал ночью, вдруг он почувствовал, что кто-то навалился на него и начал его душить. Первая мысль – что это какие-то бандиты, грабители или убийцы, и казак попытался хватить кулаком... Да не тут-то было, руки его онемели... Тогда он понял, что здесь надо молиться. И когда воззвал к Богу о скорейшей помощи, какое-то темное облако, как бы свиваясь рогом, освободило его и исчезло... Когда наутро он рассказал об этом Владыке, тот, услышав о кулаке, с улыбкой произнес: «Вот это «настоящая» монашеская брань!» Но тут же стал серьезным: «Нет, здесь кулак не поможет. Только одна молитва ко Господу о помощи». И перекрестил ему лоб. С тех пор подобных случаев больше не повторялось.

На этой даче была и домовая церковь, и Владыке не было необходимости каждое воскресенье ездить в Варну, в храм Святого Афанасия Александрийского. Божественную литургию он совершал на месте. И вот однажды во время пения Херувимской над потолком храма, в необитаемом помещении, послышались ясные шаги и громкие стоны. Келейник попросил у Владыки благословения пойти проверить, кто там ходит и так стонет. Но владыка Феофан благословения не дал, а только ответил: «Не надо. Это не будет больше повторяться».

И действительно, больше не было слышно ни таинственных хождений над храмом, ни стонов. Но если в доме стало спокойно, то вокруг дачи, в саду, неожиданно появились змеи. И владыка Феофан приписал это действию темных сил. Вот тогда-то и пришлось переезжать на другую дачу, подалее от берега моря, в местность, называемую Руми.

Внутренняя духовная жизнь владыки Феофана была тщательно скрыта им от окружающих. В этом отношении, как и во всем, он руководствовался наставлениями Святых Отцов, которые утверждают, что только тайный подвиг есть истинный подвиг и добродетель во Христе. И потому лишь случайные свидетели могли рассказать кое-что об этой стороне его жизни.

Владыке не раз приходилось менять дачи. Хозяином одной из них был

человек русский, но полный атеист. Он был настроен явно враждебно к подвижническому образу жизни владыки Феофана. Тем более свидетельство такого лица имеет больший вес.

Рассказывая об Архиепископе, он вспоминал, что по ночам из комнаты Владыки доносились непонятные шумы, иногда голоса и даже крики. Все это казалось ему мистификацией самого Архиепископа, сознательным обманом жильцов дачи. Хозяин решил поймать с поличным «мистификатора». И когда в одну из ночей началось обычное «представление», он рванул дверь в комнату Владыки. Слабый крючок не выдержал, дверь распахнулась, и он влетел в комнату, делая вид, что спешит ему на помощь, но на кровати никого не оказалось. Подняв свечу над своей головой, он осмотрел всю комнату. Оказалось, что Владыка мирно спал на голом полу (в жару он никогда не спал на кровати) в одном подряснике. А это означало, что шум в комнате происходил без его участия. Хозяин, чувствуя, что попал в неловкое положение, принужден был извиниться:

– Я услышал шум у Вас в комнате и голоса и подумал, что кто-то напал на Вас, но Вы, оказывается, спали. Неужели так ничего и не слышали?!

– Нет, я крепко спал. Я ничего не слышал... Было очень жарко, и я лег на пол, – смущенно сказал Владыка.

В свою очередь смутился и хозяин. Он был озадачен происшедшим. Ему, человеку, далекому от веры в Бога, в духовный мир, эта область духовной жизни была совершенно закрыта.

Некоторое время архиепископ Феофан был в Варне на праздниках Рождества Христова и Богоявления. Он жил на квартире в доме одного болгарского инженера. Сами хозяева жили над ним. В покоях, которые временно занял Владыка, происходило нечто необычное: что-то тяжелое падало так, что содрогался весь дом, казалось, что он рушится, как при землетрясении, необъяснимые шумы, какие-то голоса, и голос Владыки, но необыкновенно сильный, на что при других условиях он не был способен, произносил моления и заклинания. Хозяева, хотя и понимали, что это значит, но в конце концов попросили передать Владыке: «Наши нервы уже не выдерживают, и мы от ужаса не можем по ночам спать. И если Владыка будет продолжать жить у нас, то мы сами сбежим из собственного дома». Сразу после Крещения владыка Феофан возвратился в Софию. Там его покои находились в отдельном коридоре, на втором этаже, где по ночам нет ни души во всем огромном здании, лишь один старик привратник, но за многими дверями и лестницами. Страхования владыки Феофана там

никого не беспокоили.

Один случай страхования произошел в международном спальном вагоне скорого поезда София – Варна. В то время архиепископ Феофан ехал с Преосвященным Серафимом (Соболевым), епископом Лубенским, викарием Полтавской епархии, провести летние месяцы на берегу Черного моря. О чрезвычайном страховании этом многие слышали со слов Преосвященного Серафима, но не совсем точно. И когда в присутствии Архиепископа упомянули о том, что бес явился в образе большого кота, то владыка Феофан возразил: «Да нет, это не так. Это был совсем не кот. А явившийся был наподобие огромного тигра, с огромным выменем и множеством кормящих сосцов... Страшилище-зверь смотрел свирепыми глазами, угрожающе рычал, открывал свою пасть, и казалось, что вот-вот прыгнет на свою жертву... По-видимому, это был один из «князей», если не сам глава темных сил. Множество сосцов на огромном вымени показывали, что у него бесчисленное множество подобных ему детенышей...»

Стук колес заглушал происходившее в купе. Владыка громким голосом призывал Имя Божье. Проснувшийся епископ Серафим, по его собственному признанию, был скован ужасом. Он не мог пошевелиться. Объятый страхом, смотрел на бесновавшегося зверя и молился. Удерживаемый силой Божьей, зверь-чудовище, хотя свирепел и силился прорваться, но прыгнуть не мог. И вдруг исчез в облаке искр.

А вот однажды, дело происходило в Варне, явилась какая-то незнакомка, русская, на дачу Владыки при временном его отъезде. И эта особа начала бойкий разговор, что она желает провести одну ночь в келлии Владыки. Но келейник решительно запротестовал.

– Вы думаете, я побоюсь ночевать в его комнате?! Я не из боязливых, была и под пулями! – сказала энергичная дама.

– Пули – это одно, а здесь – совершенно другое. Здесь не то что испугаетесь, а можете от переживаний помешаться и умом... Короче говоря, ключа от комнаты Владыки я не дам и ночевать здесь не позволю.

Когда архиепископ Феофан возвратился из поездки, келейник рассказал об этой женщине и о ее просьбе. Владыка покачал головой:

– Это дьявольское искушение. И что за странная женщина?! Да разве можно вторгаться неопытным духовно в такую область? Люди не представляют себе, насколько это опасно! Она думает, что все дело в мужестве. А здесь все – помощь Божья по неотступной молитве, человек здесь, в этом случае, ничто... Можно быть уверенным, что для нее были бы роковые последствия.

В Варне, куда владыка Феофан приезжал из Софии на лето, почитатели Владыки снимали для него скромную загородную дачу в пяти километрах от города. На этой даче было всего лишь две комнаты и кухня. В первой комнате, вход в которую был с веранды, помещался сам Владыка, вторая комната оставалась пустой, а дальше была кухня, где располагались келейники Владыки, добровольно и безвозмездно принявшие на себя эту обязанность. Их было трое... Сначала они по очереди оставались ночевать на кухне, но потом стали поздно вечером, сделав все нужное для Владыки, уходить на ночь домой. Причиной этого были пугавшие их таинственные явления. Так, в пустой комнате между кухней и келлией Архиепископа раздавались вдруг чьи-то шаги, явственно слышимые, хотя там никого не было. Потом кто-то невидимый бросал в окна дачи целые пригоршни песку или земли. Бывали и другие необъяснимые шумы. И в таких случаях из келлии владыки Феофана слышался его необыкновенно громкий для него, сильный, четко и отдельно звучащий голос: «Именем Господа нашего Иисуса Христа, Сына Бога Живаго, заклинаю тебя: отойди от меня, отойди!»

Был и такой случай.

Когда владыка Феофан уехал в Софию, келейники пришли на дачу, чтобы собрать и отвезти в город все оставшиеся вещи: кровати, столы, стулья и прочее. Во время этой уборки их окружили соседи-дачники, болгары, и с удивлением спрашивали: «Что происходило прошедшей ночью на даче у вашего Владыки?»

«У нашего Владыки ничего не могло прошлой ночью происходить. Ведь дача была пустая. Владыка еще накануне отбыл в Софию. На даче никого не оставалось, а ключи от дачи у нас! А что случилось?» – «Ну как же так? Ведь мы все свидетели, что всю эту ночь окна дачи были ярко освещены, что там какое-то веселье, что-то вроде танцев». – «Но и мы свидетели, что Владыка уехал еще накануне. И на даче вообще нет электрического освещения, да и мы после отъезда Архиепископа закрыли ставни и такими же закрытыми нашли их сегодня».

На этом разговор прервался, озадаченные соседи разошлись молча.

Прошло немало времени, и один из участников этого разговора с соседями имел возможность спросить владыку Феофана о ночном происшествии на даче по его отъезде. Владыка глубоко вздохнул и ответил: «Это – хитрость бесовская, тонкая прелесть духовная. С одной стороны, это соблазн для окружающих: «Смотрите, мол, монах и Архиепископ чем занимается? Пирует по ночам!» А с другой – самому монаху внушается высокоумие и гордое сознание: «Видишь, какой я! Даже

бесы радуются моему отъезду, им свободней стало!» Но Святые Отцы предупреждают: «Не верь бесам, особенно когда они тебя хвалят».

Где бы ни жил Владыка: в Петербурге, Крыму, Астрахани, Полтаве, в Югославии, Софии, Варне, – везде его сопровождали явления угрожающей демонской силы, и только Господь, внимая непрерывным призываниям о помощи, сохранял его. При некоторых из них он даже не пробуждался, но в сонном состоянии призывал имя Божье. Взывал он до тех пор, пока враг не удалялся. Иногда, когда противостояние продолжалось долго или было особенно сильным, он долго молился, часто и весь остаток ночи. И наутро бывал очень утомленным, до того, что келейник не мог и узнать его.

Келейник, которому привелось жить с Владыкой на даче в местности Руми, рассказывал о некоторых страхованиях. Юноша уже знал об этом из рассказов других келейников, бывших прежде с Владыкой, а также и из житий святых угодников Божьих. И потому был несколько подготовлен к тому, что привел Господь пережить.

Однажды ночью он проснулся от какого-то то ли шума, то ли крика... Но словно внезапный удар грома и свет молнии прорезал его сознание: да ведь это – страхования у Владыки! И он напряженно стал слушать.

– Уходи! У-хо-ди!.. – обращался Владыка к злобному духу, который явился ему.

Чувствовалось по интонации голоса, что Владыка страдал, его мучил явившийся дух.

И он возопил вслух во сне:

– Господи! Господи, – взывал он отрывисто, – Иисусе Христе... Сыне Божий... помилуй, помилуй мя грешного! Помоги, помоги мне... Защити меня... Господи, Господи, умоляю: помоги мне, помоги... О Господи, избавь меня. Боже!.. Господи, Господи, вся надежда только на Тебя, на Твою всемогущую помощь!..

Обращаясь к нечистому духу, говорил:

– Уходи, уходи! Зачем ты здесь?! Именем Господа Иисуса Христа, уходи!

Но явившийся упорствовал, не уходил. Тогда Владыка снова обращается ко Господу:

– Господи! Господи, я ведь немощный, бессильный, сжался надо мною, помоги мне, защити меня... Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!

Судя по голосу и интонациям Владыки, явившийся носитель злобы и греха своим присутствием мучил и угнетал его. Носитель злобы знал это и потому противился и стоял, сколько мог, мрачный и злодышащий. А

Владыка продолжал взывать ко Господу:

– Господи! Господи... Иисусе Христе... Сыне Божий... помилуй, помилуй мя грешного! Помилуй мя грешного! Помилуй грешного!.. Да воскреснет Бог, и расточатся врази Его, и да бежат... – читал Святитель молитву. И снова обращается к мрачному и исполненному злобы духу:

– Уходи! У-хо-ди!.. Господи, повели ему... Господи, спаси меня! Господи, защити!..

И вся эта борьба у Владыки происходила во сне. Он не помнил, как он молился, а если и помнил, то смутно – какие молитвы читал, какие слова произносил. Все это происходило в тонком сне.

Келейник старался в то время тоже молиться. Но это было невероятно трудно. Он попытался осенить себя крестным знаменем. Но ему это не удалось, не было силы поднять руку. Он испугался, его охватил страх от влияния духа тьмы. Он призвал на помощь Господа, и, слава Богу, рука освободилась. Какая радость осенить себя крестным знаменем, которое есть Знамя Христа Спасителя!

А в келлии Владыки все продолжалась духовная борьба. Слышались заклинания, произносимые с различными интонациями. Этих интонаций, придававших каждому слову особый смысловой оттенок, нельзя услышать в обыденной человеческой речи. А голос Владыки звучал непомерно сильно, на что он обычно неспособен из-за болезни горла.

Но наконец сила голоса стала умеренней, спала. Интонации приобрели формы, приближающиеся к обыденной речи. Наконец голоса его не стало слышно. Однако в комнате загорелся свет свечей. Видимо, страхование уже кончилось, враг-мучитель исчез, но борьба, невидимая брань продолжалась. Архиепископ читал что-то по книге. Отдыху, покою он не предавался, пребывал в молитве весь остаток ночи до самого утра.

Однажды келейник, проснувшись, услышал за дверью в келлии Владыки не один голос, а два. Один – Владыки, а другой – посторонний, да такой отвратительный, что и передать нет возможности. Этот другой голос, а возможно даже и голоса, силился подавить голос Владыки, произносивший молитвы. Но главное впечатление было то, что голос, главный между голосами, сильно картавил. От этого впечатления, как рассказывал через несколько лет об этом страховании бывший келейник, он содрогался. И временами крик голосов был такой, что голос Владыки совсем исчезал, и нельзя было понять, сколько кричавших было. А потом снова слышался «диалог»: голос Владыки и перебивающий его, отвратительный голос картавого.

Юноша усиливался молиться, это ему не очень-то удавалось,

особенно во время нарочитой шумихи. Так продолжалось некоторое время. Но вдруг все голоса смолкли... И произошло нечто страшное.

До этого случая «действие» никогда не переходило из комнаты Владыки в комнату, где был келейник. А на этот раз получилось по-иному. Враг оказался в комнате келейника. Он был невидим, но духовно осязаем.

Он находился у двери, метрах в двух. Келейник, объятый ужасом, продолжал произносить молитву. А тот произнес, но без слов, угрозу. И после этого его не стало...

Иногда Архиепископ сам говорил о том, сколь трудно и тяжело было. Было, он даже заранее знал, что ему предстоит, так как видел своего врага, притаившегося в помещении и ожидающего ночи. Так, однажды утром в Софии в Синодальных покоях Владыка сказал:

– Еще накануне понял, что ночь не будет спокойной... «Он» уже с вечера стоял в коридоре, такой огромный и злобный. Я еще подумал: «Ой, будет мне!» Оно и было...

Главку эту, дорогие читатели, главку о страхованиях бесовских, надобно нам завершить молитвенными словами святителя Василия Великого, выражающими учение Церкви и Священного Писания об этом: «Господи, Господи, избавлей нас от всякия стрелы летящия во дни, избави нас и от всякия вещи во тме преходящия. Приими жертву вечернюю рук наших воздеяние. Сподоби же нас и нощное поприще без порока прейти, неискушены от злых. И избави нас от всякаго смущения и боязни, яже от диавола нам прибывающия...»

Случай исцеления

Поразителен случай исцеления и спасения от неминуемой смерти по молитвам святителя Феофана уже умиравшей Анны Васильевны Аббати. Муж Анны Васильевны, по профессии врач, практиковал в Болгарской Македонии, в округе, зараженном тогда злокачественной малярией, занесенной из Африки. Медицина была бессильна в ту пору бороться с этой неизвестной болезнью. И вот Анна Васильевна заболевает ею. Доктор применил все средства, чтобы спасти жизнь своей жены. Но болезнь не отступила. Конец был близок, больную непрерывно очень сильно трясло, и в судорогах колени подводило к подбородку. Однако, по долгу службы, доктор должен был покинуть свою жену и отправиться в объезд по округу, где свирепствовала эпидемия. Уезжая, он должен был сказать жене страшную правду: «Анечка, тебе остается жить всего лишь часа два».

Услышав такие слова, она попросила мужа немедленно дать срочную телеграмму архиепископу Феофану в Софию. И он дал такую телеграмму: «Эпидемия. Анна Васильевна Аббати при смерти. Максимум два часа жизни. Прошу и умоляю, помолитесь о ее спасении от смерти. Доктор Константин Аббати».

В этом трагическом положении он должен был оставить родную жену умирать в одиночестве и уехать на несколько дней... Округ огромный, все горы. Пути сообщения примитивные, тропы для вьючного животного...

Через несколько дней он возвращался домой, будучи уверен, что жены в живых уже нет. По дороге ему передали телеграмму, но он, озабоченный тем, что ждет его дома, не читая, сунул телеграмму в карман. Возвращался поздно, усталый, разбитый не только физически, но и – более – морально: ждет его дома покойница... Входит и – ошеломлен: жена его сидит в кресле, совершенно здоровая, только бледная и слабая. Она рассказала ему, как неожиданно все симптомы болезни в одно мгновение исчезли, и радостно воскликнула: «Ведь это по святым молитвам великого святителя Божьего владыки Феофана я здорова!»

При этих словах доктор вспомнил о телеграмме, которую он так и не читал. Телеграмма была из Софии: «Молюсь. По милости Божьей, больная поправится. А.Ф.».

И оказалось, что час отправки телеграммы и момент выздоровления Анны Васильевны совпали...

Но когда выздоровевшая Анна Васильевна приехала благодарить владыку Феофана, он не дал ей возможности открыть рот, строго запретил

рассказывать кому-либо об исцелении, угрожая, что иначе ее постигнет худшее. И она хранила молчание об исцелении около пятнадцати лет. Только после кончины владыки Феофана в 1940 году она рассказала о чуде своего исцеления.

Бедственное положение Церкви после революции

Сразу же после кровавого захвата власти в России богоборцами встал вопрос о Всероссийской Православной Церкви, насчитывавшей свыше ста миллионов человек. Эти миллионы оставались единой силой дореволюционной России. Широко применяемый кровавый террор не ослабил эту силу, а напротив – морально укрепил ее. Вера в жесточайших гонениях усилилась, народ встрепелся. Проснулись многие из тех, кто спал сном безразличия. Масса народная поняла, что большевистская власть действует в духе антихриста. Но: *встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос (Еф.5:14)*. И случилось так, что на место каждого «взятого на смерть» (см.: Притч.24:11) вставал не один, а готовы были встать многие... Многие провожали своих близких в узы с плачем, однако говорили и завещали: «Помоги, Господь! Укрепи!.. Но живым не возвращайся!» Таково было воодушевление на подвиг за веру.

Антинародная, богоборная власть поняла, что ей грозит опасность народного единства. И применила испытанный с древности метод завоевателей «разделяй и властвуй» – раскалывай народное единство и управляй. Таким образом, кроме прямого гонения, террора и убийств, большевистская власть воспользовалась и методом провокационных расколов Церкви.

И первый раскол, инспирированный советской властью, – это появление «живой церкви», с последующим выявлением обновленческой церкви со многими подразделениями. Эта советская церковь открыто боролась с «контрреволюционной» Церковью Патриарха Тихона. (Святейший Патриарх Тихон вместе со Всероссийским Поместным Собором 19 января 1918 года предал советскую власть как власть антихриста анафеме.)

Большевистская власть, будучи антинародной диктатурой, требовала от Церкви официального признания, что она – «народная», «законная» и с точки зрения Церкви – «Богом установленная». Души слабые оправдывали (и по сей день оправдывают) свое малодушие таким признанием. Но для верных Христовых изменить Помазаннику Его – все равно что изменить Самому Христу.

Затем, по обкатанной уже схеме, действовала советская власть в отношении российского зарубежья: подыскивалось лицо, которое могло бы принять на себя инициативу по организации раскола. Это должен был

быть епископ, уже проявивший себя искателем выдвигений, внешнего почета и власти. Иными словами, весьма честолюбивый и властолюбивый епископ. А советская власть брала на себя задачу помогать кандидату, всячески подкармливая честолюбие избранного лица, пока и сам он не начнет действовать в желательном направлении.

Вольно или невольно, но ближайшее окружение митрополита Евлогия (Георгиевского) осуществляло как раз то, что было желательно большевистской власти, которая сумела издать от имени Патриаршего управления указ, создающий все предпосылки для заграничного раскола. На первых порах митрополит Евлогий отверг указ как провокацию большевиков, но затем признал его имеющим каноническую силу. Эта разительная перемена в отношении к указу, происшедшая в периоде 1922 по 1926 год, объясняется тем, что Митрополит подпал под сильнейшее влияние своего окружения.

Архиепископ Феофан неоднократно говорил, что с митрополитом Евлогием можно было и договориться, если бы не его окружение, ведь он делал шаги к примирению. Но всякий раз благие его намерения разрушались этим окружением, основным ядром которого были Бердяев, Булгаков, Карташев. Закваска у них была вполне революционная и в какой-то мере сродни советской. Им нужен был раскол Заграничной Церкви.

Владыка Феофан говорил, что болезнь у митрополита Евлогия началась с типичного раскола, но переросла в конце концов в явление более сложное и опасное. Владыка не употреблял слова «ересь», но это само собой напрашивается из его рассуждений применительно к позднейшим событиям.

В 1926 году владыка Феофан писал знакомому архимандриту: «Дела наши церковные таковы. Митрополит Евлогий не смиряется. Окружение его толкает на раскол. Мы все могли бы уступить ему, но не можем вручить в руки его судьбы Православия. Он опутан сетями УМКА. А УМКА действует разлагающим образом на студенческие кружки. Профессор Бердяев в журнале «Путь» № 5 открыто заявляет, что раскол в Церкви неизбежен и необходим. Один только православный иерарх митрополит Евлогий «возвысился до сознания реформировать Православие» и в этом смысле является «орудием Промысла Божьего» в наше время. По-прежнему прикрываются они именем и заветами Патриарха Тихона. Пользуются тем, что его нет в живых и он не может возвысить своего голоса против затей новых «реформистов Православия».

Через восемь месяцев после этого письма, в апреле 1927 года,

архиепископ Феофан пишет тому же архимандриту: «...Приехал из Парижа архиепископ Анастасий. Его вызывал туда митрополит Евлогий. Были разговоры о мире, но кончились неудачей. С митрополитом Евлогием, по словам архиепископа Анастасия, еще можно иметь дело. Но он весь в руках окружения, которое явно стремится к расколу. «Неоправослависты» свили в Париже прочное гнездо. Они чувствуют себя побежденными, но не хотят сознаться в этом.

Кроме известного письма митрополита Сергия ко всем заграничным иерархам, от него же пришло письмо и митрополиту Евлогию. В этом письме митрополит Сергий осуждает действия митрополита Евлогия и одобряет существование и действия Заграничного Собора и Синода.

Русские «обновленцы» признают митрополита Сергия своим единомышленником, а нас ругают.

Большевики потребовали от митрополита Сергия анафематствовать нас, но последний не согласился и за это посажен в тюрьму.

В России на нас смотрят как на «оплот Православия...»

Святитель Феофан определил, что явилось основной причиной несовместимости мнений двух сторон в Заграничной Церкви: «Действительные причины разделения глубже, чем это кажется на первый взгляд. Из них главные таковы:

1. Они признают советскую власть за Богоустановленную, а мы – за власть антихриста.

2. Мы признаем УМКА масонской организацией, на основании подавляющих документальных данных. Они считают эту организацию христианской.

3. Они называют себя тихоновцами, мы – кафоликами, православными.

4. Они признают величайшим для себя авторитетом Патриарха Тихона и потому принимают его ошибки. Мы благоговейно чтим Патриарха, но не принимаем его ошибок. Для нас выше всего «кафолическая истина» как она выражается Вселенскими Соборами и в творениях Святых Отцов Церкви.

5. По нашему убеждению, нужно вести деятельную борьбу с врагами Церкви и Божьими. По их мнению, большевиков нужно побеждать любовью. По их логике, и дьявола нужно побеждать любовью.

Смысл Соборных постановлений они извращают. Собор постановил, например, чтобы русские христианские студенческие кружки назывались православными! Им это кажется обидным стеснением. Они боятся имени Православия! Судите сами, где истина!»

В сентябре 1927 года архиепископ Феофан снова затрагивает эту тему: «Дела наши общецерковные не только не распутываются, но еще больше запутываются. Происходит то, что я предвидел и от чего предупреждал. Митрополит Евлогий считает себя во власти митрополита Сергия и не хочет входить с нами ни в какие переговоры. Архиепископ Анастасий не пытался даже и уговаривать его к примирению, считая все безнадежным. Он сам мне писал об этом».

Критика софианства

Высокопреосвященный Феофан в равной мере был против любых отступлений от чистоты веры, от исповеднического, консервативного, святоотеческого пути и, кроме прочего, уделил значительное внимание софианству и вообще модернизму.

Темы софианства мы отчасти уже касались. Мы знаем, что главным проводником этого учения являлся бывший профессор политической экономики Санкт-Петербургского университета Сергей Николаевич Булгаков, почерпнувший начальную энергию в философских высказываниях Владимира Соловьева и в обществе «аргонавтов», а затем испытавший влияние философствующего священника Павла Флоренского.

В переписке с частными лицами архиепископ Феофан дает оценку софианству, подробно анализируя это явление: «Вы просите изложить сущность учения протоиерея отца Сергия Булгакова, профессора Богословского института в Париже, о Софии и указать, в чем оно противно Православию.

Все это становится ясным, если знать самое происхождение этого учения.

Протоиерей Сергей Булгаков основывается на книге отца Флоренского «Столп и утверждение Истины». Флоренский же заимствует идею Софии у Владимира Соловьева. А Соловьев – у средневековых мистиков.

У Соловьева София – это женственное начало Бога, его «другое». Флоренский пытается доказать, что София как женственное начало Бога есть особое существо. Отголоски этого учения он пытается найти у святителя Афанасия Великого, ищет подтверждения своих мыслей и в русской иконографии. Протоиерей Булгаков принимает на веру основные выводы Флоренского, но отчасти видоизменяет это учение, а отчасти дает ему новое обоснование. У Булгакова это учение имеет два варианта. Первоначально София – это особая ипостась, хотя и не единосущная Святой Троице (в книге «Свет невечерний»). Позднее – не ипостась, а «ипостасность». В этом последнем виде София – энергия Божества, происходящая из сущности Божьей чрез ипостась Божества к миру и находящая для себя высочайшее «тварное единение» в Богоматери. Следовательно, по этому варианту, София не особое существо, но Богоматерь.

По церковному же учению, которое особенно ясно раскрыто у

святителя Афанасия Великого, София – Премудрость Божья – есть Господь Иисус Христос.

Всякое философское учение изложить в кратких чертах очень трудно, поэтому трудно изложить в кратких чертах и учение софианцев о Софии. Это учение становится ясным только в связи со всей их философской системой. Изложить же последнюю в кратких чертах невозможно. Можно сказать только: философия их есть философия пантеизма, скорее даже смягченного пантеизма. Родоначальником этого пантеизма в России является Владимир Соловьев».

На просьбу изложить учение священника Павла Флоренского владыка Феофан пишет: «...Написать опровержение на книгу отца Флоренского в одном письме было бы невозможно. Основная концепция этой книги сложная. Для опровержения ее необходимо было бы предпринять экскурсии в разнообразные сферы познания: не только в область догматики, но и философии, и филологии, и церковной археологии. Что протоиерей Булгаков в учении о Софии исходит из Флоренского, в этом он сам сознается в своей книге «Свет невечерний». Разумеется, это не значит, что он повторяет последнего, но если бы потребовалось свидетельство «внешнее», могу сослаться на авторитет профессора Лосского и еще более на авторитет самого Флоренского. По сведениям из России, напечатанным в свое время в «Студенческом вестнике», священник Флоренский от студентов-богословов на экзаменах по его предмету требовал обязательного знания двух книг: своей – «Столп и утверждение истины» и Булгакова – «Свет невечерний». Это означает, что он смотрел на обе эти книги как на взаимно родственные.

Но кто изучал вопрос этот, тот не может этим ограничиться. Он знает, что и сам Флоренский не оригинален. Его софиология выросла из софиологии Владимира Соловьева, а самая софиология Владимира Соловьева коренится и основывается на софиологии немецких мистиков, то есть не церковной».

Генеалогия учения о Софии уходит в глубокую древность, к самому началу христианства, когда языческое наследство народов сказывалось очень ясно в гностических ересьях. Об этом свидетельствует святитель Кирилл Иерусалимский (IV век): «Всех ересей изобретатель есть Симон волхв в Деяниях апостольских... Он богохульными устами первый дерзнул утверждать о себе, что он явился на горе Синайской как Отец; после у Иудеев явился как Иисус Христос не во плоти, но в призраке; и после сего, как Дух Святой, Которого обещал Христос, яко Утешителя; и город Рим так обольстил, что (император) Клавдий поставил ему статую с надписью:

«Симону богу святому...» Далее святой Кирилл повествует о том, как святые апостолы Петр и Павел, будучи в Риме, посрамили волхва, мнимо возносящегося на небо, и он, силой молитвы апостолов, упал с небес и разбился.

Перечислив последователей Симона волхва, святитель Кирилл доходит до Валентина, который назывался христианином, но в то же время проповедовал «тридцать богов»: «...И это еще не важно в сравнении с прочим учением нечестия. Говорит он (Валентин), что последнее божество есть мужского пола и женского, и это, как осмелился он говорить, есть София (Премудрость). О, безбожие! Ибо премудрость есть Христос, Единородный Сын Божий; а он сию премудрость в учении своем почел женщиной, тридцатой стихией, и последней из рода богов. Ибо он говорит, что София восхотела увидеть первого бога, и, не стерпя блеска его, упала с неба, и отринута была из числа тридцати... и так далее и так далее... Выслушай, что говорят они о Христе Иисусе. Они учат, что по отпадении Софии, для того, чтобы число тридцати не потерялось, каждый из двадцати девяти Эонов, по малейшей части снесши, произвели Христа; и говорят о Нем, что Он и мужчина и женщина...» (Св. Кирилл Иерусалимский. «О ересях»).

Вот, оказывается, откуда берет свое первоначало это «новое» учение книжников-модернистов Соловьева, Флоренского и Булгакова – о том, что София есть божество, и божество женственное... И после этого можно и должно сделать вывод словами святого апостола Павла: *Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философиею и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу (Кол.2:8).*

И должно нам помнить слова священномученика Иринея Лионского, приведенные святителем Феофаном: «Апостолы, как богач в сокровищницу, вполне вложили в Церковь все, что относится к истине, так что всякий желающий берет из нее питье жизни» («Против ересей», кн. 3, гл. 4).

Ко всему этому следует добавить краткую заметку архиепископа Феофана об учении протоиерея Сергия Булгакова о Софии. В этой заметке, оставшейся от многолетнего и обширного, но бесследно исчезнувшего труда Владыки, он, видимо, желал наглядно показать нехристианский характер учения протоиерея Сергия Булгакова в книге «Свет невечерний». Он дает в конспекте одну страницу: «София есть Вечная Женственность... Мир в своем женственном начале уже зарожден ранее того, как сотворен... Она есть «четвертая ипостась», хотя и не единосущная Троице. Как приемлющая сущность от Отца, Она есть и создание и дочь Божья...

(«Свет невечерний», 1917, с. 212).

Далее архиепископ Феофан приводит текстуально слова протоиерея Сергия Булгакова: «В этом смысле (т.е. отнюдь не языческом) можно, пожалуй, выразить о ней, что она – «богиня», то таинственное существо, которое предки наши иногда изображали на иконах Святой Софии именно как женское существо, однако отличное от Богоматери». («Свет невечерний», 1917, с. 213, примечание 1).

А затем архиепископ Феофан пишет: «Так учит протоиерей Булгаков в 1917 году в книге «Свет невечерний». Из приведенных кратких выдержек ясно следует, что под Софией он понимает здесь особое от Сына Божьего и Богоматери «ипостась-существо». В своем опровержении он отрицается от этого учения, как будто бы неправильно ему приписываемого.

В своей статье «София» к «Свету невечернему» он заменяет термин «ипостась» термином «ипостасность». В святоотеческой литературе в таком значении этот термин не употребляется. И по существу «ипостасность» уже не «ипостась».

София, Варна. Старец митрополит Симеон. Предсказание о будущем России. Наставления. Встреча с отступником- баптистом. Черпанское землетрясение

Владыка архиепископ Феофан прожил в Болгарии пять лет. Жизнь его протекала только в двух городах – в столице, Софии, и в Варне, на берегу Черного моря. В Софии он проводил холодные месяцы, а в Варну приезжал на лето: восстанавливал свое здоровье, жил за городом на очень скромной даче.

В Софии он каждый воскресный и праздничный день посещал великолепный Александро-Невский собор, огромный храм-памятник Русско-турецкой войны 1877–1878 годов. Храм этот был воздвигнут в память освобождения страны от пятисотлетнего турецкого рабства.

Архиепископу Феофану неоднократно приходилось совершать Божественную литургию в этом храме. Для него это было очень удобно, так как храм находится совсем рядом с Синодальной палатой. Служение это заносилось в особую книгу как аргумент будущего снятия схизмы между Вселенским Патриархатом и Болгарской Церковью, тем более что и Российская Церковь не признавала этой схизмы... Однажды, когда Владыка служил в Александро-Невском соборе, на службе присутствовала царица Иоанна, дочь итальянского короля Эммануила. По придворному ритуалу во время запричастного пения архиепископ Феофан, в сопровождении священства, вынес Ее Величеству просфору и преподал благословение на близком ей языке – на латинском.

Всенощные бдения по субботам и накануне праздничных дней владыка Архиепископ обычно совершал в своей синодальной келлии; при этом читали и пели несколько бывших студентов Духовной академии. А в будние дни он совершал службы наедине. Иногда он проводил служение в домовый церкви в здании самого Синода, где и жил. Бывали незабываемые службы. Но особенно запомнилось служение пасхальной заутрени. Пел смешанный хор из русских и болгар. Совершен был и крестный ход в здании Синода. Дети несли иконы. Владыка Феофан служил, как всегда, сосредоточенно, каждое слово было наполнено молитвенным содержанием.

Обычно на Вход Господень в Иерусалим, на Страстную седмицу и Светлую Пасхальную его приглашали в Варну, где он оставался до конца

лета, уезжая на дачу после Светлых дней. В Варне он служил часто в храме Святителя Афанасия Великого, архиепископа Александрийского, предоставленном митрополитом Варненским, древним старцем Симеоном, русскому приходу. На Страстной седмице квартиру Архиепископу снимали поблизости, у местных греков, прихожан храма Святителя Афанасия. Настоятелем храма был протоиерей отец Иоанн Слюнин, в свое время служивший в Америке под началом епископа Тихона, впоследствии Патриарха Московского и всея России. Храм был большой, много прихожан, прекрасный хор. При архиерейском служении сослужили обычно три священника. Эта древняя церковь была намолена поколениями православных. Ее особенно любили местные греки: прежде она была греческой. Храм этот стоит с III века на месте языческого капища, что и удостоверяет огромный мраморный камень, находящийся рядом с храмом, служивший некогда постаментом под идолом... Архиепископ Феофан любил этот храм, любил служить в нем.

Совершал богослужение Владыка так благоговейно, так глубоко молитвенно, что это молитвенное настроение невольно передавалось всем: и сослужившим ему, и прислужникам, и всем молящимся. Стоял он в храме опустив голову и как бы ничего не замечая кругом и не позволяя себе сказать никому ни одного лишнего слова. Характерно, как воспринимали его служение в храме и весь его молитвенный внешний облик благоговейно настроенные молящиеся. Когда он совершал Божественную литургию в древнем храме Святителя Афанасия, прихожане храма, благочестиво настроенные и патриархально жившие вблизи этого храма греки, говорили: «Когда ваш Владыка садится на Горнее место, нам кажется, как будто это сам святитель Афанасий пришел в свой храм и священнодействует в нем».

Одна гречанка, в доме которой был устроен для владыки Феофана ночлег, была поражена тем, что когда она пришла утром убирать комнату, то постель оказалась нетронутой, то есть, очевидно, Владыка всю ночь перед Литургией провел в молитве и в постель не ложился.

Очень трогательным было отношение митрополита Симеона к архиепископу Феофану. Этот маститый Старец пешком приходил через всю Варну в сопровождении протосингела, чтобы навестить владыку Феофана. Владыка Симеон был огромного роста с характерным библейским лицом. По сравнению с ним владыка Феофан был совсем маленьким. Митрополит служил иногда в так называемой русской церкви, а Архиепископа приглашал послужить вместо себя в Варненском кафедральном соборе. Двух иерархов соединял единый дух: оба они были

яркими поборниками и защитниками Православия, непримиримыми противниками масонства и модернизма. Владыка Симеон был старше лет на тридцать, он был живой летописью новой Болгарии. Он хорошо помнил Освободительную войну, предпринятую Русским Царем-Освободителем. Он был пламенным русофилом. Митрополит Симеон скончался от воспаления легких еще очень крепким, в девяносто четыре года.

Когда владыка Феофан жил в Варне, на даче или в самом городе, внешний режим его был такой. Каждое утро он принимал солнечные ванны, столь целительные для него. После обеда, когда жара спадала, к нему приходили люди. И каждого он принимал и вел душеполезную беседу. К нему приходили все – и пожилые, и молодые, и совсем юные. И все уходили окрыленными после беседы с Архиепископом. Чудным миром и спокойствием веяло от него. И этот дар Божий каждый ощущал в душе своей, в меру свою, уходя от Владыки.

Одному посетителю он сказал о России: «О, Россия, Россия!.. Как она страшно погрешила перед благодатью Господней. Господь Бог благоволил России дать то, чего ни одному народу на земле не давал. И этот народ оказался таким неблагодарным. Оставил Его, отрекся от Него, и потому Господь предал его бесам на мучение. Бесы вселились в души людей, и народ России стал одержимым, буквально бесноватым. И все то, что мы слышим ужасного о том, что творилось и творится в России: о всех кощунствах, о воинственном безбожии и богоборстве, – все это происходит от одержимости бесами. Но одержимость эта пройдет по неизреченной милости Божьей, народ исцелится. Народ обратится к покаянию, к вере. Произойдет то, чего никто не ожидает. Россия воскреснет из мертвых, и весь мир удивится. Православие в ней возродится и восторжествует. Но того Православия, что прежде было, уже не будет. Великие старцы говорили, что Россия возродится, сам народ восстановит православную монархию. Самим Богом будет поставлен сильный Царь на престоле. Он будет большим реформатором, и у него будет сильная Православная вера. Он низринет неверных иерархов Церкви, он сам будет выдающейся личностью, с чистой, святой душой. У него будет сильная воля. Он придет из династии Романовых по линии матери. Он будет Божьим избранником, послушным Ему во всем. Он преобразит Сибирь. Но эта Россия просуществует недолго. Вскоре будет то, о чем говорит апостол Иоанн в Апокалипсисе».

Однажды зашла к Архиепископу простая и наивная молодая женщина и, говоря с ним, воскликнула: «Ох, как бы мне хотелось научиться совсем не грешить. Но выходит, что это просто невозможно. Оказывается, что

если увидишь что-нибудь нехорошее или услышишь, так это уже и твой грех». – «Нет, это не так. Не просто увидишь или услышишь что-либо нехорошее, недоброе. Не в этом дело. А если неправильно отнесешься к услышанному или увиденному, осудишь или сам соблазнишься в мысли своей и как бы сам примешь участие в чужом грехе, то это будет твой грех». – «Так это выходит, что надо закрыть глаза и уши?» – «Да, это так! Но как и чем закрыть? Вот поэтому-то монахи как бы поступают в особую «школу», чтобы научиться бороться с услышанным, и с увиденным, и со своими собственными мыслями, вкладываемыми нам нашим врагом. Поэтому-то монашество и называется «наукой из наук», самой трудной наукой. Наука эта состоит в непрерывной, ежеминутной борьбе с грехом в себе самом. Такая наука справедливо называется «невидимой бранью», невидимой войной, или обороной. Но далеко не все монахи спасаются, а только редкие, только те, что старательно исполняют все указания святых подвижников. А без этого если бы мы сели и под стеклянный колпак, то это нас не спасет, потому что грех сидит в нас. Он посеян в нашем сердце врагом нашего спасения, дьяволом. Мы каждый вечер повторяем на молитве: «яко семя тли во мне есть». А спасаются очень просто немудрые, неученые, простые как дети. Потому-то и сказано в Благовестии, что если не будем как дети – спастись невозможно. Поэтому дивный наш преподобный Амвросий Оптинский любил повторять: «Где просто, там ангелов со сто, а где мудрено – там ни одного». Значит, вся мудрость в том, чтобы научиться быть немудрыми мудрецами и послушными Богу, как малые дети». – «А как же можно воевать против самой себя, против своих грешных мыслей, ведь они мои?» – «Нет, они не Ваши, они не наши. Они незаметно вкладываются в наш ум врагами нашими, демонами. Мы по греховности нашей не замечаем этого. А святые нам говорят об этом. Вот, святой апостол нас научает: *Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней дьявольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных. Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолев, устоять (Еф.6:11–13)*. А что же это за всеоружие Божие? Это непрерывная молитва: *непрестанно молитесь*, – говорит апостол Христов (1Сол.5:17). Этому надо учиться и учиться, пока Господь не подаст Свою благодать. А благодать дает Он только смиренному. Дела нас не спасают, а только смиряют. А спасает нас Божья благодать!»

Был в Варне некий русский полковник генерального штаба Пелехин, снискавший себе некоторую известность. Эта известность его состояла в

том, что в эмиграции он переменял свою веру на более легкую, из православного стал баптистом и даже начал считаться у них пресвитером, не говоря уже о том, что, как и все баптисты, считал себя уже спасенным. Человек он бывалый, говорить умел, и с ним трудно было спорить о вере тому, кто не посвящен в тонкости. Тем более что он носил маску елейности и этим приводил в замешательство тех православных, которые не могут отличить истинное смирение от его подделок. И вот этот Пелехин решил прославить себя диспутом с архиепископом Феофаном. Возможно, что он и знал, что в прошлом Архиепископ – профессор и ректор Санкт-Петербургской Духовной академии. Он передал просьбу принять его, чтобы, как он выразился, «поговорить о Правой вере». Владыка приехал в Варну накануне Рождества Христова, и поэтому все дни у него были заняты церковными службами, и вследствие этого Владыка согласился принять Пелехина уже после праздника. В назначенный день и час Пелехин явился. Пока он ожидал в ином помещении, Архиепископ предупредил своих келейников, чтобы они не отходили от дверей комнаты, где он сам находился: «Разговор будет коротким. Вы подождите в коридоре и будьте свидетелями, если потребуется».

Пелехину предложили войти. Входя в комнату, он закрыл было за собой дверь, но Архиепископ открыл ее настежь. По виду Пелехина можно было заключить, что от этого он несколько растерялся. А кроме того, Владыка не предложил ему сесть и сам оставался стоять. Поскольку Архиепископ знал, кто перед ним и знал цель его прихода, сразу начал говорить: «При всяком инакомыслии, дабы избежать бесконечного спора, обычно люди избирают третейский суд. И эти судьи решают, какая из сторон в данном случае исповедует Правую веру. Вполне понятно, что мы с Вами до недавнего прошлого исповедовали одну и ту же Православную веру. И теперь нам надлежит избрать судей с общепризнанным авторитетом. Такими судьями, бесспорно, являются для нас три вселенских святителя и учителя – Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст. Авторитет их для нас непререкаем!»

Пелехин возразил: «Но ведь они же – люди? Такие же, как и мы. И почему я обязан их считать непререкаемыми авторитетами?»

Архиепископ ответил: «Если Вы считаете себя таким же, как христианские светила Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст, то говорить нам больше не о чем. Поэтому я прошу Вас покинуть комнату!»

Пелехин этого никак не ожидал. Он растерялся и ушел молча.

Очевидно, ему изменила обычная развязность и беззастенчивость баптистов. Потом он, наверное, сам себе удивлялся: почему у Архиепископа он оказался как бы связанным?

Владыка Феофан после этого сделал краткое пояснение: «Если бы я ему отказал в разговоре, то он бы говорил всем, что, мол, Архиепископ испугался. А так ему нечего сказать. В душе-то он хорошо понимает, что приравнять себя ко вселенским учителям Василию Великому, Григорию Богослову и Иоанну Златоусту, признаваемым всей Вселенной, – величайшая дерзость и явная прелесть духовная!»

В Варне Архиепископ служил очень часто. Еще чаще предлагал слово увещания богомольцам в храме Святителя Афанасия. Но по слабости голоса он зачастую лишен был возможности говорить слово лично. И тогда его проповедь читал во всеуслышание в храме отец Настоятель. Нередко Владыка высылал свои проповеди из Софии к большим праздникам. И тогда они прочитывались в его отсутствие. Но и отсутствуя, он оказывал духовное воздействие на молящихся.

В 1928 году в Великий Четверг Владыка совершал Торжественную архиерейскую литургию в храме в Варне. И вдруг в самом начале стало происходить что-то непонятное. Какие-то хаотические звуки наполнили весь древний храм. Несколько десятков паникадил, подвешенных на длинных цепях по всему храму, качнулись, звеня хрустальными подвесками, в разные стороны. Этим создано неотразимое впечатление, будто падает потолок храма. А храм – базиликальный, кораблеобразный, более десяти метров высотой, двухъярусный. Двенадцать высоких колонн, подпирающих потолок. Полутораметровые стены стали «живыми», они «заговорили» своими страшными, хриплыми голосами, скрежеща камнем о камень... Колокола на колокольне сами собой зазвонили, но издали какой-то рыдающий, дребезжащий звук. Птицы закричали, животные взвыли. Крайний испуг моментально перешел в ужас.

Это было известное Черпанское землетрясение на юго-западе Болгарии в 1928 году.

Народ в храме дрогнул. Раздался топот ног бегущих из храма людей. Отец Настоятель с волнением в голосе обратился к служащему Архиерею, Высокопреосвященному Феофану: «Благословите, Владыка, я успокою народ!» Архиепископ Феофан, только на миг подняв глаза от чтения молитв, сказал Настоятелю: «Стойте и молитесь!» И сам погрузился в молитву.

Настоятель, видимо, подумал, что Архиерей его не понял, он повторил: «Благословите, я скажу слово к народу!» Архиепископ,

прерывая свою молитву, ответил: «Ничего говорить не надо. Стойте и молитесь!»

Паника, начавшаяся было среди богомольцев, улеглась, потому что люди увидели, что в алтаре никакой паники нет, Архиерей и священство продолжают усердно молиться. Это произвело на всех сильнейшее впечатление. В то время как весь город выбежал на площади и улицы, Русская Церковь не прервала молитвы, уповая на Промысл Божий, на Его милость.

Эта история повторилась и через день, в Великую Субботу: землетрясение, испуг, молитва Владыки и успокоение.

Эпицентр землетрясения был в самой Болгарии, примерно в пятистах километрах от Варны. Он пришелся как раз на город Черпан. В этот момент мужское население города сидело на открытом воздухе под весенним солнцем в ресторанчиках и кафе, вместо того чтобы быть в храме Божьем. От города остались одни развалины. Человеческих жертв было много. Многие жители в буквальном смысле бесследно исчезли. Земля, как говорили очевидцы, была подобна муке в сите, когда женщина просеивает ее: появляются только на миг щели и сразу исчезают. Многократно образовывались огромные пропасти, которые в то же мгновение исчезали, погребая тех, кто попал в эти щели.

Гнев Божий был явный. Он призывал христиан к покаянию...

Великий Четверг и Великая Суббота 1928 года должны надолго остаться в памяти христиан, живущих в Болгарии, конечно тех из них, кто не потерял христианский разум. И через сорок дней по Святой Пасхе архиепископ Феофан упомянул об этом землетрясении в своем слове в день Вознесения Господня с призывом к покаянию.

Протест против еретического толкования догмата Искупления митрополитом Антонием (Храповицким) и против решения Синода РПЦЗ, искажающего догмат

О своем несогласии по вопросам догматики с митрополитом Антонием (Храповицким) архиепископ Феофан ничего никому не говорил. Но однако видно было, что в Синоде Русской Зарубежной Церкви что-то произошло, и по этой причине Владыка перестал ездить на заседания Синода в Сремские Карловцы. И только через много лет после кончины архиепископа Феофана открылась возможность познакомиться с частью его архива, и стала понятна сущность догматического несогласия его с митрополитом Антонием.

Владыка Антоний, по его же выражению, сделал попытку «освободить богословскую науку, а равно и катехизис школьный от инославных наслоений» (Догмат Искупления. Ср. Карловцы, 1926, с. 1). Как будто бы благая цель. Но это «освобождение» касалось основного догмата веры Православной Церкви – догмата Искупления. Весь трагизм был в том, что митрополит Антоний дал свое собственное понимание этого догмата, невзирая на то, что это понимание совершенно чуждо учению Святых Отцов Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви, хотя он и думал, что его учение «вполне согласуется со Священным Писанием и Церковным Преданием, а его кажущаяся новость заключается только в том, что оно излагает учение Церкви языком точных понятий в согласовании смысла разбираемого догмата с прочими важнейшими истинами веры» (Догмат Искупления, с. 58–59).

До издания «Догмата Искупления» митрополит Антоний опубликовал в Югославии в 1924 году свой катехизис под названием «Опыт христианского православного катехизиса». В следующем году, 27 марта (9 апреля) 1925 года, Заграничный Синод выносит решение о замене «Пространного катехизиса» митрополита Филарета Московского «Опытом катехизиса» митрополита Антония (Храповицкого) в качестве учебника в русских школах за границей.

Архиепископ Феофан (Быстров) и епископ Серафим (Соболев) опротестовали это решение Заграничного Синода, подав заявление в Заграничный Архиерейский Собор:

Заявление

в Русский Архиерейский Заграничный
Собор архиепископа Феофана Полтавского
и епископа Серафима Лубенского

Из присланных нам канцелярией Синода копий с двух постановлений Синода от 9/22 апреля 1926 года явствует, что Синод в одном своем постановлении не находит оснований к отмене синодального определения 27 марта/ 9 апреля 1925 г. о замене катехизиса митрополита Филарета катехизисом митрополита Антония в качестве учебника, а в другом постановляет принять к сведению и исполнению мнение митрополита Антония о необходимости отменить означенное постановление и предоставить решить дело замены катехизиса полномочному церковному органу в России.

Не говоря о взаимном противоречии означенных двух постановлений, мы полагаем, что в этом деле особенно необходима полная ясность, ибо дело идет о предметах вероучения. Мы считаем недопустимым ни для Синода, ни даже для заграничного Архиерейского Собора замену катехизиса митрополита Филарета катехизисом митрополита Антония на основании следующих соображений:

1) Постановление Всероссийской Церковной власти о принятии в руководство при преподавании катехизиса митрополита Филарета не может быть ограничено властью меньшей и временной, каковой является Заграничный Архиерейский Собор, вызванный к существованию смутой в России.

2) Никакая крайность не понуждает к означенной замене.

3) Так как принятие катехизиса и возведение его через то на положение чуть ли не символической книги Православия заключает в себе суждение по догматическим вопросам, в нем затронутых, то такое возведение требует единодушного решения Собора Поместного, его рассматривающего, а этого единодушия в данном случае не имеется даже среди того малого Архиерейского Собора, каковым является Собор Заграничный.

4) Мы считаем, что верным выражением учения Церкви является учение, выраженное в творениях Святых Отцов Церкви, а потому учение, не согласующееся со Святоотеческим Преданием, не может почитать себя за точное выражение учения Православной Церкви. В своих докладах мы доказываем, что учение митрополита Антония, выраженное в катехизисе, не только не согласуется с учением Святых Отцов Церкви, но даже ему противоречит.

На основании вышеизложенного мы просим Собор отменить

постановление Синода об одобрении катехизиса митрополита Антония, согласно одной из копий Синодальной канцелярии.

Если же Собор не отменит постановления Синода об одобрении катехизиса митрополита Антония как учебника и сочтет себя вправе рассматривать этот вопрос по существу, то мы просим заслушать наши доклады и занести в протокол с напечатанием в Церковных Ведомостях нашего протеста как против пересмотра безо всякой надобности решения Всероссийской Церковной власти, так и, по существу, против одобрения учения веры, выраженного в катехизисе митрополита Антония как учения, не согласующегося с учением Церкви, выраженным в святоотеческих творениях.

К означенному протесту нас побуждает сознание ответственности пред Церковью за хранение Православного учения в силу клятвы, данной при хиротонии, и глубокое убеждение в своей правоте.

Далее архиепископ Феофан приводит два упомянутых выше протокола Архиерейского Синода.

ПРОТОКОЛ № 1

9/22 апреля 1926 г. Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей слушали: доклад Председателя Архиерейского Синода Высокопреосвященного митрополита Антония, от 9/22 апреля сего года, следующего содержания:

«В своем предисловии к «Опыту христианского православного катехизиса» я писал: «Издавая сей труд как материал, я отнюдь не желал бы, чтобы он целиком заменял Филаретовский катехизис в школе, но ничего не имею против того, чтобы тот или другой законоучитель при истолковании догматов и заповедей воспользовался иногда моими мыслями и ссылками на Св. Писание и Св. Предание и дополнил ими пробелы учебного катехизиса по разным религиозным вопросам, коих народилось со времени кончины его автора очень много. А в своей объяснительной записке я прямо указываю на свой «Опыт катехизиса» как на учебное руководство, которое может представлять собою только остов тех бесед, сердечных и содержательных, которыми преподаватель Закона Божьего должен сопровождать изложение катехизиса.

Между тем Архиерейский Синод по мысли Высокопреосвященного митрополита Евлогия, на основании одобрительных отзывов русских, греческих, румынских, арабских, сербских и старообрядческого иерархов и заключения Преосвященного епископа Гавриила, рассмотревшего по поручению Синода сей катехизис, в заседании 27 марта/ 9 апреля 1925 года, в мое отсутствие, определением своим, одобрив мой «Опыт

катехизиса» в качестве учебника для русских учебных заведений, рекомендовал заменить в учебных заведениях Филаретовский катехизис означенным «Опыт христианского православного катехизиса» как более кратким и удобным для усвоения. Я не возражал тогда против сего. Но ввиду того, что это определение вызвало в некоторых местах недоумение и споры, я, принимая во внимание,

1) что означенное определение фактически является фиктивным, так как в настоящее время катехизис из учебных заведений изъят и старания Архиерейского Собора и Синода восстановить его преподавание остаются безрезультатны;

2) что замена учебника по такому важному предмету, как катехизис, должна принадлежать прерогативе Всероссийской Церковной власти, а не части ее, как я писал в своем предисловии, нахожу вполне целесообразным исполнение Синодального определения от 27 марта/ 9 апреля 1925 года об одобрении моего катехизиса в качестве учебника пока отменить и вопрос отложить до рассмотрения его полномочным церковным органом в России, оставив сей «Опыт катехизиса», в согласии с мнением епископа Гавриила и решением Законоучительского Съезда в Праге, в качестве учебного пособия и предоставив усмотрению законоучителей пользоваться им как пособием.

СПРАВКА: По вторичном пересмотре вопроса об одобрении катехизиса митрополита Антония в качестве учебника протокольным постановлением Архиерейского Синода от 9/22 сего апреля, постановлено: «На основании бывших суждений, по тщательном обсуждении возражений архиепископа Феофана и епископа Серафима и отзыва епископа Гавриила, в связи с брошюрой митрополита Антония «Догмат Искупления», Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей определяет: не усматривая в катехизисе митрополита Антония указанных Преосвященным архиепископом Феофаном и епископом Серафимом разногласий с учением Церкви, не находит оснований к отмене Синодального определения от 27 марта/ 9 апреля 1925 года.

ПОСТАНОВИЛИ: изложенное в докладе мнение митрополита Антония принять к сведению и исполнению.

Подлинный за надлежащими подписями.

9/22 апреля 1926 г.

Сербия, Ср. Карловцы.

На первой странице настоящей копии над 16 стр. сверху добавлено пропущенное «только».

Верно:

Управляющий Синодальной канцелярией (подпись).

ПРОТОКОЛ № 2

9/22 апреля 1926 года. Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей слушали: письменный отзыв Синодального члена Преосвященного епископа Гавриила о возражениях Преосвященных архиепископа Феофана и епископа Серафима на некоторые места «Опыта христианского православного катехизиса», составленного Высокопреосвященным митрополитом Антонием, ходатайствующих об отмене Синодального определения об одобрении сего «Опыта» в качестве учебника для учебных заведений.

СПРАВКА: Управляющий русскими православными церквями в Западной Европе Высокопреосвященный митрополит Евлогий (Георгиевский) в письме от 24 января/ 6 февраля 1925 года сообщил Высокопреосвященному митрополиту Антонию следующее мнение свое о катехизисе его: «С содержанием его я знаком еще с монастыря. Конечно, отход от схоластики и новое, а в сущности древнее, святоотеческое освещение православного учения теперь более чем когда-либо ценны, и нужно бы его немедленно ввести как учебник в наши русские заграничные учебные заведения. Это большой и прекрасный подарок и для учащих, и для учащихся».

Заслушав означенное мнение митрополита Евлогия, Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей, в отсутствие Высокопреосвященнейшего митрополита Антония, определением своим от 27 февраля/ 12 марта 1925 года **ПОСТАНОВИЛИ:** вполне разделяя мнение Высокопреосвященного митрополита Евлогия и принципиально признавая необходимым рекомендовать «Опыт православного катехизиса», составленный Высокопреосвященным митрополитом Антонием, как учебник для учебных заведений, Архиерейский Синод находит целесообразным предварительно передать означенный «Опыт катехизиса» на рассмотрение и отзыв Синодальному члену Преосвященному епископу Гавриилу, дабы Архиерейскому Синоду в решении своем для большего авторитета опираться на обоснованном отзыве.

Во исполнение сего определения Преосвященный Гавриил представил свой отзыв в докладе от 23 марта, при сем прилагаемом.

Высокопреосвященный митрополит Антоний получил письма с одобрительным отзывом об изданном им катехизисе и с указанием, что катехизис этот составлен в духе святоотеческого учения от греческих, румынских, русских и старообрядческого иерархов. Причем Румынский

митрополит Пимен просит разрешить перевести этот труд на румынский язык для румынских учебных заведений. Тщательно обсудив изложенное, по личном ознакомлении Синодальных членов с указанным «Опыт православного катехизиса», Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей, в отсутствие Председателя Архиерейского Синода Высокопреосвященного митрополита Антония, определением своим от 27 марта/ 9 апреля 1925 года постановили:

1) Одобрить составленный Высокопреосвященным митрополитом Антонием «Опыт православного христианского катехизиса» для русских учебных заведений заграницей как учебник, без объяснительной записки, оставив последнюю как руководство для учащихся.

2) Рекомендовать заменить в учебных заведениях заграницей Филаретовский катехизис означенным «Опыт православного христианского катехизиса» как более кратким и удобным для усвоения.

На основании бывших суждений, по тщательном обсуждении возражений архиепископа Феофана и епископа Серафима и отзыва епископа Гавриила в связи с брошюрой митрополита Антония «Догмат Искупления», Архиерейский Синод Русской Православной Церкви Заграницей определяет: не усматривая в катехизисе митрополита Антония указанных Преосвященными архиепископом Феофаном и епископом Серафимом разногласий с учением Церкви, не находит оснований к отмене Синодального определения от 27 марта/ 9 апреля 1925 года.

Подлинный протокол за надлежащими подписями.

9/22 апреля 1926 г.

Сербия, Ср. Карловцы.

Верно:

Управляющий Синодальной канцелярией (подпись).

После вышеприведенных протоколов Синода Русской Православной Церкви Заграницей архиепископ Феофан делает краткое заключение: «Митрополит Антоний в своем катехизисе говорит: «Зная заранее, что каждый из нас возымеет Адамово своеволие, Бог при рождении нашем облагает нас смертной и падшей природой, то есть наделенной греховными склонностями, от коих мы познаем свое ничтожество и смиряемся» (с. 38). Для того младенцам и нужно крещение, по словам автора, хотя и не согрешили, что они «наделены падшей греховной природой, являясь на свет, согласно предведению Божьему, потомками падшего Адама» (с. 67).

Таким образом, по учению митрополита Антония выходит, что Бог облагает и наделяет человеческую природу греховными наклонностями,

но не так учат об этом святые Отцы и Учители Церкви.

«Адам по первом создании имел плоть безгрешную, – говорит святой Афанасий Великий. – но через преступление соделал доступной греху и ниспал в истление и смерть» («Против Аполлинария, о воплощении», т. 3, п. 7, с. 322).

«Кого Бог создал для нетления по образу Своего присносушья, того сотворил Он по естеству безгрешным и по воле свободным. ...*Завистью диавола вошла в мир смерть (Прем.2:24)*, потому что диавол изобрел мысль о преступлении. И, таким образом, от преслушания заповеди Божьей человек сделался доступным враждебному в нем влиянию. И грех в естестве человека воздействовал уже на всякое вожделение. Не самое естество произвел в нем диавол. Да не будет сего! Диавол – не создатель естества, как нечестиво именуют его манихеи; но преступлением он произвел совращение естества; и, таким образом, воцарилась смерть над всеми людьми.

Сказано: *Для сего-то и явился Сын Божий, чтобы разрушить дела диавола (1Ин.3:8)*. Какие же дела диавола разрушил Сын Божий? поелику то естество, которое Бог сотворил безгрешным, диавол совратил в преступление заповеди Божьей и в изобретение греха смерти, то Бог Слово восстановил в Себе естество, недоступное диавольскому совращению и изобретению греха. И потому сказал Господь: *идет князь мира сего, и во Мне не имеет ничего (Ин.14:30)*. («Против Аполлинария, о воплощении», т. 3, п. 15, с. 332–333).

«Человек впал в греховные помыслы не потому, что Бог создал эти пленяющие помыслы, но потому, что диавол обольщением всеял их в разумное естество человека, соделавшееся преступлением и отринутое от Бога, так что диавол в естестве человеческом поставил греховный закон, и ради греховного дела царствует смерть. *Посему-то явился Сын Божий, чтобы разрушить дела диавола (1Ин.3:8)*. («Против Аполлинария, о спасительном пришествии Христовом, т. 3, п. 6, с. 345–346)».

Из приведенных рассуждений святого Афанасия видно, что по учению Святых Отцов Церкви не Бог обложил или наделил человеческую природу греховными наклонностями, как учит об этом митрополит Антоний, а диавол в естестве человеческом поставил греховный закон. Митрополит Антоний, таким образом, приписывает Богу то, что Святые Отцы и учителя Церкви приписывали диаволу!..»

Одновременно с вышеприведенным заявлением в Архиерейский Собор Русской Православной Церкви Заграницей архиепископ Феофан и епископ Серафим представили свои доклады, в которых указывается, в чем

именно они усматривают в учении митрополита Антония противоречие учению Святых Отцов.

Главный доклад был представлен архиепископом Феофаном и имел название: «Об Искуплении (в понимании митрополита Антония): 1. Гефсиманское моление. 2. Голгофская Жертва. 3. О гневе Божьем». Труд этот обнимает 62 страницы машинописи. Доклад же епископа Серафима «О клятве» занимает всего 9 страниц. На нем стоит дата рукой автора: «1925 г. 12 августа. Варна». На докладе архиепископа Феофана, на титульном листе, сделана его рукой пометка: «1926. IV. 15». Это, видимо, даты отправки докладов. Несомненно, это тот самый доклад Владыки, который был выслан митрополиту Антонию. Сделан он с исключительной осторожностью и мягкостью. Архиепископ Феофан старался до крайнего минимума свести свое значение в этом докладе, не ища для себя ничего. Он показал безбрежный океан святоотеческого учения не в пересказе, а цитатами. Этим самым предложил митрополиту Антонию самому убедиться, что его понимание догмата Искупления ошибочно, что Святые Отцы Церкви опровергают его. Архиепископ Феофан неправославное понимание митрополита Антония мягко назвал «недоразумением» («Об Искуплении», с. 17).

Париж. Последние годы. Свидетельство о предначертанной судьбе России

В 1928 году владыка Феофан, думая о затворе, писал одному из своих духовных чад: «Хотел бы я умолкнуть для всех и навсегда, но пока еще не знаю на это воли Божьей».

16 (29) апреля 1931 года он навсегда покинул гостеприимную Болгарию, где прожил пять лет, и переехал во Францию. В Париже он поселился в доме Пороховых в пригороде Кламар на рю Паскаль, 2. Федор Васильевич и Лидия Николаевна Пороховы были известны ему еще по Петербургу. Супруги были в свое время близки ко Двору, к Императрице Марии Феодоровне, духовно окормлялись у благодатного старца Гефсиманского скита Троице-Сергиевой Лавры иеросхимонаха Варнавы. Бездетное семейство Пороховых имело духовную тайну: Лидия Николаевна была в тайном постриге монахиней Марией.

Сохранилось одно свидетельство о благодатной жизни в Кламаре. Во время Пасхальной заутрени, совершавшейся в доме Пороховых, произошло нечто подобное тому, что происходило не раз во время служений Святителя и в Астрахани, и в Полтаве, и в Югославии, и в Болгарии. «Мы до сих пор, – писал Федор Васильевич Порохов, – под чудным, неземным впечатлением от святой заутрени, которую совершал святитель Феофан. Воистину благодать Святого Духа присутствовала в продолжение всей службы! Даже наши хозяйева-французы, атеисты, сообщили нам свои восторги и сказали, что они в ночных рубашках сидели все время под нашей комнатой, где происходила служба; они в течение шести лет не были в храме, а после этого пошли в костел.

Между прочим, они очень просили нас, не понимая сути дела: нельзя ли, – говорили они, – опять такую же службу «сделать»? Но разве дело в службе? Здесь была великая милость Божья, что мы сподобились присутствия явной благодати Духа Святого!»

Вскоре после переезда архиепископа Феофана в Париж и поселения в доме Пороховых была обнаружена слежка за ним. Дело в том, что у него были постоянные выезды в воскресные и праздничные дни в церковь на рю Одесса (теперь этой церкви давно уже нет). Выяснилось, что какие-то люди не только следили за ним, но и создавали на пути ловушки. Таких, только замеченных, попыток поймать Архиепископа было несколько, но все расчеты злоумышленников, слава Богу, оказались тщетными. Обо всем этом было заявлено префекту столичной полиции Ж. Шиаппу, и он принял

меры охраны. Но на основании собранных материалов архиепископу Феофану было предложено совсем прекратить выезды для посещения богослужений, так как это давало возможность заранее знать, когда Архиепископ будет в церкви. И Владыка начал совершать Литургии у себя на дому.

Владыка Архиепископ кратко сообщил в Болгарию, что в Кламаре неспокойно. Но получатели писем не могли понять, что бы это могло значить. Объясняли себе это сообщение шумной жизнью города – даже и тогда, когда от него пришел неожиданный запрос о возможности вернуться в Софию. И это желание было истолковано как простое разочарование, а не как вызываемое большой опасностью. Хотя и, независимо от этого понимания, у тех людей не было возможности дать немедленно положительный ответ, поскольку на квартиру в Болгарском Синоде нельзя было рассчитывать и надо было искать иные возможности. И только уже потом, когда Владыка сообщил, что неизвестными был организован ночной налет на особняк, где он жил, тогда только стало ясно, что значило «неспокойно» и почему был запрос о возвращении в Болгарию.

Во время того налета хозяин-француз, человек военный, проявил мужество, сумев отбиться от налетчиков. «Мой дом – это крепость, – сказал хозяин. – И если дело до того дойдет, то будет применено и оружие!»

В свое время люди осведомленные говорили, что, судя по всему, согласно планам злоумышленников, в 1936 году архиепископ Феофан должен был быть похищен в Париже, подобно генералу Кутепову (1931, январь) и, позднее, – генералу Миллеру (1937, ноябрь). Но в отличие от их похищений, вызвавших бурю протестов не только в русской среде, похищение архиепископа Феофана должно было пройти, предположительно, почти бесшумно.

И в самом деле, кто бы стал особенно беспокоиться об исчезновении русского Архиепископа, замкнуто живущего? Ведь это в первую очередь касалось Русской Православной Церкви Заграницей, в епископате которой он после своей критики нового учения митрополита Антония (Храповицкого) более не состоял. И можно не сомневаться, что Зарубежный Синод остался бы в стороне, вполне безучастный к судьбе архиепископа Феофана, сославшись на то, что он, по выезде из Болгарии, совершенно прекратил всякое сношение с ним. И к тому же, по весьма странному, не подтвержденному никакими доказательствами или фактами, мнению официальных кругов Зарубежной Церкви, архиепископ

Феофан будто бы «страдал умственным расстройством». Во всяком случае, по отношению к Архиепископу иерархи Зарубежной Церкви сохраняли отношение как к чужому: позже, после его смерти, – ни одной официальной панихиды. Синод, в лучшем случае, предпочитал хранить о нем полное молчание как о несуществующем.

У владыки Феофана, этого скромного, тихого и уединенно живущего подвижника, было много врагов: либералы и модернисты, католики и масоны, и, как это ни прискорбно, враждовала с ним и своя лжебратия.

И нет ничего удивительного в том, что и по сей день клевета и злохуление не оставляют имени его. Так, например, распускается слух людьми, как будто верующими и церковными, о том, что к концу своей жизни владыка Феофан сошел с ума. Потому что ни с кем не имел общения, жил в пещере и наконец похоронен неизвестно кем...

Но если архиепископ Феофан прекратил общение с окружающим миром и закончил жизнь в пещерах, в затворе, то разве это упрек для христианина?! Напротив, это величайшая похвала. И святой Апостол, восхваляя древних подвижников, говорит: *...скитались в милотях и козьих кожах, терпя недостатки, скорби, озлобления; те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли (Евр.11:37–38)*. Многие из святых Христовых подвижников прошли этим путем. Владыка Феофан всему предпочел этот узкий, тернистый Христов путь и ушел из этой жизни через тесные врата в Царство Небесное (см.: *Мф.7:13–14*).

Известно, что всех людей, стоящих выше мира сего, мир поливает грязью, осыпает насмешками. Вместо того чтобы подняться к той высоте, всячески силится унижить их клеветой. Вот и владыка Феофан, иерарх и подвижник, настоящий сосуд духа Христова и благодати, стоял выше жителей падшего мира. На нем сбывается в точности то, о чем говорит Писание, читаемое на паремиях в Церкви: *он пред нами – обличение помыслов наших. Тяжело нам и смотреть на него, ибо жизнь его не похожа на жизнь других, и отличны пути его: он ...удаляется от путей наших, как от нечистот, ублажает кончину праведных...* (*Прем.2:14–16*).

Владыка Феофан всегда был и остался таким, каким должен быть каждый Архиерей: смиренным, кротким, но мужественным, прямым и бескомпромиссным поборником исповедания Православия, «право правящим слово Христовой истины».

Похищение владыки Феофана готовил провокатор, генерал Николай Скоблин, бывший комендант корниловской дивизии, глава белой контрразведки, тайно работавший в пользу красных. Он прогремел на весь

мир своим чудовищным предательством, похищениями генерала Миллера и генерала Кутепова, вождей белой борьбы. И вот он как глава контрразведки был официально запрошен из Болгарии, в каком положении находится в Париже архиепископ Феофан. И он с наигранным недоумением ответил: «Да что Вы? Вы – там и интересуетесь им? А мы – здесь, и нас он совершенно не интересует... Пусть его берегут, как чудотворную икону!..»

Из такого ответа следует сделать совершенно противоположный вывод, что для Скоблина и «скоблимых», как красных агентов, архиепископ Феофан, по меньшей мере, находился в поле зрения, если не в самом центре внимания. Ибо откуда Скоблин знал, если Архиепископ их совсем не интересует, что его тщательно охраняют, «берегут»? И почему у белого генерала это обстоятельство вызывает плохо скрываемое раздражение?

Кто может себе представить, в каком душевном состоянии, в каком предельном напряжении всех душевных и физических сил находился святитель Феофан, этот духовный исповедник и мученик во Христе, живя в Париже?

Злоумышленники охотились за ним, но он никогда не выходил и не выезжал один, Его всегда сопровождали близкие. Злоумышленники пытались создавать для машины, в которой был Владыка, уличные пробки, заторы. Ни вперед ни назад хода не было. Но из машины никто не выходил... И видимо, главные попытки поймать Архиепископа предпринимались во время его прогулок на пустыре старых, заброшенных казарм в районе церкви. Но воли Божьей не было на то, чтобы архиепископ Феофан был похищен.

Желая обрести безопасное жилище, Владыка вместе с семейством Пороховых переезжает в маленькое местечко Моун, близ города Амбуаз на Луаре. Там они жили по адресу: тупик де ла Фонтен, 1.

Федор Васильевич и Лидия Николаевна Пороховы, покидая Россию, вынуждены были изменить фамилию и использовать паспорта другой страны. На надгробии их в городке Моун написано: Федор Валконен-Порохов (1871–1936) и Лидия Валконен-Порохова, урожденная Герингер (1877–1939). В их свидетельствах о смерти была записана ненастоящая фамилия – Валконен, Герман и Ольга.

По приезду в Моун, в том же апреле, скоропостижно умер генерал и профессор Федор Васильевич Порохов, живший в полной неизвестности миру. Спустя три года отошла в вечность и Лидия Николаевна.

А еще через полгода и владыка Феофан преставился ко Господу, но

уже не в Моуне, а в Лимерэ.

По смерти Федора Васильевича и Лидии Николаевны Пороховых архиепископ Феофан остался с их племянницей, Анастасией Васильевной Пороховой, дочерью убитого большевиками старшего родного брата Федора Васильевича – Василия Васильевича. Материальное их положение было очень тяжелое, тем более что в мире шла Вторая мировая война и Франция воевала с Германией с начала сентября 1939 года. Средств к жизни не было.

Но Господь не оставил их своим Промыслом. Бывшая помещица полтавская, знавшая Владыку еще по Полтаве и по Петербургу, Мария Васильевна Федченко, предложила архиепископу Феофану и Анастасии Васильевне переехать к ней в Лимерэ, где она жила в своем небольшом поместье. И они с 1 сентября 1939 года жили в Лимерэ.

В ее усадьбе имелись несколько пещер, недаром улица когда-то носила характерное название – Лисьи Норы. И одна из этих пещер и была приспособлена тогда под церковь.

Между прочим, усадьба охранялась большой стаей полицейских собак, способных вмиг разорвать в клочья непрошеного гостя. Хозяйка объясняла посторонним, что она, разводя и продавая этих собак, тем и живет. Но действительная причина была, очевидно, иная. Собаки были единственной доступной защитой архиепископа Феофана от недругов. Днем собаки были на цепях, а ночью свободно бегали по участку. Участок был обнесен высокой стальной сеткой. И примечательно: сразу после кончины владыки Феофана все собаки были проданы.

Уголок этот славится своими знаменитыми замками, но есть в нем и множество известняковых пещер, которые использовались раньше или как склад, или как место стойлового содержания скота. В этих пещерах сохраняется постоянная температура, и потому они пригодны и для жилья. Собственность Марии Федченко составляли три такие пещеры: первая пещера слева служила кельей архиепископа Феофана, во второй Владыкой была устроена маленькая церковь, а в третьей жила племянница Пороховых, Анастасия Васильевна, Справа от ее пещеры – скромный домик Марии Федченко. Здесь и жил Владыка отшельнической жизнью, прекратив общение с окружающим миром, подобно древним подвижникам, о которых говорил святой Апостол: *те, которых весь мир не был достоин, скитались по пустыням и горам, по пещерам и ущельям земли (Евр.11:38)*.

Одна женщина, проживавшая в те годы в Лимерэ по соседству с Владыкой, вспоминала: «Я видела владыку Феофана, когда он жил в

пещерах, принадлежавших мадам Федченко. Там жила еще одна женщина {Анастасия Васильевна}. Все они были такими прекрасными людьми. Я была маленькой девочкой, когда владыка Феофан там жил. Жил он более чем скромно. Вокруг мадам Федченко всегда царила умилительная аристократическая атмосфера, и это отличало ее до самой ее смерти в 1972 году. Она говорила на многих языках, кажется, на пяти. Нельзя сказать, чтобы она сильно нуждалась, но ее финансовые дела были плохи. Она потеряла мужа в 1914 году в России. Еще я помню ее постоянную привязанность к некоторым вещам. Хлеб, например, брала лишь из одной пекарни, сыр – только из одного магазина... Некоторые люди здесь, в Лимерэ, называли ее «странной женщиной в зеленой шляпе». У нее была настоящая аристократическая осанка, одевалась она в стиле начала 1900-х годов. Будучи образованной женщиной, легко могла бы давать уроки иностранных языков и зарабатывать побольше денег, но не делала этого. Так или иначе, она полагала, что ей не следует этим заниматься. Жила очень скромно в своем домике и помогала владыке Феофану».

Владыка Феофан получил от Господа много благодатных даров: прозорливости, пророчества, исцеления болезней, чудотворения и дар смирения, дар непрестанной сокрушенной молитвы. Благословляя, он ясно ощущал, в каком состоянии духовном находится принимающий благословение. По свидетельству упоминавшегося нами Старца-пустынника, духовными советами которого пользовался владыка Феофан, у Владыки в последний период его земной жизни, во Франции, бывали знаменательные, благодатные явления Господа Иисуса Христа и Его Пречистой и Преподобной Матери и Приснодевы Марии со святыми. Старец тот рассказывал: «В день Введения во храм Божьей Матери Сама Преподобная с Господом Иисусом Христом и святыми присутствовала при Богослужении митрополита Феофана. Был восхищен туда и я, многогрешный, – этот избранник Божий именовал архиепископа Феофана митрополитом. – По окончании Литургии присутствовавшая со святыми Богоматерь возложила Свою руку на голову Владыки, а другую – на голову монахини Марии и сказала:

– Сии от рода Моего!»

Архиепископ Феофан отошел ко Господу, оставив нам свидетельства о предначертанной Богом судьбе России. Эти свидетельства записали архиепископ Аверкий (Таушев) и схимонах Епифаний (Чернов): «Времена тихие, спокойные кончились. Впереди горе ждет людей и тяжкие страдания. Прежде всего будет мировая война, как и сказано в Евангелии: *...восстанет народ на народ, и царство на царство (Мф.24:7)*. За

преумножение беззаконий, за богоотступление, которое Господь нарек *мерзость запустения... стоящую на святом месте (Мф.24:15)*, иными словами, это – Церковь, за грехи, в первую очередь, епископата, а затем и священничества, как и начальствующих лиц в государстве, – за все это Господь попускает... В Церкви бедствия дойдут до того, что верными Богу останутся только два, много – три иерарха.

Я не говорю от себя. А то, что я слышал от Богодухновенных старцев, то и передал... Господь помилует Россию ради малого остатка истинно верующих. В России, говорили старцы, по воле народа будет восстановлена Монархия, Самодержавная власть. Господь предызбрал будущего Царя. Это будет человек пламенной веры, гениального ума и железной воли. Он прежде всего наведет порядок в Церкви Православной, удалив всех неистинных, еретичествующих и теплохладных архиереев. И многие, очень многие, за малыми исключениями, почти все будут устранены, а новые, истинные, непоколебимые архиереи станут на их место. По женской линии он будет из рода Романовых. Россия будет мощным государством, но лишь на «малое время»... А дальше в мире наступит пришествие антихриста, со всеми ужасами конца, описанного в Апокалипсисе...»

С этим чрезвычайным свидетельством владыка Феофан отошел ко Господу в своей пещере в городе Лимерэ во время войны, в три часа ночи 6/19 февраля 1940 года, причастившись Запасными Дарами. Отошел, как и жил, тихо и скромно. Никто из людей не знает, как он умирал. Однако можно и должно сказать: как он был гоним при жизни, так и отошел с радостью о Христе. *Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное. Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить на Меня. Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах (Мф.5:10–12).*

Митрополит Евлогий прислал телеграмму, что не приедет и что хоронить нужно как простого инока. На отпевании в пещере и погребении были только четыре православных человека. Покойный Иерарх был в полном архиерейском облачении, митре и с панагией на персях – дар Императора Николая II в 1909 году при рукоположении архимандрита Феофана во епископа Санкт-Петербургской епархии.

Отпевал его и хоронил православный иеромонах Варнава, его духовник, живший в селении недалеко. Великий подвижник был похоронен более чем скромно. Очевидно, для того, чтобы уподобиться не только по жизни, но и по погребению мученикам во Христе и, может быть, даже и Самому Господу нашему Иисусу Христу, погребенному в нищете,

но Воскресшему в Божественной славе.

Одинокая могила владыки Феофана находится на общественном кладбище, на окраине Лимерэ, под номером 432, на пятой аллее налево. Могильное место было приобретено «на вечность» в 1944 году бывшей хозяйкой усадьбы, где жил и скончался Владыка, Марией Васильевной Федченко. Надгробие покрыто гранитной плитой, а другая, меньшая плита, стоит в изголовье. На ней надпись по-русски и, с несколькими ошибками, по-французски, икона Нерукотворенного Спаса и небольшой православный крест.

Владыка Полтавский и Переяславский Феофан прожил на земле 66 лет и 38 дней.

Архиепископ Канадский Иоасаф (Скородумов) вспоминал: «После смерти моего удивительного наставника я ужасно горевал... Мне было очень трудно, и я много молился о нем... И тогда, в ночь сорокового дня после его кончины, мне снился сон, что я стою возле великолепной церкви, из которой после службы выходит много иерархов. Я узнал великих иерархов – святителей Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Богослова и многих других; вдруг среди них я вижу – владыка Феофан! Я подбежал к нему: «Владыка, откуда Вы идете?» – «Как видишь, мы только что совершили совместно Литургию. Пойдем с нами». Я пошел. Все заняли места в просторном автомобиле или, может быть, лодке, которая начала плыть по воздуху. Мы проплывали мимо холмов, лесов, аллей неопишуемой красоты, замечательных церквей и монастырей. Мой авва стал указывать мне на эти жилища и открывать их судьбу: «Это будет спасено, а то, внизу аллеи, погибнет». Было страшно слушать все это! А вокруг нас простирались прекрасные сады и распространялось чудное благоухание. Я смотрел с восторгом и все не мог налюбоваться на эту красоту. Долгое время нас так «несли» по воздуху среди этого чудесного окружения. Наконец, я не мог больше сдерживаться и спросил: «Но где мы?» Владыка Феофан ответил мне: «Разве ты не понимаешь? Мы в Раю!» С того момента я пребываю в уверенности, что мой дорогой наставник оказался достойным вечного блаженства».

Некогда, еще до Первой мировой войны старица схимонахиня Евгения говорила владыке Феофану:

– Господь вручает Вам особую миссию!

Многие годы Владыка недоумевал, вспоминая слова те.

А ранее, еще до схимонахини Евгении, родной отец владыки Феофана, иерей Димитрий, давая каждому члену семьи своей благословение, когда подошел к нему младший сын, изрек внушенное ему

Богом:

– А у тебя – особенный путь!

И благодатный Старец-пустынный, о котором мы вспоминали уже в самом предисловии к этому повествованию, неоднократно говорил:

– Господь Бог ставит Владыку на великое служение!

И видится нам теперь, что великое служение должно совершиться владыкой Феофаном по смерти его. Владыка Феофан, будучи послушен Господу, призвавшему его на это великое служение, оставил после себя труды по главным современным недугам церковным.

Старец говорил: «Владыку гнали при жизни. Это надо (ему) смирения ради. Но после смерти оценили его высокий ум, его ученые труды и поняли его смирение. Теперь чтут его в России как столпа Церкви. Да, будет прославлено имя его!...»

И еще говорил тот Старец: «Я предрекаю только то, что велит Господь. Господь пошлет его в Россию... В России совершится то, чего никто не ожидает, – чудо Божье превеликое!»

Будем с упованием ожидать исполнения этого дивного предречения Господня, поспешествуемого трудами и молитвами архиепископа Феофана Полтавского, Нового Затворника.

Надеемся, что скоро будет то светлое время, когда Господь сподобит перенести могилу многострадального Святителя Христова в воскрешенную им Православную Россию и одновременно прославит имя его славой вечной.

Не нам, Господи, не нам, по имени Твоему дай славу, ради милости Твоей, ради истины Твоей (Пс.113:9).

Посмертное чудесное предстательство архиепископа Феофана

Утром 25 декабря 1989 года мне позвонили из Франции. В то время я жил в Голландии, в Амстердаме, и звонок тот был от мамы моей близкой подруги-француженки, дружба с которой длилась тогда уже около двадцати лет. Жила она в Амстердаме, но улетела теперь домой на рождественские каникулы, чтобы провести их со своей семьей. И вот утром 25 декабря – звонок от ее мамы. Голос мамы был полон отчаяния, когда она сказала, что Катрин стало очень плохо. Она спрашивала, могу ли я приехать к ним во Францию. В тот же день, поздно вечером, я выехал из Амстердама на машине и спустя примерно девять часов прибыл на следующее утро в маленький городок Бурбон Л'Аршамбоу.

Катрин исповедовала католицизм, но в вере ее не было ничего фальшивого, лицемерного, чистота ее веры была вполне сродни православной. Она жила в искренней простоте. Она с интересом наблюдала мой путь обращения в Православие, которое совершилось в 1988 году. Катрин горячо любила блаженного святителя Иоанна (Максимовича), архиепископа Феофана Полтавского: особое место в ее сердце занимал игумен Герман (Подмошенский), чьи лекции, которые он читал во время своих приездов в Амстердам, ее глубоко трогали. Когда я спросил ее однажды, не готова ли она креститься в Православие, она ответила: «Я чту и люблю Православную веру, но здоровье мое не позволяет мне серьезно думать об этом. Креститься я хотела бы, приняв веру Православную всем своим сердцем, умом и душой, но крещение лишь как внешний обряд – не для меня. Болезнь моя держит меня, не дает сосредоточиться на другом». Тем не менее я продолжал рассказывать Катрин о вере Православной, и она по-прежнему слушала с большим интересом.

Жизнь Катрин драматически изменилась восемь лет назад, когда врачи поставили диагноз: рак щитовидной железы. После удаления щитовидной железы ей прописали препарат железа и объявили, что от рака она излечилась. Однако всего лишь несколько месяцев спустя рак был обнаружен у нее в легких и в печени. И жизнь ее, начиная с этого момента, стала непрерывной борьбой с болезнью. Ко времени, о котором идет речь, болезнь уже развилась в мучительную форму рака костей. Катрин ходила при помощи костыля.

Мне рассказали, когда я приехал, что двумя днями раньше, в ночь на

25 декабря, Катрин с мамой была на полуночной мессе в своем городке. Вернувшись домой, они легли спать. Часа примерно в три ночи Катрин поднялась и прошла в ванную. Там она сильно кашляла, настолько сильно, что в крестце ее образовалась трещина (восьмилетняя борьба с раком сильно ослабила ее организм, кости стали очень хрупкими). Катрин закричала от боли, разбудив мать. Трещина в крестце увеличилась от нового приступа кашля. Отец Катрин, врач по профессии, был в те дни в Париже, и мать пришла в отчаяние. Выбежав среди ночи на улицу, она бросилась к соседям и просила их о помощи. Сосед сказал мне на следующее утро, что никогда в жизни не хотел бы вновь увидеть такие страдания: «Это было невыносимо. Нам надо было положить ее на одеяло и держать его как можно более туго натянутым, чтобы она лежала неподвижно, пока мы несли ее по винтовой лестнице на нижний этаж. Все это время она кричала от боли. Было совершенно ужасно». Когда вернулся домой отец Катрин, доктор, лечивший ее, сказал, что она никогда уже более не сможет ходить и что им надо готовиться к ее смерти.

Я оставался с Катрин и ее родными несколько дней. Помню, когда был у нее, она лежала беспомощно в кровати и не могла самостоятельно двигаться. Любое резкое движение причиняло мучительную боль. Мне пришлось сказать ей, что мне необходимо вернуться на несколько дней в Амстердам, но я обещал немедленно приехать, если ее состояние изменится. Я сказал ей тогда, что, несмотря на случившееся, я не верю, что конец ее близок. Она ответила: «Я тоже не чувствую, что приходит конец». Я обещал ей по дороге в Амстердам заехать в Лимерэ и помолиться там на могиле архиепископа Феофана о ней. Она знала о Владыке из моих рассказов, с тех пор как я начал работать над переводом его жизнеописания на английский язык. Я спросил, есть ли у нее особая просьба, о чем бы я мог просить Владыку. Ее ответ был таков: «Пожалуйста, помолись, чтобы, сколько бы времени мне ни даровал Господь – пусть это будет всего лишь один день, – я могла бы вновь обрести возможность двигаться, возможность ходить до самого своего конца». Повторяя про себя ее молитву, я поцеловал ее, попрощался с ее родными и выехал на машине в Лимерэ.

Когда подъезжал к Лимерэ, небо вдруг неожиданно нахмурилось. Темные тучи сгустились сначала на горизонте, а вскоре покрыли почти все небо. Когда я подошел к кладбищу, было около пяти часов дня. Направился к знакомой могиле. Оглядевшись и убедившись, что вокруг никого нет, я вдруг как-то произвольно, неожиданно для самого себя, сделал то, чего никогда раньше не делал. Я прижался лицом к могильной плите и умолял

владыку Феофана вступить за Катрин. Я просил его молиться о ее здоровье и, если будет на то воля Божья, о возвращении ей способности двигаться. Прошло, наверное, минут пять. Когда я поднялся, ветер начал жутко завывать. Он дул с такой силой, что я с трудом мог двигаться против него. Произнес благодарственную молитву архиепископу Феофану, я с трудом пошел к машине. И только оказался внутри ее, порыв ветра сильным ударом захлопнул дверцу. В тот же самый момент дождь с грохотом обрушился на землю, и молния рассекла небо. Мое возвращение в Амстердам было необыкновенно долгим.

На следующее утро я позвонил родителям Катрин, и мне сообщили, что ее увезли на санитарной машине в госпиталь в Клермон-Ферран для радиационного лечения поврежденных костей. Врачи подтвердили, что она никогда не сможет ходить и что скоро умрет. Прошла неделя. И вдруг – неожиданно – мне позвонила мама Катрин и сообщила, что Катрин вернулась домой, что к ней приходил физиотерапевт и предложил бесплатно заниматься с ней в свободное время, чтобы попытаться помочь ей. Он делал ей массаж ног, много работал для восстановления ее сил.

В конце января я вновь приехал в Бурбон Л'Аршамбоу и увидел, что произошло настоящее чудо. Катрин сидела в кресле на колесах и могла ненадолго вставать при помощи костылей, поддерживаемая своим физиотерапевтом. Ее домашний врач, придя навестить ее, был поражен результатом. Он сказал ее родным и мне: «Это невероятно! Если верить ее рентгеновским снимкам, это совершенно невозможно. Если бы я не видел этого своими собственными глазами, я бы этому не поверил! Она не только не должна была ходить, она должна была умереть! Единственное, что я могу сказать: то, что она жива, есть свидетельство милости Божьей».

Два месяца спустя, в марте 1990 года, Катрин и ее мама приезжали в Амстердам. В сентябре 1990 года она смело отправилась на самолете в Соединенные Штаты, чтобы в последний раз навестить мою семью. В декабре 1990 года, спустя год после того страшного случая, принесшего ей столько страданий, она прилетела обратно во Францию и вместе со своей семьей встречала Рождество. Это оказалось ее последнее Рождество в этой жизни. Она умерла 19 июля 1991 года, после долгой борьбы с раком. Но ее молитва, вознесенная ко Господу по ходатайству архиепископа Феофана, была услышана. Ей была возвращена способность двигаться, и оставшиеся полтора года она прожила, пользуясь этим даром Божиим, передвигаясь при помощи лишь костылей. Она сама, без сопровождения, могла ездить по Амстердаму на своей машине. И этот дар она имела до самой смерти.

Ричард (Фома) Бэттс

Святитель Феофан, моли Бога о нас!

Святитель Феофан в последние годы земной жизни

Проповеди, произнесенные в Болгарии

Слово в день Рождества Пресвятой Богородицы

...Отныне будут ублажать Меня все роды

Лк.1:48

Когда лукавому искусителю удалось прельстить наших прародителей в Раю и разрушить их райское блаженство. тогда в лице наших прародителей все человечество тотчас же подпало осуждению смерти. Смерть, прежде возвещенная предохранительно, а теперь уполномоченная самим Божественным правосудием на владычество над человеческим родом, стала наступать на человека по следам греха. Но тогда же милосердный в самом правосудии Бог приостановил ее, благоволил в умирающем уже и погибающем человечестве посеять новое семя жизни и спасения. Чудным образом в слове осуждения частью скрыл Он, частью открыл тайну помилования, когда осужденному искусителю возвестил: *...вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову (Быт.3:15)*. То есть: ты, дух злобы, мечтаешь, что, прельстив жену как слабейшую часть человечества и через нее увлекши в преступление и Адама, будешь иметь весь род человеческий твоим всегдашним рабом. Нет! От побежденных тобою человекoв восстанет против тебя вражда, противоборство, брань. Она продолжится в их потомстве. Наконец, Тот, Который до времени скрывается под таинственным наименованием Семени Жены, Той твою сотрет главу, победит тебя решительно, уничтожит твою власть, которая есть область греха и держава смерти, и, следовательно, возвратит человечеству похищенную у него святость и жизнь, безопасную от смерти.

Итак, Божье определение о победоносном Семени Жены, то есть о рождении Христа Спасителя от Девы, провозглашено было Самим Богом еще в Раю. Но если оно провозглашено было еще в первые дни мира, то почему оно не исполнялось в продолжение столь многих веков?

Не дерзаем приписать себе способность дать на это полный ответ. *Кто познал ум Господень? (Рим.11:34)*. Однако можем сказать не обинуясь, что не в Боге причина медленности. *Быстро течет слово Его (Пс.147:4)*. Он сказал, – и сделалось; Он повелел, – и явилось (Пс.32:9)... У Вечного всегда все готово, для Всемогущего всегда все возможно. Тварь медлит по необходимости, потому что движется в определенных кругах времени, которых не может ускорить. В твари свободной не достает готовности для принятия действия Божьего, когда в ее воле не достает

соответствия воле Божьей. Особенно трудно устроить сию готовность в твари падшей и разрушенной, которую нужно восстанавливать и пересозидать. Слово Божье о Спасителе мира, как молния, блеснуло над человечеством в первые минуты греховного омрачения и неоднократно просиявало в последующих откровениях. Но мрак греховный продолжал тяготеть, и века и тысячелетия должны были пройти прежде, нежели действительно *Слово стало плотью (Ин.1:14)* и *Бог явился во плоти (1Тим.3:16)*.

В это долгое время благословение, которым *Бог Отец благословил нас во Христе... в небесах, так как Он избрал нас в Нем прежде создания мира (Еф.1:3–4)*, как молниеносное облако, носилось над землей. Между тем как тайное действие Провидения изыскивало в роде человеческом и уготовляло Благословенную в женах, которая могла бы Своей чистотой эту Божественную молнию привлечь, принять, вместить, удержать без опасения быть опаленною огнем Божества и, таким образом, чрез Себя существенно усвоить всему человечеству благословение Христово. И, наконец, оно обрело сию вожденную Деву, и чрез Нее совершилась тайна Боговоплощения и тайна спасения рода человеческого.

Братия христиане! Находятся в настоящее время даже из числа верующих такие, которые не видят никакого смысла в ветхозаветной истории. И на этом основании отрицают самую Богодухновенность Ветхого Завета. Можно сказать о них одно: поистине не ведают они, что творят. О нет! Ветхий Завет имеет глубокий смысл. От вечности в сокровенном совете Божьем предрешено было спасти род человеческий чрез Боговоплощение. Но самое Боговоплощение не могло совершиться иначе, как под условием, чтобы в роде человеческом обрелась Святая и Пречистая Дева, достойная послужить тайне Боговоплощения. Для сей именно цели Высочайшая Премудрость Божья избирает еврейский народ, обособляет его от других народов и многообразными испытаниями очищает его. И хотя в большинстве своем *Израиль*, по слову Апостола, *чего искал, того не получил; избранные же получили, а прочие ожесточились (Рим.11:7)*, но Промысел Божий все же достиг Своей цели: среди избранных в заключение ветхозаветной истории обрелась, наконец, Та вожденная Дева, от Которой воплотился для нашего спасения Единородный Сын Божий.

Пресвятая Дева есть высочайший цвет и плод Ветхого Завета и смысл настоящего праздника: «Рождество Твое, Богородице Дево, радость возвести всей вселенной: из Тебе бо возсия Солнце правды Христос Бог наш, и разрушив клятву, даде благословение, и упразднив смерть, дарова

нам живот вечный» (тропарь). Чистую славно почтим, людие, Богородицу, огонь Божества приемшую во чреве неопально. Аминь.

Слово в день Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня

Кресту Твоему поклоняемся, Владыко,
и Святое Воскресение Твое славим

Тропарь

Предлежащий пред нами видимый крест есть только видимый образ невидимого Креста, понесенного Начальником нашего спасения ради нашего спасения. И об этом последнем будет у нас слово.

В общем смысле слова вся жизнь Спасителя была сим таинственным крестом. И кто измерит всемирный сей крест, понесенный Начальником нашего спасения? Кто извесит его тяжесть? Кто исчислит разнообразное множество крестов, из которых он, как из капель море, составляется?

Не от Иерусалима только до Голгофы несен крест, с помощью Симеона Киринейского. Несен он и от Гефсимании до Иерусалима, и до Гефсимании от самого Вифлеема. Вся жизнь Господа была единый крест, и никто не прикасался к бремени его, разве для отягчения его. Един Он истоптал, как выражается слово пророческое, точило ярости Божьей, один, и из народов никого не было с Ним, помогающего Ему (см.: [Ис.63:3](#)).

Божественное соединяется с человеческим, вечное – с временным, всесовершенное – с ограниченным, несозданное – со Своим созданием, самосущее – с ничтожным: какой необозримый и непостижимый крест из сего уже слагается! Богочеловек, Которого нисшествие на землю прославляют небеса, является здесь в уничиженнейшем возрасте человечества, в малейшем граде малейшего из царств земных. Нет для Него ни дома, ни колыбели; кроме убогих родителей, едва несколько пастырей занимаются Его рождением. Тридцать лет Владыка небес и Царь славы сокрывается от неба и земли в глубоком повиновении двум смертным, которых удостоил наречь Своими родителями. Чего потом не претерпел Он от дня вступления Своего в торжественное служение спасению рода человеческого! Святой, грядущий освятить человек, вместе с ищущими очищения грешниками приемлет крещение от Предтечи. Праведный, подвергается искушению от князя тьмы в пустыне. Целитель немощей человеческих и Чудотворец, преследуется от фарисеев и саддукеев. Во время скорбного подвига Гефсиманского не имеет Он утешения даже от ближайших учеников в Своем предощущении тягчайшего Голгофского креста. Что же сказать нам о сем последнем кресте, который является вершиной и завершением всего крестного

подвига Спасителя? Он столь болезнен, что солнце не могло взирать на него; и столь тяжек, что земля потряслась под ним. Претерпеть в чистейшей непорочности все мучения, внутренние и внешние, тягчайшие и поноснейшие, и претерпеть вместо награды за содеянные благодеяния; страдать Всевышнему от пребеззаконных, Творцу от тварей; страдать за недостойных, неблагодарных, за самих виновников страдания; страдать для славы Божьей и быть оставленному Богом: какая неизмеримая бездна страданий!

Таков крест Христов целожизненный и Голгофский.

Чем же мы воздадим Начальнику нашего спасения за сей великий, претерпенный Им за нас крест?

Претерпев Един все сие для нас, Он имеет совершенное право требовать, чтобы и каждый из нас претерпел все сие для Него. И Он действительно сего требует, хотя и в мере, сообразной с нашей немощью. *Кто хочет идти за Мною, – говорит Он, – отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною (Мк.8:34).* Господь, как видите, требует от Своего последователя, в знак истинного его последования за Ним, взять крест свой. Но что значит: «взять крест свой»? Изречение о кресте последователя Христова предполагает крест Самого Спасителя и указывает на него. И как под именем креста Христова мы разумеем страдания и смерть Его, то и под именем креста нашего должно разуместь всякую, по судьбам Божьим, нас постигающую скорбь, лишения, унижения, страдания и многострадальную и бедственную смерть. Неужели, скажут, на все сие должен обречь себя каждый христианин? Заповедь Господня не требует сего. Не наше дело предназначать себе жребий. Наш долг уметь принимать тот жребий, который Господь нам назначает. И Господь не избирал и не умножал Себе страданий, а принял те и в той мере, какие и в какой предоставила Ему премудрость, правда и судьба Отца Его, а исполнили сыны человеческие, не ведавшие, что творили. Колями паче нескромной и потому ненадежной было бы дерзостью обречь себя на многое трудное для нашей немощи, не могущей и малое и легкое понести без внешней помощи. Посему-то Господь не говорит в заповеди Своему последователю, да умножит себе страдание, да распнет сам себя, но меньше, снисходительнее: «да возьмет крест свой». Это значит: не убегай скорбного посещения, не упорствуй против него, когда оно суждено Богом; будь в готовности принять его, когда оно еще не постигло тебя; послушно и безропотно прими его, когда оно действительно постигло тебя. Кротко дай себя вести, как овца на заколение, по образу Агнца и Пастыря Христа, если нужно пострадать за правду. Беспрекословно неси

дрова для собственного всесожжения, как Исаак, если такова воля Отца Небесного!

Неужели сие неизбежно? – спросит кто-нибудь.

Неизбежно: ибо что живет в нас ныне? Если самолюбие препятствует признанию, обличим себя признанием Апостола: *не живет во мне, то есть в плоти моей, доброе (Рим.7:18)*. В нас живет, со времени первого греха, ветхий Адам с его страстями и похотями. Нам необходимо совлечься ветхого и облечься в нового человека.

А это невозможно, не говорю, без страдания, но даже без смерти. Должно взять каждому из нас крест свой не для того только, чтобы подвизаться в ношении оногo, но чтобы, наконец, совсем *распяты плоть свою со страстями и похотями (Гал.5:24)*, умертвить уды наша, сущие на земли (см.: *Кол.3:5*), умереть таинственно, чтобы воскреснуть во Христа для новой жизни таинственно.

Братия христиане! Не для того мы христиане, чтобы забываться в шумных радостях мира сего и упиваться из полной чаши мирских удовольствий; но для того, чтобы по образу Христа подвизаться крестonosным подвигом. Как видимый, вещественный крест есть державное знамение видимого Царства Христова, так крест таинственный – печать и отличие истинных и избранных рабов невидимого Царствия Божьего.

...Кто не несет креста своего и идет за Мною, – говорит Великий Крестonosец и Начальник нашего спасения, – не может быть Моим учеником (Лк.14:27). Аминь.

Слово в день Покрова Пресвятой Богородицы

Возлюбленные о Господе братия!

В ныне прослушанном вами Апостольском чтении святой апостол Павел повествует о себе, что он был однажды *восхищен в рай и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать* (2Кор.12:4) – чтение в 19-ю неделю по Пятидесятнице.

Не один апостол Павел удостоился такой чести.

Удостаивались ее и многие из других святых после апостола Павла. Удостоился сей чести в числе их и святой Андрей, Христа ради юродивый, с именем которого неразрывно связано установление празднования ныне празднуемого Покрова Пресвятой Богородицы.

Жил сей святой в X веке. Подвизался трудным подвигом юродства. Претерпевал многие скорби, лишения и озлобления. В один из самых тяжелых для себя дней, когда он помышлял даже о смерти, внезапно он восхищен был на небеса. Видел здесь многообразные обители святых и ангелов Божьих. Наслаждался их блаженством. Удостоился сначала поклониться Честному и Животворящему Кресту Господню, а потом и Самому Господу Иисусу Христу. Был благословлен Им и утешен. Но не видел только Пречистой Богоматери. И когда недоумевал о сем, то получил вразумление от Ангела: «Ты желаешь поклониться Царице Неба и земли, – сказал он ему. – Ее нет здесь. Она на земле и утешает всех страждущих, скорбящих и озлобленных на ней. Ты увидишь Ее там».

Чудное восхищение св. Андрея кончилось. Он снова оказался на земле и здесь, действительно, удостоился видеть Богоматерь. В один из воскресных дней он был при Богослужении во Влахернском храме. И когда возвел очи свои горе, вдруг увидел необыкновенное зрелище. Увидел Богоматерь с Предтечей и Иоанном Богословом, окруженную множеством святых и ангелов Божьих, со слезами молящуюся пред Сыном Своим за весь род человеческий и простирающую над ним в знамение невидимого благодатного покров а священное свое одеяние – «мафорий».

В память этого чудесного видения святому Андрею и учрежден празднуемый ныне праздник Покрова Божьей Матери.

Замечательно, что, хотя явление это было в Византии, во Влахернском храме Константинополя, праздник этот празднуется только в России. Не празднуется он ни в Византии, ни в других славянских странах. Этим русский народ выразил свою особенную веру и свою особенную любовь к Богоматери и свою веру в благодатный покров Ее над ним. И эта вера, и

эта любовь русского народа к Богоматери не остались бездейственными и неоправданными. Нет ни одной более или менее значительной области в обширной Русской земле, где бы не было чудотворной иконы Божьей Матери. И множество чудес совершается от этих чудотворных икон Ее. Но не только через чудотворные иконы проявляет Свою благодатную помощь русскому народу Богоматерь. Нередко Она является и Сама непосредственно Своим избранным святым. Так являлась Она и древним святым, так является и новым святым. Величайшим из новых святых, без сомнения, является прп. Серафим Саровский, подвижник и чудотворец. Двенадцать раз являлась Богоматерь преподобному Серафиму в продолжение его жизни. Но особенно замечательным из них было последнее, бывшее незадолго до кончины Преподобного. Чудесное явление это последовало ранним утром в праздник Благовещения. Свидетельницей его, кроме прп. Серафима, была дивеевская инокиня Евдокия. По приказанию прп. Серафима инокиня Евдокия пришла к нему накануне праздника Благовещения вечером. Великий Старец встретил ее словами: «Радость моя! Я тебя давно ожидал. Какая нам с тобой готовится милость и благодать от Божьей Матери в настоящий праздник! Велик этот день будет для нас! Хотя и недостойна ты, – говорил он ей, – но я о тебе упросил Господа и Божью Матерь, чтобы видеть тебе эту радость. Будем молиться». И они начали молиться. Молились долго. Наконец великий Старец воскликнул: «Не убойся, не утрашися. Благодать Божья к нам является». Поднялся шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра. Послышалось пение. Дверь в келлию Старца открылась сама собой. Воссиял необычайный свет, и благоухание наполнило келлию. Старец упал на колена и, воздев руки к небу, воскликнул: «Се Препоблагословенная, Пречистая Дева, Владычица Богородица грядет к нам». И действительно, открылось шествие небожителей. Впереди шли два Ангела, держа один в правой, а другой в левой руке по ветви, украшенной цветами. За ними – святой Иоанн Предтеча и святой апостол Иоанн Богослов в белых блестящих одеждах. Далее – Сама Богоматерь и за Нею двенадцать святых дев. Когда они вошли в келлию, то озарил ее свет светлее солнечного. Инокиня Евдокия при входе небожителей в келлию от страха вне себя упала на землю и очнулась только тогда, когда Богоматерь спросила у Преподобного: «Кто это у тебя?» Старец ответил: «Это та самая сестра, о которой я просил Тебя, Владычице, быть ей при явлении Твоем». Тогда Богоматерь подошла к Евдокии и, взяв ее за правую руку, сказала: «Встань, девица, и не бойся нас. Такие же девы, как ты, пришли сюда со Мною».

Объятая великою радостью, Евдокия встала и спросила Старца: «Где мы? Кто это? Я думала, что я уже не живая». Тогда Богоматерь повелела ей самой подойти ко всем явившимся небожителям и спросить их, как их имена и какая была их жизнь на земле. Сначала Евдокия подошла к Ангелам и спросила их: «Кто вы?» Они отвечали: «Мы – Ангелы Божьи». Потом с таким же вопросом она обратилась к Иоанну Предтече и апостолу Иоанну Богослову, и они сказали ей свое имя и свою жизнь. Затем Евдокия подошла к святым девам. Это были великомученицы Варвара и Екатерина, первомученица Фекла и великомученица Марина, великомученица Ирина и преподобная Евпраксия, великомученицы Пелагия и Дорофея, преподобная Макрина и мученица Иустина, великомученица Иулиания и мученица Анисия. Все эти девы на вопросы Евдокии сказывали ей свое имя, свою жизнь и подвиги мученичества за Христа и в заключение прибавили: «Не так нам Бог даровал эту славу, а за страдания и за поношения. И ты пострадаешь».

Между тем Богоматерь продолжала беседовать с преподобным Серафимом и что-то много говорила ему. Но из этой беседы Евдокия могла расслышать лишь немногое. И вот что она услышала: «Не оставь дев моих дивеевских», – говорила Богоматерь. Старец ответил: «О Владычице, я собираю их, но сам собою не могу их управить». «Я тебе, любимче Мой, во всем помогу», – сказала Богоматерь. «Возложи на них послушание; если исполнят его, то будут с тобою и близ Меня, а если потеряют мудрость, то лишатся участи сих блаженных дев Моих; ни места, ни венца такого не будет им. Кто обидит их, тот поражен будет от Меня; кто послужит им ради Господа, тот помилован будет пред Богом». Потом, обратясь к Евдокии, Богоматерь сказала: «Вот, посмотри на сих дев Моих и на венцы их: иные из них оставили земное царство и богатство, возжелав Царства Вечного и Небесного, возлюбили нищету самоизвольную, возлюбили Единого Господа и за то, видишь, какой славы и чести сподобились. Как было прежде, так есть и ныне. Только прежние мученицы страдали явно, а нынешние тайно, сердечными скорбями, но мзда их будет такая же».

Видение кончилось тем, что Богоматерь сказала преподобному Серафиму: «Скоро, любимче Мой, будешь с нами». И благословила его. Простились со Старцем и все святые. А Евдокии было сказано: «Это видение дано тебе ради молитв старцев Серафима, Марка, Назария и Пахомия».

Долго не могла прийти в себя после этого видения Евдокия, а когда пришла в себя, то стала просить великого Старца, чтобы он научил ее, как

жить и молиться. И это для того, чтобы не быть лишенной Покрова Богоматери. Святой Старец ответил: «Помни и говори всегда в молитве: Господи, как мне будет умереть? как мне, Господи, ответ дать за дела мои? Царица Небесная, помоги мне». Благословив затем сестру, Преподобный отпустил ее от себя, сказав: «Гряди, чадо, с миром».

Воистину, замечательно это явление Богоматери преподобному Серафиму! Если святой Андрей удостоился видеть Богоматерь горé на воздухе, то к преподобному Серафиму Она Сама благоволила прийти в его келлию, окруженная сонмом небожителей. Много поучительного Она говорила ему и присутствовавшей при явлении сестре. Но особенно примечательны сказанные Ей последние слова: «Как было прежде, так есть и ныне. Только прежние мученицы страдали явно, а нынешние тайно, сердечными скорбями, но мзда их будет такая же». Слова эти были сказаны непосредственно об иночествующих девах, но в своей мере приложимы и ко всем христианам последнего времени. Скорби есть преимущественный удел спасающихся последнего времени, по предречению и древних Отцов. В Древнем Патерике сохранилось следующее сказание: «Святые Отцы (находившиеся в Египте) скита пророчествовали о последнем поколении, говоря: «Что сделали мы?» И, отвечая, один из них, великий по жизни, по имени Исхирион, сказал: «Мы сотворили заповеди Божьи». Еще спросили: «Следующие за нами сделают ли что-нибудь?» Он оказал: «Они достигнут половины нашего дела». «А после них что?» И сказал Исхирион: «Не будут иметь дел совсем люди рода оногo, придет же на них искушение, и оказавшиеся достойными в оном искушении окажутся выше нас и отцев наших» (Древний Патерик, гл. 18, пар. 10).

Это древнее пророчество святых подвижников сбывается на нас, братия. Нам дано, как говорит Апостол: *ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него (Флп.1:29)*. Верно слово: *если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем; если терпим, то с Ним и царствовать будем; если отречемся, и Он отречется от нас (2Тим.2:11–12)*. Аминь.

Слово в день Рождества Господа нашего Иисуса Христа

Ибо в вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу: но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек.

Флп.2:5–7

О, как умалил Себя Сын Божий в Своем воплощении! Иному владыке не много нужно умалить себя, чтобы показаться в виде раба, но когда Господь великий и вышний является в образе раба, то есть в состоянии полного рабства и глубокого, какое свойственно рабству, уничижения, тогда на столь чрезвычайное умаление Великого поистине невозможно взирать без чувства умиления и ужаса. Но не только явлением в образе раба, Он умалил Себя и в самых обстоятельствах Своего земного рождения. Надлежало избрать народ, в котором бы Ему родиться. И Он избрал из всех народов земли малейший, не имеющий собственного правительства, многократно порабощаемый, близкий к новому порабощению, некогда благословенный, но уже едва не отверженный. Надлежало избрать город. И Он избрал Вифлеем, так малый, что и благоприятствующий Ему пророк не может скрыть сего нареkania на него и не находит иного средства его возвеличить, как именем Рождяющегося в нем Иисуса (см.: Мих.5:2). Надлежало избрать и Мать и, чтоб до времени скрыть от неверующих тайну воплощения, надлежало узами закона, но не плоти присоединить к Ней и мнимого отца. И вот избраны, хотя потомки Царские, чтобы совершились обетования и пророчества, но уже один – древодел, а другая – бедная сиротствующая Дева. И что еще? Если бы Господь родился в малом собственном или наемном жилище Иосифа и Мария положила бы Его в бедной колыбели, зрак раба, Им восприемлемый, может быть, не все имел бы черты, какие его составлять могут. Ибо могло найтись рабское жилище меньше Иосифова и колыбель беднее Марииной.

Что же изобретает бесконечно Великий, ищущий бесконечного умаления?

Августовым повелением сделать перепись по всей земле (Лк.2:1) приводит в движение народонаселение земли Иудейской, дабы Иосифу нельзя было ни остаться в собственном жилище в Назарете, ни найти наемное в Вифлееме, когда наступило время родиться истинному Господу

вселенной. И, таким образом, Умаливший Себя даже до младенчества, уничижает Себя даже до скотских яслей вместо младенческой колыбели. Но и сим не ограничивается умаление Господа вселенной. Смотрите, как принимает Его земля, для спасения которой от греха, проклятия и смерти приходит Он.

Приходит Он на землю, чтобы спасти ее, но погибельная земля не сретает, не прославляет, даже не видит своего Спасителя. Даже Иудея, где ВЕДОМ БОГ (см.: Пс.72:1), и она не ведаёт, что *Бог явился во плоти* (1Тим.3:16) для спасения ее. А Иерусалим, град Божий (Пс.86:3)? И он не в радости со Христом, пришедшим спасти мир, но в смятении с Иродом, ищущим погубить Отроча.

Так не только умалил Себя, «во образе Божий Сын» и «равный Богу и Бог сый», но еще приял новый вид умаления от невежества и небрежения тех, из любви к которым Он умалил Себя.

Но что много говорить о безмерно великом умалении безмерно великого Спасителя нашего?

Конечный ум не может следовать за Ним, как в Его восхождении превыше всех небес, так и в Его нисхождении до бездн нашего падшего естества.

Чем же мы воздадим Ему за столь великое Его смирение, поднятое ради нас и нашего спасения?

Ничем иным, как соответствующим первообразному смирению Господа своим собственным смирением. Мы сами должны смириться и как бы облечься в ризу Божественного смирения. Мы из бездны небытия призваны к бытию и не имеем ничего собственного, кроме греха, и потому так естественно нам смирение! Бог творит из ничего и наше спасение. И доколе мы ходим и думаем быть чем-либо, до тех пор Он не начинает в нас Своего дела, которое есть дело нашего спасения.

Братия христиане! Не зависящими от нас обстоятельствами мы поставлены в условия жизни крайне для нас унижительные. Лишены мы Отечества, живем в бедности, а иногда и в нищете. В эти тяжелые мгновения нашей жизни вспомним, что первым прошел путь крайнего уничижения Сам Начальник нашего спасения Христос и Своим прохождением освятил этот путь. С этого времени путь уничижения есть воистину Божественный путь. Будем же терпеливо шествовать по нему вслед за Начальником нашего спасения. Ибо, по слову Апостола, *если мы с Ним терпим, то в свое время с Ним и царствовать будем* (2Тим.2:12). Аминь.

Слово в день Нового года

Для внимательного наблюдателя времен нет никакого сомнения в том, что мы живем во времена, близкие ко Второму пришествию Христа Спасителя на землю. Примечайте, как со дня на день умножаются знамения Его пришествия, Им Самим предуказанные и предназначенные: туга языков, глады и пагубы, и трусы по местам, множество соблазнов, предательство друг друга, умножение беззакония, иссекование любви. И не так давно мы были свидетелями событий, когда *восстал народ на народ, и царство на царство (Мф.24:7)*. И все сие, по слову Спасителя, есть *начало болезней (Мф.24:8)*, имеющих предшествовать кончине века сего. И то уже знамение, что многие дремлют, не обращая внимания на поразительные знамения времени! Ибо, по предреченным глаголам от святых пророков и апостолов наших, *придет же день Господень, как тать ночью (2Пет.3:10)*. Что же, спросит кто-нибудь, неужели живем мы столь близко к кончине века сего, что нам, русским людям, не будет уже радости увидеть Отечество наше великим и сильным? Ответ на этот естественный вопрос мы можем найти в таинственной книге Апокалипсис, или Откровение, о последних судьбах мира и человечества, при внимательном чтении некоторых страниц сей книги.

Я был в духе в день воскресный, – пишет о себе писатель сей книги святой Иоанн Богослов, – и слышал позади себя громкий голос, как бы трубный, который говорил: Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний (Апок.1:10). Взойди сюда, и покажу тебе, чему надлежит быть после сего (Апок.4:1). Следуя сему Божественному гласу, Тайновидец взошел на небеса, и пред ним открылось следующее величественное и таинственное видение: увидел Он Господа Саваофа, сидящего на Престоле. Пред Престолом Его море стеклянное, подобное кристаллу. А окрест Престола восседают на малых престолах двадцать четыре старца, облеченные в белые одежды, имеющие на главах своих золотые венцы. Сидящий на Престоле имел в деснице книгу, написанную внутри и отвне, запечатанную семью печатями. Неожиданно один из Ангелов провозгласил громким голосом: *Кто достоин раскрыть сию книгу и снять печати ее? (Апок.5:2)*. И никто ни на небе, ни на земле, ни под землей не мог ни раскрыть сию книгу, ни посмотреть в нее. Я много плакал, – говорит о себе Тайновидец, – о том, *(Апок.5:3–4)*. Тогда один из старцев сказал мне: *не плачь; вот, лев от колена Иудина, корень Давидов, победил, и может раскрыть сию книгу и снять семь печатей ее. И я взглянул, и*

вот, посреди престола... стоял Агнец как бы закланный... И Он пришел и взял книгу из десницы Сидящего на престоле (Апок.5:5–7) и стал снимать печати ее. Последовательно снял Он первые четыре печати, и по мере снятия сих печатей начали постигать землю несчастья, символически изображаемые у Тайновидца в виде таинственных всадников на конях белом, огненно-красном, черном и бледном. Первый всадник вышел как победоносный и чтобы победить. Второму дано взять мир с земли и чтобы люди убивали друг друга. Третьему поручено наказать человечество неравенством богатства и бедности. А о четвертом говорится: и вот, конь бледный, и на нем всадник, которому имя «смерть»; и ад следовал за ним; и дана ему власть над четвертою частью земли – умерщвлять мечом и голодом, и мором и зверями земными (Апок.6:8). А когда затем Агнец снял пятую печать, я увидел, – говорит Тайновидец, – под жертвенником души убиенных за слово Божье и за свидетельство об Агнце, которое они имели. И возопили они громким голосом, говоря: «доколе, Владыка Святой и Истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу? И даны были каждому из них одежды белые, и сказано им, чтобы они успокоились еще на малое время, пока и сотрудники их и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число» (Апок. 6:9–11).

Таково таинственное видение Тайновидца. Какое же научение мы можем извлечь из него для себя?

Можно не сомневаться, братья, в том, что мы живем во времена апокалипсические и переживаем события апокалипсические. В частности, сличение прежних и переживаемых нами бедствий с соответствующими изречениями евангельскими и апокалипсическими даст основание думать, что ныне сняты Агнцем уже четыре печати с книги, которую содержит в деснице Своей Сидящий на Престоле, виденный Тайновидцем. Не сотни, не тьмы, а тьмы тем братьев наших в великой войне и в последовавших за нею ужасах смуты и безначалия положили души свои за Слово Божье и за свидетельство об Агнце. Вот эти-то многочисленные сонмы убиенных за Слово Божье и за свидетельство об Агнце вопиют ныне к Престолу Божьему и взывают к правде Божьей об отмщении за содеянные сынами века сего преступления. И смотрите, какой ответ дает им на это усердное их моление Премудрость Божья. Она просит их успокоиться на малое время, пока и сотрудники их, и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число увенчанных мученическим венцом. Отсюда следует, что после всех ужасов войны и безначалия в мире все-таки дано будет успокоиться миру, хоть и на малое время. Но мир не может успокоиться без восстановленной и успокоенной России. Россия же не может

восстановится, доколе не будет низвергнута в ней власть тьмы и доколе не будет утверждена в ней власть законная и по праву человеческому, и по праву Божественного помазания. Следовательно, Россия, несомненно, восстановится, восстановится в ней и законная власть. Но это успокоение дано будет и русским людям, и прочим сынам века сего для того, чтобы готовились они к великой борьбе с антихристианством, во время которой и будет восполнено predetermined от времен вечных число мучеников, имеющих пострадать за Слово Божье и за свидетельство об Агнце.

Близок мир к нам, братия, но близок и конец мира сего. *Неправедный пусть еще делает неправду; нечистый пусть еще сквернится; праведный да творит правду еще, и святой да освящается еще. О, гряди скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его* (Апок.22:11–12).

Блаженны мы, если можем со своей стороны и сердцем, и устами от глубины души воззвать в ответ на это: *Ей, гряди, Господи Иисусе!* (Апок.22:20). Аминь.

Произнесено 1 января 1929 г.
в Варне, Болгария

Слово в Великий Пяток

Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную.

Ин.3:16

В общем смысле слова вся жизнь Христа Спасителя, снисшедшего на землю нас ради человек и нашего ради спасения, была крестом, и крестом весьма тяжким для Него, хотя и спасительным для нас. Кто измерит всемирный и целожизненный крест, понесенный Начальником нашего спасения? Кто извесит его тяжесть? Кто исчислит множество разнообразных крестов, из которых он, как из капель море, составляется? Не от Иерусалима только до Голгофы несен крест сей с помощью Симона Киринейского. Несен он и от Гефсимании до Иерусалима, и до Гефсимании от самого Вифлеема. Вся жизнь Начальника нашего спасения была единый крест, и никто не прикасался к бремени его, разве для отягчения его. Един Он истоптал, как выражается Пророк, точило ярости Божьей, и от язык не было мужа с Ним (см.: Ис.63:3). Долго носил Иисус крест Свой, как бы не чувствуя его тяжести, но, наконец, тяжесть сего креста сокрушает и Его в самом преддверии к Голгофе, в вертограде Гефсиманском. Уже не скрывает Он здесь тяжести креста Своего, сокрушающего душу Его: *душа Моя скорбит смертельно*, – говорит Божественный Страдалец ученикам Своим (Мф.26:38). И молитвенное собеседование с Единосущным Отцом не освобождает Его, а удерживает под тяжестью страданий: *Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты* (Мф.26:39). Носящий всяческая глаголом силы Своей имеет теперь Сам нужду в укреплении от Ангела (см.: Лк.22:43). Наше слово изнемогает, слушатели, чтобы провождать еще великого Страдальца от Гефсимании до Иерусалима и Голгофы, от внутреннего креста до внешнего. Но совершаемые ныне Церковью тайнодействия уже преднаписывали сей путь и сей последний крест. Он столь болезнен, что солнце не могло взирать на него, и столь тяжел, что земля потряслась под ним. Претерпел в чистейшей непорочности все мучения внутренние и внешние, тягчайшие и поноснейшие, и претерпел вместо награды за содеянные благодеяния страдания Всесвятому от пребеззаконных, Творцу от тварей, страдать от недостойных, неблагодарных, за самих виновников страдания, страдать для славы Божьей и быть оставленному Богом – какая неизмеримая бездна страдания! Боже наш, Боже наш, вскую оставил еси Возлюбленного

Твоего! Ей, Господи! Ты оставил Его в мале, дабы навеки не оставить нас, Тебя оставивших. Отныне Он воцаряется (см.: [Пс.96:1](#)), облачается в лепоту, препоясуетя силою и утверждает вселенную, да не подвижется. Вознесшись от земли крестом, Он простирает его на землю и вся привлекает к Себе на небо (см.: [Ин.12:32](#)).

Чем воздадим мы Тебе, Всеблагий Начальник нашего спасения, за вся, яже соделал еси нам?

Братия, *Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам Его* ([1Пет.2:21](#)). Мы согрешили, а Он пострадал за нас, ради нашего спасения, дабы и мы страдали за свои собственные грехи и чрез сие соделались общниками спасительных страданий Его. Есть мудрецы, которые думают, что вся наша жизнь должна заключаться в непрестанных развлечениях и удовольствиях. Кто они суть, как не враги Креста Христова, которые желают упразднить Крест Христов (см.: [1Кор.1:17](#))?

Если Один Христос есть и жизнь вечная, и путь к сей жизни (см.: [Ин.14:6](#)), то как могут они достигнуть жизни Христовой, не шествуя путем Его?

Можно ли членам Церкви, сего тела Христова, быть в покое и беспечности, когда Глава сего Тела, Сам Христос, и в язве, и в озлоблении? Можно ли членам забываться в шумных радостях, когда Глава объята болезнями смертными? Можно ли им упиваться из полной чаши мирских удовольствий, когда Она жаждет и вкушает оцет? Можно ли жить миру и плоти, когда Она предает дух Свой Богу?

О, человек, влекомый благодатью Господа твоего на небо, но погрязающий плотию в мире! Не отрицайся участвовать в страданиях Христовых на земле, да в свое время возрадуешься и восторжествуешь с Ним на небе! (см.: [1Пет.4:13](#)). Аминь.

Произнесено 20 апреля

1929 г. в Варне

Слово на Вознесение Господне и по поводу землетрясения, бывшего в Болгарии весной 1928 года

Когда Иисус Христос возносился на небо и Апостолы, хотя уже и предупрежденные о Его восхождении ко Отцу Своему, стояли с устремленными вслед Ему взорами, в изумлении от дивного события и в сетовании о разлучении с Божественным Учителем, тогда успокоить их посланы были Ангелы.

Что же делают сии небожители? Какое употребляют врачевство для уврачевания Апостолов от печали?

Как крепкое врачевство употребляют они для сей цели мысль о будущем явлении скрывшегося от апостольских взоров Господа: *Сей Иисус, вознесшийся от вас на небо, – говорят они Апостолам, – придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо (Деян.1:11)*. И как верно помогло Апостолам сие духовное ангельское врачевство! *Тогда они возвратились, – повествует Дееписатель (Деян.1:12) об Апостолах, – по вознесении Господнем в Иерусалим с великою радостью (Лк.24:52)*. Посему-то впоследствии и сами Апостолы, когда нужно было им укрепить слабых или облегчить страждущих христиан, всегда напоминали им о будущем славном пришествии Христа Спасителя, радостном для истинных и страшном для мнимых христиан.

Можно сказать, что мысль об ожидаемом явлении Христовом была в первоначальном христианстве всеобщим основанием, которым поддерживалось все здание христианства, и всеобщей силой, которой одушевлялось все тело его. Но так было, к сожалению, не всегда.

Всякий раз, как ослабевал в последующие века истинный дух первоначального христианства, меркла в сознании христиан и мысль о будущем славном пришествии Христовом. И человечество под влиянием сего пагубного помрачения духовного смысла, забывая заповедь Спасителя: *бодрствуйте (Мк.13:37), ожидая блаженного упования и явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа (Тит.2:13)*, погружалось в глубокий духовный сон. Забывая о горнем, небесном, начинало оно жить лишь земным (см.: *Кол.3:2*). *Не скоро придет господин мой, – говорит злой раб, – и начнет бить товарищей своих и есть и пить с пьяницами (Мф.24:48–49)*. *Жених замедлил (Мф.25:5)*, – думают юродивые девы и спят беспечно, между тем как последние капли елея догорают в лампадах их. «Замедлил Судия», – кричат ругатели Божественного Промысла: где обетование пришествия

Его? *Ибо с тех пор, как стали умирать отцы, от начала творения, все остается так же (2Пет.3:4) и в надежде на сие коснение или, лучше сказать, в отчаянии, начинают ходить по своим похотям: Станем есть и пить, ибо завтра умрем! (1Кор.15:32).*

Что же делает в сих случаях вечно Бодрствующий Святой? (см.: Дан.4:10).

Не вечно Духу моему быть пренебрегаемым (Быт.6:3), – говорит Он в Божественном совете Своем. И там, где бессильна, не по недостатку Божественной силы, а по отсутствию восприимлемости людей, любовь Божья, начинает вразумлять их глаголами гнева Божьего.

Так некогда возглаголал гневом Своим Господь с небес, когда водами всемирного потопа потопил все греховное человечество и омыл землю от человеческих беззаконий. Так возглаголал Он, когда огнем небесным попалил греховные города Содом и Гоморру. Так было и на Голгофе. Когда греховное человечество не поняло, Кого оно распинало, заговорила сама природа. *От шестого же часа тьма была по всей земле до часа девятого (Мф.27:45). И вот, завеса в храме раздралась надвое, сверху донизу; и земля потряслась; и камни расселись; и гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли (Мф.27:51–52).*

Так и ныне глаголет Господь вам, о братие, очевидно потому, что и вы стали глухи к гласу Божественной любви, вследствие того, что стали забывать о небе и думаете лишь о земном. Коснит Господь прийти, думаете и Вы в глубинах сердец Ваших.

Нет, лукавые рабы и рабыни, *не медлит Господь исполнением обетования, как некоторые почитают то медлением; но долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию (2Пет.3:9).* И кто знает, не наполнилась ли уже мера Его долготерпения? Примечайте, христиане, как со дня на день умножаются знамения Его пришествия, Им Самим предуказанные: туга языков, глады и пагубы, и трусы по местам, множество соблазнов, предательство друг друга, умножение беззакония, иссякновение любви (см.: Мф.24:3–33 и Лк.21:11–36). Не были ли и мы свидетелями единственной в своем роде великой всемирной брани, когда не в переносном, а в подлинном смысле слова восстал, по слову Спасителя, *народ на народ, и царство на царство (Мф.24:7)?* И то уже есть знамение близкого пришествия Судии Небесного, что так многие дремлют, не обращая внимания на поразительные знамения времени, ибо по преждереченным глаголам от святых Пророков и Апостолов, *придет же день Господень, как тать ночью (2Пет.3:10).* Ибо, когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда

внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнут (1Сол.5:3).

Хотим ли мы того или не хотим, но будет некогда время, когда услышим мы сей великий и страшный глас, который с высот небесных возгласит: *вот, жених идет (Мф.25:6)*. Се приближается Судия, се является Царь, се Бог всяческих грядет судити живых и мертвых! Тогда от гласа сего содрогнутся основания земли, и силы небесные подвижутся (см.: *Мф.24:29*). Соберутся лики Ангелов, Архангелов, Херувимы и Серафимы, и все многоочитые с крепостью и силой возгласят: *свят, свят, свят Господь Бог Вседержитель, Который был, есть и грядет (Апок.4:8)*! И всякая тварь на небе и на земле, и под землей с трепетом возопиет: *Благословен грядый во имя Господне!* И подобно страшной молнии воссияет и явится для суда над вселенной Великий и Славный Бог наш!

Святые по знамениям времен узнают это время. И кто имеет ум обращенным на дела житейские и любит земное, тому не может быть сие ясно, по слову преподобного Ефрема Сирина (Слово на Пришествие Господне). Почему таковых и наказывает Господь нарочитыми знамениями гнева Своего. И вас ныне, о христолюбцы, «*Призираяй на землю и Творяй ю трястися*» (*Пс.103:32*), – чрез приключившееся с вами землетрясение, пробуждает от сна греховного к духовному бодрствованию и ожиданию страшного и славного Его Второго пришествия. *Ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердец ваших (Евр.3:7–8)*.

Се, грядет с облаками, и узрит Его всякое око (Апок.1:7). Блажен, кто может от всего сердца сказать: *Ей, гряди, Господи Иисусе! (Апок.22:20)*. Аминь.

Слово в день Пятидесятницы

Пятидесятницу празднуем, и Духа пришествие
и предложение обещания, и надежды исполнение,
и таинство елико, яко велико же и честно.

Стихира

На сошествие Святого Духа мы должны смотреть не только как на чудо, прославившее Апостольскую Церковь, но и как на событие, существенно соединенное с делом нашего спасения. И настоящее торжество не есть простое воспоминание прошедшего, но продолжение апостольского приготовления к приятию Духа, непрестанно дышащего, *идеже хочет*. Мы молитвенно призываем Утешителя Духа Истины, да придет и вселится в нас, как некогда снизшел и почил на святых Апостолах. Но чтобы молитва наша была услышана, нам надобно знать, о чем же нам следует просить. Не осмелимся здесь говорить о Духе Святом как о Третьем Лице Святой Троицы, исходящем от Отца и почивающем в Сыне. Только Сам Дух Божий, испытующий *глубины Божьи* (1Кор.2:10), знает тайны Своего бытия и открывает Свои тайны достойным сего. Дух, посылаемый Сыном от Отца (см.: Ин.15:26) в спасительных дарах и действиях на душу человека, – вот предмет, единственно доступный для разумения нам, едва *имея начаток Духа* (Рим.8:23). Действие Духа Святого на душу человека таинственно и непостижимо, но оно действительно и ощутимо для тех, кто внимает себе. Оно подобно ветру, замечаемому в тех движениях, которые он производит, но не в тех, которые Его составляют. *Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа* (Ин.3:8).

Какие же суть примечательнейшие перемены, которые могут означить путь Духа Божьего в душе человеческой?

Бывают минуты, в которые и преданный миру и плоти человек пробуждается от очарования, в каком они держат его. Видит он ясно, что прошедшая жизнь его есть цепь заблуждений, слабостей, преступлений, измен Богу, что дела его естественно суть семя будущих казней и что самые добродетели его не устоят пред взором Вечного Судии. Видя все это, осуждает сам себя, трепещет всем существом своим и, будучи отчаян в самом себе, через это отчаяние влечется к упованию на Бога. Это расположение к покаянию – что есть иное, как не то «дыхание бурно», которое предвещает сошествие Святого Духа (см.: Деян.2:2)? Что, как не

тот страх Господень, среди которого мы во чреве приимем, как выражается Пророк, Духа спасения Божьего (см.: [Ис.26:18](#))? Блажен, кто с покорностью дает влечь себя сему стремлению Духа Божьего! Оно поведет его тесным путем (см.: [Мф.7:14](#)) самоотвержения, заставит его самого исторгать то, что прежде посеял, и разрушать то, что созидал, научит его страдать и радоваться в страданиях (см.: [Кол.1:24](#)), *распять плоть со страстями и похотями* ([Гал.5:24](#)), чтобы совершенно предать дух в руки Божьи. Мало-помалу бурное дыхание превращается в те кроткие неизглаголаные воздыхания, которыми Сам Дух о нас свидетельствует (см.: [Рим.8:26](#)), в тот живой глас, коим вопиет Он в сердцах наших: *Авва, Отче* ([Гал.4:6](#)), и тогда человек исполняет Христову заповедь о непрестанной молитве (см.: [Лк.18:1](#)), что при одних собственных силах было бы невозможно, и при его склонности к рассеянию, и по неведению предметов и образа истинной молитвы. С упражнением же в непрестанной молитве неразлучно соединяется духовное уединение, в котором христианин, войдя в клеть свою и затворив двери (см.: [Мф.6:6](#)), пребывает в ожидании *обещанного от Отца* ([Деян.1:4](#)). Он не вдается в развлечения, в коих миролюбцы, связанные суетными благоприличиями, редко возвращаются к себе, но *пленяет разум в послушание Христу* ([2Кор.10:5](#)) и все свои желания или устремляет горе, где живот его сокрыт со Христом в Боге ([Кол.3:3](#)), или упокаивает внутрь себя, где благодать должна открыть наконец Царствие Божье (см.: [Лк.17:21](#)). Если человек твердо решится всегда удерживать себя в этом состоянии внутренней молитвы, самособранности и самоотчуждения, то скоро *пустыня души его жаждущая расцветет как нарцисс* ([Ис.35:1](#)). И сквозь тлеющий покров ветхого человека постепенно будет просиявать в нем новый человек, созданный по Богу в правде и в преподобии истины (см.: [Кол.3:9](#)). И Дух святости дышать будет во всех его способностях и действиях.

Благодать превращает в бесценное сокровище все, к чему ни коснется в человеке, ей преданном. В уме его сияет дух премудрости духовной. Его волей движет дух свободы, чуждой порабощению страстям. В глубине сердца его почивает дух мира, *который превышает всякого ума* ([Флп.4:7](#)).

И что много говорить?!

Несравнимо ни с чем счастье быть сосудом, жилищем и орудием Духа Божьего! Подлинно это есть блаженство на земле небесное! Это есть таинство, в котором сокрывается все, чего ищет дух человеческий и о чем вся тварь совоздыхает и соболезнует (см.: [Рим.8:22](#)).

Но, *Господи! кто поверил слышанному от нас, и кому открылась мышца Господня?* ([Ис.53:1](#)). Мир не приемлет сего таинства.

Божественный дар Духа кажется ему редким явлением. Есть и между христианами люди, которым дары Святого Духа кажутся столь странными, что если не смеют совсем отвергнуть их, по крайней мере относят их к другим лицам и древним временам. И сами не помышляя о духовном возрождении, довольствуются или праздной надеждой на заслуги Ходатая Иисуса, или даже собственной честностью.

Нерадостное это предзнаменование!

Если люди не примечают действий Святого Духа, то или имеют очи и не видят, или в самом деле вопрос: *Но Сын Человеческий, придя, найдет ли веру на земле?* (Лк.18:8) – приближается к разрешению и самый мир находится при последнем издыхании. Вселенная знает, что случилось с нею тогда, когда изрек Бог: *не вечно Духу моему быть пренебрегаемым человеками сими, потому что они плоть* (Быт.6:3). Тогда не только незаконный род человеческий, но и тварь, повинувшаяся суете невольно, потребилась мстительными волнами водного потопа. Еще подобное прещение – и наступит огненный потоп суда последнего.

Но доколе Бог сохраняет бытие наше, христиане, и благоденствие Церкви Своей, до тех пор мы не можем сомневаться, что Дух Божий в ней пребывает. Так же, как при создании мира Он носился над водою (Быт.1:2), носится Он и ныне, при продолжающемся воссоздании человека над бездной расстроенного естества нашего, и животворящим осенением оплодотворяет его к благодатному возрождению.

Предадим же себя Его всесильному действию, приведем к Нему наши мысли и желания от смещения мира и плоти, воззовем из глубины отпадения нашего, да снидет на нас и Своею благодатью, ходатайством Искупителя нашего, нам приобретенного, очистит, просветит, обновит, освятит и спасет Благий души наша! Аминь.

Произнесено 10 июня 1929 г.

в Варне

Слово в день Пятидесятницы

В праздник Святой Троицы о чем приличнее говорить, как не о Самой Троице. Но учение о Святой Троице есть вершина христианского богословия. Посему не дерзаю я излагать сие учение своими собственными словами, а изложу его словами святых и богоносных богословов и Отцов Церкви: Афанасия Великого, Григория Богослова и Василия Великого. Мои – только уста, а их – слова и мысли. Они предлагают Божественную трапезу, а я только служитель их Божественного пиршества.

Что же вещают нам с высоты новозаветного Синая сии громогласные и боговещанные трубы вселенского богословия?

Бог всегда был, есть и будет, или, лучше сказать, всегда ЕСТЬ. Ибо слова: «был» и «будет» означают делание нашего времени и свойственны естеству преходящему, а СЫЙ – всегда. И сим именем именует Он Сам Себя, беседа с Моисеем на горе. *Я есмь Сущий (Исх.3:14)*, – говорит Он ему о Себе. Ибо сосредоточивает в Себе Самом всецелое бытие, которое не начиналось и не прекратится. Он есть море сущности беспредельное и бесконечное, простирающееся за пределы всякого представления о времени и естестве. Есть Свет невещественный, сколько же осиявающий владычественное в нас, то есть ум наш, если оно очищено, сколько быстрота молнии когда озаряет небо, осиявает чувственный взор наш. Постигается только одним чувственным умом, и то весьма неясно. Един есть Бог наш, но не одинок. Существует Он Единый в трех Озарениях, или Ипостасях: как Безначальное, Начало и Сущее с Началом. Имя Безначальному – Отец, Началу – Сын, Сущему с Началом – Дух Святой. Но хотя и Три в Нем Озарения, или Ипостаси, но Бог Один. Ибо естество в Трех Едино, и в Самой Святой Троице существует некоторое священное единоначалие. К Единому Безначальному Отцу, как к Своему Началу, возводятся Два Другие: Начало – Сын и Сущее с Началом – Дух Святой. Они и не сливаются с Ним, и не разделяются от Него. Но Божество в Разделенных неделимо, как в трех солнцах, которые заключены одно в другом, одно растворение света. Посему, когда имеем в мысли Божество и первую причину, или единоначалие, то есть Отца, тогда представляемое нами Одно. А когда имеем в мыслях Трех, в Которых Божество, Сущих от первой Причины, тогда поклоняемых Три. У нас Единица в Троице поклоняемая, и Троица во Единице возглавляемая. Вся достопоклоняемая, Вся Царственная, Единопрестольная, Сама только ведущая о Себе, какой порядок имеет Сама в Себе, а для нас – равно досточтимая, достойная

равного служения.

Сего достаточно для верующих. До сего простирается в людях ведение. Здесь предел того, что Херувимы закрывают крылами. А кто домогается и хочет исследовать паче сего, тот противится сказавшему: *не выставляй себя слишком мудрым (Еккл.7:17)*.

Но не вдруг открывает нам эту высочайшую тайну богословия о Себе Господь всяческих. Домостроитель нашего спасения, подобно глазу человека, выросшего в теле, вводит нас в великий свет истины после постепенного к нему приобучения, потому что щадит немощь нашу. Прежде чем дать нам возможность видеть самое Солнце, приобучает Он сперва в воде смотреть на Солнце, чтобы, приступив вдруг к видению чистого света, мы не омрачились.

Надлежало, чтобы Троичный Свет озарял просветленных нас постепенными прибавлениями в откровении, или, как говорит Давид, восхождениями (см.: Пс.83:6), или поступлениями от славы в славу. Небезопасно было прежде, нежели исповедано Божество Отца, ясно проповедовать Сына и, прежде нежели признан Сын (выражусь несколько смело), обременять нас проповедью о Духе Святом. Посему Ветхий Завет ясно проповедует Отца и не с такой ясностью – Сына. Новый открывает Сына и дает указание о Божестве Духа. Ныне же пребывает с нами Дух, даруя нам яснейшее о Нем познание.

После того как, погрузившийся в твари, не могли сносить неизданного Света, человек скрылся от Бога (см.: Быт.3:8), и Бог скрылся от человека, дабы не истребить преступника святым Своим присутствием. Но Он не совершенно оставил его. Напротив того, Единый Триипостасный, по неизреченной благодати, вновь приблизился к осужденному человеку в постепенных откровениях, да *благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любовь Бога Отца, и общение Святого Духа (2Кор.13:13)* восставит и паки превознесет падшего.

Явился Отец в обетованиях любви и милосердия и уstraшенного могущим правосудием грешника провождал к ходатайству Сына. Явился Сын под покровом человечества и, в Себе Самом победив грех и умертвив смерть, отверз благодати Святого Духа дверь к сынам гнева. Явился, наконец, Дух Святой в знамениях огненных языков и проникнул в Апостолах естество человеческое, дабы усвоить ему благоволение Отца и заслуги Сына и соделать, *да будем причастны Божественного естества (см.: 2Пет.1:4)*. В тот самый день, в который дан некогда на Синае ветхий закон рабства в боязнь смерти, в тот самый день исшел ныне от Сына новый закон Духа жизни, свободы, сыноположения (см.: Рим.8:15–21).

Не на одних Апостолов и не для них одних сошел Святой Дух, но через Апостолов и на всех, и для всех нас. Сошествие Святого Духа не есть только чудо, прославившее Апостольскую Церковь, но и событие, существенно сопряженное с делом нашего спасения. Настоящее торжество не есть простое воспоминание прошедшего, но и продолжение его. Есть как бы продолжающееся снисхождение на нас Святого Духа, непрестанно дышащего, *идеже хочет*.

Как некогда при первом создании мира Отец творил все чрез Сына Святым Духом (см.: Пс.32:6), так ныне при новом воссоздании бытия все новотворит и воссоздаст Он чрез Сына же и Святым Духом. И тогда и ныне представляй Трех, повелевающего Господа, созидающее Слово и утверждающего Духа. Отец предназначает, Сын творит, Дух совершает и в бытие, и в пакибытие. Дух Божий есть естество, окончательно совершающее Божьи дела.

Велико Имя Святой Троицы! Ею создан и на Ней утверждается как на своем основании весь мир, и чувственный, и духовный. Сим Именем и создан и воссоздан и ты, о христианин! Им запечатлен ты в Таинстве Крещения. Оно, как Божественная молния, ниспадшая с небес, сокрывается в глубинах твоего сердца, дабы освятить и разжечь твое очерневшее от греха естество. Внемли себе: горит ли в глубинах твоего сердца сей Божественный огонь, заключенный в Божественном имени Святой Троицы или, забвенный тобой, он уже угас от нерадения твоего? Если сей огонь угас, паки возжги его непрестанным призыванием имени Святой Троицы, непрестанно возглашая сердцем, а если можно, то и устами, сию малую по количеству слов, но не малую по заключающейся в ней силе молитву великого молитвенника Святой Троицы: «Упование мое Отец, прибежище мое Сын, покров мой Дух Святой, Троице Святая, слава Тебе!» Или сию общеупотребительную молитву: «Пресвятая Троице, помилуй нас; Господи, очисти грехи наша; Владыко, прости беззакония наша; Святыи, посети и исцели немощи наша, имене Твоего ради». Или, наконец, сию краткую всеобдержную молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешнаго!» Ибо хотя молитва непосредственно и обращена ко Второму Лицу Святой Троицы, однако в ней заключается сокровенное указание и на Таинство Святой Троицы, поелику Сын есть Сын Отца, а помилование нас, человеков, совершается благодатью Святого Духа. Аминь.

Слово в Неделю 4-ю по Пятидесятнице

Когда же настал вечер, к Нему привели многих бесноватых, и Он изгнал духов словом и исцелил всех больных

Мф.8:16

Такие слова присоединяет евангелист Матфей к своему повествованию в ныне читаемом Евангелии об исцелении расслабленного слуги капернаумского сотника. При чтении сих слов может кто-нибудь спросить: а существуют ли «бесноватые» в настоящее время, и если существуют, то возможно ли их исцеление?

На этот вопрос недоумевающим мы ответим не отвлеченными рассуждениями, а изложением того, что действительно произошло в наши не столь отдаленные времена и чему современниками и свидетелями мы сами были.

В 1909 году по всему Петербургу разнесся слух о том, что шестнадцатилетний юноша, Павел Ильин, одержимый каким-то необъяснимым для науки недугом, привезен был к Литургии в Иоанновский монастырь на Карповке. И здесь произошло с ним следующее. Во время Херувимской песни он вырвался из рук пятнадцати сильных мужчин, державших его, и затем по воздуху пронесся над народом к западным вратам храма, и у входа в храм упал без чувств. Бесчувственного его взяли и принесли к гробнице отца Иоанна Кронштадтского. Здесь больной на краткое время очнулся, а затем крепко заснул. Во время сна явился ему отец Иоанн, дал ему наставления, исповедал его и велел ему ехать в Валаамский монастырь. Что именно происходило во сне, больной, проснувшись, не хотел говорить. И если бы не отрывочные фразы, сказанные вслух во время сна: «Отец Иоанн, прости, помолись, исполню», – то возможно, что все это скрылось бы, но когда он услышал от окружающих эти слова и понял, что они знают о происшедшем, то все открыл.

Вот что произошло с ним. Он увидел отца Иоанна сидящим в кресле у своей гробницы. При этом отец Иоанн сказал: «Ты видишь меня в таком виде, в каком меня никто не видел. Служи по мне панихиды, как то установлено Церковью. Но великому Богу угодно меня прославить. Придет время, и мне служить будут молебны».

После этих слов отец Иоанн дунул на больного, благословил его и добавил: «В свое время я скажу тебе, что нужно будет делать тебе для полного исцеления». И, сказавши это, скрылся. Что же слышали в это

время окружавшие больного? Они видели, как он грыз зубами мраморную гробницу отца Иоанна и диким голосом кричал: «Выхожу, выхожу, о великий угодник и пророк Иоанн, но не совсем». Конечно, кричал это не он сам, а обитавший в нем демон. После этого Павел уже не так страдал от своей болезни, но еще не совсем выздоровел.

В этом же 1909 году он из Петербурга переехал в Выборг; с благословения архиепископа Финляндского записался в послушники Валаамского монастыря и поселился в архиерейском доме в городе Сердоболе (имение Хюмпеля). Он исполнял здесь послушание на огороде и прислуживал в качестве чтеца при церкви. Там жил он до октября месяца 1911 года. 19 октября того года, в день памяти преподобного Иоанна Рыльского и день ангела отца Иоанна Кронштадтского, Господь благословил явить новую милость Свою болящему Павлу чрез отца Иоанна, во исполнение обещания, данного ему последним при гробнице.

С ним произошло следующее. Вечером в этот день, после всенощного бдения, брат Павел читал акафист Божьей Матери и во время чтения акафиста пришел в состояние восхищения. Его духовному взору открылось дивное видение. Первоначально во славе явился отец Иоанн с преподобным Иоанном Рыльским, затем Павел Фивейский и Афанасий Афонский и множество других преподобных Отцов. Все они приветствовали друг друга радостными возгласами: «Радуйся, Иоанне! Радуйся, Павле! Радуйся, Афанасие!»... Наконец за ними явилась Сама Богоматерь в неопишуемой славе, при явлении Которой хор преподобных Отцов торжественно воспел: «Взбранной Воеводе победительная».

После этого отец Иоанн подошел к Павлу и сказал: «А теперь выйди из тела и душой последуй за нами». Весьма трудно было исполнить это повеление Павлу, но он исполнил его и последовал за преподобными Павлом Фивейским, Иоанном Рыльским и Иоанном Кронштадтским. «Они мне показывали, – говорил Павел, – первоначально райские обители и наслаждения, предназначенные для добродетельных, а затем мучения грешников.

Как слава и блаженство праведников, так и мучения грешников не поддаются описанию человеческим языком. Когда было все показано, отец Иоанн стал наставлять меня, как жить, и для получения окончательного исцеления повелел мне вновь войти в свое тело и отправиться в Оптину пустынь к отцу Варсонофию, оптинскому старцу, в сопровождении иеродиакона Валаамского монастыря Варсонофия». Старец уже был предупрежден о приезде больного с провожатым, принял больного Павла и dokonчил все, что было поручено ему исполнить от отца Иоанна

Кронштадтского. Он исповедал его и причастил, после чего и последовало окончательное исцеление больного.

До 1912 года исцеленный Павел, уже совершенно здоровый, жил в Сердоболе, в имении Хюмпеля, а затем призван был к отбыванию воинской повинности. В 1914 году участвовал в Великой войне. Жив ли он в настоящее время или погиб во время этой войны и последовавшей за ней революции, остается неизвестным. Но он через иеромонаха Валаамского монастыря Варсонофия, некогда сопровождавшего его в Оптину пустынь, переслал мне свои записки для обнародования их через десять лет после его исцеления. Из этих, написанных им собственноручно, записок видно как то, какой болел он болезнью, так и то, по какой причине болел он этой болезнью.

Из этих записок видно, что Павел во время пребывания своего в Москве, перед своим отправлением в Петербург, впал в тяжелую нужду. Нигде он не мог найти места для себя, и все близкие и знакомые отказались от него. Тяжелая нужда довела его до отчаяния; неоднократно приходила ему мысль о самоубийстве.

В одну из таких минут внезапно явился ему таинственный старец и сказал: «Я помогу тебе, если ты собственной кровью письменно удостоверишь, что будешь верен мне и здесь, на земле, и по смерти твоей!»

«Кто же ты такой, чтобы мне верить в тебя и тебе довериться?» – спросил Павел. «Я тот самый, которого не любит и ненавидит ваша Церковь», – ответил явившийся. – «Хорошо, я буду верен тебе!» – заявил ослепленный отчаянием Павел и дал требуемую подписку. «Ну а теперь ты должен сбросить со своей шеи лишнюю обузу», – сказал таинственный старец и указал при этом на крест. Юноша снял и крест и таким образом отрекся от Христа и предал душу свою диаволу. И за это отречение его от Христа вселился в него диавол, и с тех пор он стал одержим духом беснования.

От этого-то духа беснования и исцелил его отец Иоанн Кронштадтский, частью непосредственно, а отчасти через посредничество оптинского старца Варсонофия.

Из всего изложенного с достаточной очевидностью вытекает следующее заключение. Бесноватые, или одержимые нечистыми духами, существуют и в настоящее время, как некогда они существовали в древние времена. Духу беснования предаются люди за нечестивую жизнь и особенно за грехи богоотречения и богохульства. Но существуют и в настоящее время, как некогда существовали в древнее время, и

праведники, угодившие Богу, которые имеют силу и власть изгонять злых духов от одержимых ими.

Величайшим из таких чудотворцев последнего времени является отец Иоанн Кронштадтский, столетие со дня рождения которого будет праздноваться в настоящем году. Он настолько угодил Господу своею святой жизнью, что уже ныне числится в райских обителях в лике преподобных, наряду с Антонием Великим, Павлом Фивейским, Иоанном Рьльским. Великому Богу, как он сам сказал, в скором времени угодно будет прославить его на земле, как прославил Он его уже на небесах. И, таким образом, в скором времени мы будем иметь нового молитвенника и ходатая за нас на небесах. А глубокопоучительное повествование об отроке Павле, помимо своего непосредственного значения, имеет и глубокий символический смысл. Этот бесноватый отрок прообразует собой нашу несчастную и многострадальную Россию. И она, несчастная, как этот отрок Павел, предана духу беснования за свои грехи и за свое нечестие. Предана не по причине оставления ее Богом, а по причине особенной любви Его к ней. *Ибо Господь, кого любит, того наказывает; бьет же всякого сына, которого принимает (Евр.12:6)*, да спасется дух его (см.: 1Кор.5:5). Аминь.

Произнесено 8/21 июля 1929 года в Варне

Слово в Неделю 6-ю по Пятидесятнице

Народ же, увидев это, удивился и прославил Бога, давшего такую власть человекам

Мф.9:8

Евангелие в повествовании о исцелении расслабленного предлагает нашему вниманию не только самое событие исцеления, но и различные суждения о нем людей, которые были свидетелями исцеления. Принесли ко Иисусу расслабленного, положенного на одре. И когда Он, видя веру принесших, сказал расслабленному: *дерзай, чадо! прощаются тебе грехи твои (Мф.9:2)*, – некоторые из книжников сказали сами в себе: *Он богохульствует (Мф.9:3)*.

Вот оно, суждение о чуде!

А когда народ увидел чудо исцеления расслабленного, то, *видев это, удивился и прославил Бога, давшего такую власть человекам (Мф.9:8)*.

Вот другое суждение о чуде!

Он богохульствует – чье это суждение? Книжников, людей, которых по-нынешнему надлежало бы назвать образованными, просвещенными, учеными.

Какая неожиданность! Простой народ, хотя еще и не познает Бога в лице Иисуса, однако в Его чудесных действиях признает силу Божью и прославляет Бога. А люди образованные при виде тех же самых действий обвиняют Иисуса в богохулении.

Отчего это происходит?

Оттого, что народ, хотя и непросвещенный, искренно следовал внушению здравого смысла и доброй совести, а просвещенных ослепила гордость. Они не старались из существа дел Божьих почерпнуть истинное познание, но хотели своему мнимому знанию подчинить дела Божьи. Они воображали, будто Бог не должен и не может действовать иначе, как по законам, какие заблагорассудит Ему приписать мудрость иудейских книжников.

Думаете ли, братия, что этот несчастный пример не минет отношения к нам и нам не нужно извлекать из него для себя никакого назидания?

Если думаете так, то несправедливо.

Кто не любит света? Кто позавидует мраку?

Но что говорит Истина?

Был Свет истинный, Который просвещает (Ин.1:9). Следовательно, есть и ложный свет, который блещет поверхностно, а не просвещает

внутренно. Итак, не может ли случиться и с нами, как случилось некогда в Иудее, что прельщенные светом, блещущим поверхностно, не узнают и не примут света, просвещающего внутренно? Не могут ли встретиться и ныне люди, которые не называются – правда, и, вероятно, не пожелали бы назваться – книжниками, но которые над какою-нибудь темной книгой в тумане воображения увидав призрак истины, вследствие того почитают себя способными произносить суд над таинствами веры, над мудростью Церкви, над делами Провидения Божьего в роде человеческого? Что подобные опасения не излишни, удостоверяет нас апостольское слово. Не к иудейским книжникам, а к христианским мудрователям, следовательно и к нам, простирает Апостол увещание: *По данной мне благодати, всякому из вас говорю: не думайте о себе более, нежели должно думать; но думайте с благоговейно-разумной осторожностью, не выходя из пределов смиренномудрия, какое каждому Бог уделил (Рим.12:3).*

Что подобные опасения не излишни, свидетельствует и современная печальная действительность. Ведь не так давно от нас жило поколение «книжников», которые не только утратили веру в Бога, во Христа и в Церковь, но и старались доказать научно, что могут «вполне обойтись без них». Они призывали проклятие на все славное прошлое России, мечтали о всеобщем разгроме ее и думали на развалинах прошлого создать новое лучшее будущее. Мечты их, к сожалению, сбылись. На смену слабовольных мечтателей явились сильные, одержимые духом беснования, разрушители. Они действительно разрушили старое, но на развалинах его создали не Царствие Божье, а царство антихриста, в котором русские люди не блаженствуют, а жестоко мучаются под тяжким гнетом насилия, голода и нужды. И хочется по примеру Спасителя нашего сказать и этим «книжникам» и их ученикам-разрушителям, *с гневом, скорбя об ожесточении сердец их (Мк.3:5): Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры (Мф.23:13). Вы творите дела отца вашего (Ин.8:41), Ваш отец диавол; и вы хотите исполнять похоти отца вашего. Он был человекоубийца от начала и не устоял в истине, ибо нет в нем истины! (Ин.8:44).*

Страшны эти «книжники», но только для людей малодушных. Но есть иной род «книжников», не менее опасный, чем первый, для всех малоопытных и нетвердых в вере христиан. Они не знают ни Бога, ни Христа, ни Церкви и не задаются целью разрушить христианство, но только, как выражаются они, «обновить», «углубить», «очистить» его от случайных исторических наслоений и покровов. Они проповедуют новое, не церковное, а свое христианство, не христианство Христа, Божьей Силы

и Божьей Премудрости (см.: [1Кор.1:24](#)), а христианство какой-то «женственной премудрости», которой не знала история Православной Церкви.

Что сказать об этих «книжниках»?

Это *волки в одеждах овчих* (см.: [Мф.7:15](#)). *Они вышли от нас, но... не наши* ([1Ин.2:19](#)), хотя бы в уста свои они влагали Божественные глаголы. Точно так же проявил себя первоначально тот, кто искони сделался изобретателем клевет, – диавол, который, когда говорил с Евой, прежде скрыл себя под личиной, а потом обольстил ее. За ним и вместе с ним скрывают свой настоящий вид и все изобретатели лжеучений. Хотя они и читают Священное Писание, но нимало не обращают внимания на то, в каком виде и смысле преданы они святыми мужами и Отцами Церкви. Не так прияла, не так предала Божья **Церковь**, как учат они. Не церковное это учение! Основания нашей веры – определения Евангелия, проповедь Апостолов, свидетельство Пророков, учения Отцов, постановления Вселенских Соборов. Мы должны быть учениками их, а они должны быть нашими учителями, и только с ними необходимо должны мы согласоваться. Ибо только они имеют верное и всякого приятия достойное учение. Не от Отцов же заимствованное и ныне только изобретенное может ли быть чем иным, а не тем, о чем предсказал блаженный Павел: *в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям* ([1Тим.4:1](#)).

Христе Свете Истинный! Просвещай нас Твоим светом, вразумляй нас Твоим словом, руководи Твоею премудростью; дух смиренномудрия даруй нам, да низлагает он в нас всякое возношение, взимающееся на разум Божий (см.: [2Кор.10:4–5](#)), да познаем, как недостаточна и ненадежна мудрость мира, которая все легко судит и осуждает, но никого спасти не может. Тебе да исповедуем. Тебе да последуем, Твоим спасительным делам да дивимся, Тебе да прославляем, Христе, Божья Сила и Божья Премудрость!

Произнесено 22 июля 1929 г. в Варне

Слово в Неделю 8-ю по Пятидесятнице и на память Святых Отцов VI Вселенского Собора

Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божье, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их.

Евр. 13:7

В настоящий день, братия, Церковью празднуется память Святых Отцов первых шести Вселенских Соборов. По сему случаю думаю предложить вам слово о значении Святых Отцов и учителей Церкви для нас, христиан. В чем заключается их величие и чем обуславливается их особое значение для нас? Вот вопрос, на который предлежит дать нам ответ.

Церковь, братия, есть дом Бога живого, столп и утверждение истины (1Тим.3:15). Истина христианства хранится в ней в Священном Писании и Священном Предании; но она нуждается в правильном истолковании. Значение Святых Отцов и заключается в том, что они являются наиболее правоспособными хранителями и истолкователями сей истины по святости своей жизни, по глубокому знанию слова Божьего и по обилию обитавшей в них благодати Святого Духа. «Для исследования и истинного уразумения сказанного в Писании, – говорит святитель Афанасий Великий, – потребны хорошая жизнь, чистая душа и хриstopодражательная добродетель, чтобы ум, преуспев в этом, был в состоянии достигать желаемое и приобретать оное, в какой только мере естеству человеческому возможно познание о Божьем слове. Ибо без чистого ума и без подражания жизни святых никто не возможет уразуметь словеса святых. Кто пожелает видеть солнечный свет, тот, без сомнения, протрет и ясным сделает глаз свой, доведя себя почти до одинаковой чистоты с тем, что желает видеть, чтобы таким образом глаз сам стал светом и увидел солнечный свет. Так и желающему постигнуть мысль богословов должно предпочистить и убелить душу жизнью и уподоблением в делах своих приблизиться к ним, чтобы, ведя одинаковый с ними образ жизни, уразумевать и откровенное им Богом» («Слово о воплощении Бога Слова»).

«Конечно, нужна чистота в жизни для того, чтобы и для преуспевания в нравственной жизни распознаваемо было прикровенное в Писании», – говорит святитель Василий Великий. Но кроме чистоты жизни, нужно и продолжительное занятие Писанием, чтобы важность и таинственность Божьего слова через непрестанное поучение напечатлелась в душе. А что в

продолжение целой жизни требуется упражнение в Божьем слове, показывает жизнь Моисея, который в первое сорокалетие изучал египетскую мудрость, а второе сорокалетие, под видом пастушеской жизни удалившись в пустыню, упражнялся в созерцании Сущего и, таким образом уже после вторичного сорокалетия удостоившись Божьего явления, против воли призван человеколюбием Божиим к попечению о людях. И после того не оставался постоянно в деятельной жизни, но часто возвращался к жизни созерцательной. Таков же был и Илия; он бегал людской молвы и любил пребывать в пустынях. Посему если святые со всем постоянством владычественного в их душе трудились в изыскании истины, то не безрассудно ли желают воспользоваться плодами бесчисленных трудов без всякого усилия? Ибо заметь: после коликократных уединений, безмолвий и трудов удостоился Илия видеть Бога!» (Толк. на Книгу пророка Исаии, т. 11, с. 12–13).

«Никто не может войти в Богословие, – говорит святой Никита Стифат, – и сказать подобающее о Боге, как только Духом Святым. Божественное Писание постигается духовно, и сокрытые в нем сокровища только духовным открываются Духом Святым. Душевный же человек откровения их приять не может (см.: 1Кор.2:13–14). Богом присуждено, чтобы из рода в род не прекращалось уготование Духом Святым пророков Его и друзей для благоустроения Церкви Его. Ибо, если змий древний не перестает изрыгать яд греха в уши людей на пагубу душ, то Создавший наедине сердца наши не воздвигнет ли убога, посылая в помощь наследию Своему меч духовный, иже есть глагол Божий. Достоин убо те, кои отвергаются себя, начиная смирением востекать на высоту ведения, и дастся им свыше силой Божьей слово премудрости, яко благовествующим спасение Церкви Его» (см.: Пс.67:12).

«Да ведают все христиане, – говорит Симеон Новый Богослов, – что Христос есть неложнейший истинный Бог, и воистину, по обетованию Своему, является любящим Его и исполняющим заповеди Его, и вместе с явлением Своим дарует им Духа Святого, и вновь чрез Духа Святого пребывает с ними и Отец и Сын. Такие мужи-духоносцы, когда говорят, не сами от себя говорят, но от Святого Духа» (Слово 63, пар. 6).

Некогда самому святому Симеону Новому Богослову явился таинственно Дух Святой, и спрошенный, как он Его видел и в каком образе, Святой Отец сказал: простым и безвидным, однако же как свет. «И когда я увидел то, чего никогда не видел, удивился сначала и сам в себе рассуждал, что бы это было такое. Тогда он таинственно, но внятным голосом сказал мне: Я так нисхожу на всех Пророков, и Апостолов, и на

нынешних избранников Божьих и святых, ибо Я есть Святой Дух Божий» (Деятельные и богословские главы, гл. 184).

Итак, через Святых Отцов Церкви глаголет Сам Дух Святой, по неложному свидетельству Его Самого, и этим обуславливается великое значение их для нас, христиан.

А каким сокровищем для всех любителей истинного христианского ведения являются они, пусть об этом расскажет нам искренняя и откровенная исповедь одного из знаменитейших наших подвижников – святителя Игнатия, великого проповедника покаяния.

«Еще когда я учился, – говорит он, – не до веселий, не до развлечений было мне! Мир не представлял мне ничего приманчивого. Мой ум был весь погружен в науки и вместе горел желанием узнать, где кроется истинная вера, где кроется истинное учение о ней, чуждое заблуждений и догматических, и нравственных. Между тем предстали взорам моим уже грани знаний человеческих в высших, окончательных науках. Пришедши к граням этим, я спрашивал у наук: «Что вы даете в собственность человеку? Человек вечен, и собственность его должна быть вечна. Покажите мне эту вечную собственность, это богатство вечное, которое я мог бы взять с собой за пределы гроба! Доселе я вижу только знание, оканчивающееся землею, не могущее существовать по разлучении души с телом!» Науки молчали.

За удовлетворительным ответом, за ответом существенно нужным, жизненным, обращаюсь к вере. Но где ты скрываешься, вера истинная и святая? Я не мог признать тебя в фанатизме, который не был запечатлен Евангельской кротостью; он дышал разгорячением и превозношением! Я не мог признать тебя в учении своевольном, отделяющемся от Церкви, составляющем свою новую систему, суетно и кичливо провозглашающую обретение новой, истинной веры христианской через восемнадцать столетий по воплощении Бога Слова! О, в каком тяжком недоумении пребывала душа моя! Как она томилась ужасно! Какие на нее восставали волны сомнений, рождавшиеся от недоверчивости к себе, от недоверчивости ко всему, что шумело, вопияло вокруг меня от незнания, неведения истины!

И начал я часто, со слезами умолять Бога, чтобы Он не предал меня в жертву заблуждения, чтобы указал мне правый путь, по которому я мог бы направить к Нему невидимое шествие умом и сердцем. И се чудо! Внезапно предстает мне мысль: сердце к ней, как в объятия друга. Эта мысль внушала изучать веру в источниках – в писаниях Святых Отцов! «Их святость, – говорила она мне, – ручается за их верность: их избери

себе в руководители». Повинуюсь. Нахожу способ получить сочинения святых угодников Божьих, с жаждой начинаю читать их, глубоко исследовать. Прочитав одних, берусь за других, читаю, перечитываю, изучаю. Что прежде всего поразило меня в писаниях Отцов Православной Церкви? Это их согласие чудное, величественное. Восемнадцать веков в устах их свидетельствуют единогласно «единое» учение Божественное!

Когда в осеннюю ясную ночь гляжу я на чистое небо, усеянное бесчисленными звездами столь различных размеров, испускающими единый свет, тогда говорю себе: таковы писания Отцов! Когда в летний день гляжу на обширное море, покрытое множеством различных судов с их распущенными парусами, подобными белым лебединым крыльям, судов, бегущих под одним ветром, к одной цели, к одной пристани, тогда говорю себе: таковы писания Отцов! Когда слышу стройный многочисленный хор, в котором различные голоса в созвучной гармонии поют единую Божественную песнь, тогда говорю себе: таковы писания Отцов!

Какое, между прочим, учение нахожу в них? Нахожу учение, повторенное всеми Отцами, учение, что единственный путь ко спасению – последование неуклонное наставлениям Святых Отцов. «Видел ли ты, – говорят они, – кого прельщенного лжеучением, погибшего от неправильного избрания подвигов, – знай: он последовал себе, своему разуму, своим мнениям, а не учению Отцов, из которого составляется догматическое и нравственное Предание Церкви».

Мысль эта послана Богом, от Которого всякое даяние благо, от Которого и мысль благая – начало всякого блага. Мысль эта была для меня первым пристанищем в стране истины. Здесь душа моя нашла отдохновение от волнения и ветров. Мысль благая и спасительная! Эта мысль соделалась краеугольным камнем для созидания души моей! Мысль – дар бесценный всеблагото Бога, хотящего всем человекам спастись и прийти в сознание истины! Эта мысль соделалась моей звездой-путеводительницей! Она начала постоянно освещать для меня многотрудный и многоскорбный, тесный, невидимый путь ума и сердца к Богу» (т. I, с. 554–579).

Да будет, братия, эта благая мысль путеводной и вашей звездой во дни вашего земного странствования по волнам житейского моря! Аминь.

Произнесено в 1928 г. в Варне

Слово в день Рождества святого Иоанна Предтечи

Если мир вас ненавидит, знайте,
что Меня прежде вас возненавидел

Ин.15:18

Не только жизнь празднуемого ныне святого Иоанна Предтечи, но и вся история христианства самым убедительным образом доказывает справедливость этих слов нашего Спасителя. Как только появилось христианство в мире, оно было встречено ненавистью мира – сначала иудейского, а потом и языческого.

Верность свою Христу первые христиане запечатлели кровью многочисленных мучеников. На почве, обильно обогренив кровью мучеников, воздвигнуто было величественное здание первого христианства. Потом мир иудейский и языческий был побежден, но не уничтожен. Он продолжал существовать и в недрах самого христианства, хотя и в преображенном виде. Если хотите убедиться в справедливости сказанного, посмотрите в летописи христианства. Кто так часто среди христианства возбуждал вражды, раздоры, смятения, преследования нередко лучших из христиан, силился угашать светильники веры? Кто наполнил христианство мучениками, пострадавшими от людей, которых также называли христианами? Кто жизнь Афанасия Великого превратил в странничества изгнанника? Кто не оставлял спокойного дня в жизни Василия Великого и Григория Богослова? Кто заточил Златоуста? Кто был причиной того, что многие святые убегали от христианских городов и находили себя в большей безопасности в пустыне между зверями? Не мир ли, хотя и побежденный в свое время силой веры Христовой (см.: 1Ин.5:4), но не уничтоженный и еще продолжавший жить в недрах самого христианства и ненавидеть тех, которые действительно Христовы суть, а не именем только или, но крайней мере, деятельно старающиеся быть таковыми.

И чем ближе поспешает к своему концу течение мировой жизни, тем с большей силой проявляется ненависть мира к истинным последователям Христовым. На заре новой истории не эта ли ненависть мира ко Христу и к истинному христианству залила кровью почти все страны Запада, в которых во имя мнимой и призрачной свободы гражданской подавлялась истинная свобода христианская? А в самое последнее время не эта ли ненависть мира ко Христу и к христианам разрушила единственное в своем роде христианское государство – Русское – и залила кровью

обширные равнины земли Русской? И не мы ли, изгнанники рассеяния, являемся жертвами этой ненависти мира к нашей Родине?

Но хотя мы и сделали жертвами ненависти мира сего, не будем самообольщаться. Не будем думать, что уже по одному тому мы сами совершенно чужды духа этого мира и его ненависти ко всему христианскому! Если не проявляется он в грубом виде чистого антихристианства, то не существует ли в более тонком, преображенном виде? Наблюдение над жизнью мира, к сожалению, показывает, что в этом виде мир действительно существует и среди нас. В самом деле.

Если бы кто из нас, по своему положению в обществе находящийся на виду мира, совершенно предавшись влечению христианского духа, решил отвергнуть всякие зрелища, увеселения, развлечения, расточать имения только на бедных, прилепляться исключительно к храму Божьему, не станет ли мир сего своего беглеца преследовать уязвляющими взорами? Не направит ли на него стрелы своего остроумия? Не найдутся ли люди, которые усомнятся даже в здравомыслии такого человека только потому, что он не применяется к миру и его нездоровым понятиям и неправым правилам? Не трудно христианскому благоразумию осудить искусство, награжденное некогда в лице Иродиады усеченной главой проповедника покаяния и целомудрия и уже по одному этому воспоминанию неприятное для размышляющего христианина. Почему же на поприще этого искусства так часто идут христиане и христианки? Не к осуждению, а к извинению многих из них можем полагать, что это делается ими не столько по любви к этому искусству, сколько по опасению, чтобы мир не наказал их презрением за презрение к законам мира.

Христианин! Не бойся ненависти мира к тебе, в чем бы она ни проявлялась. Стрелы мира, направленные против тебя, суть подлинно, по выражению Псалмопевца, *стрелы младенец* (Пс.63:8). Эти стрелы могут уязвить только немощствующего в вере и никогда не могут нанести вреда твердому христианину, облеченному в ум Христов. Бойся другого! Бойся сделаться рабом мира! Бойся того, как бы, страшась быть отверженным миром, не дойти тебе до того, что будешь отвержен Богом. Ибо по словам Спасителя, *никто не может служить двум господам* (Мф.6:24). И *дружба с миром*, – по слову Апостола, – *есть вражда против Бога* (Иак.4:4). Аминь.

Произнесено 24 июня 1923 г. в Варне

Слово в день святых первоверховных апостолов Петра и Павла

Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божье
Деян.14:22

Вот что и словом, и делом в продолжении всей своей земной жизни непрестанно проповедовали святые апостолы и ныне проповедуют нам. Апостолы не говорят: многими познаниями подобает внити в Царствие. Видно, многие познания полезны, но не совсем необходимы для достижения Царствия Божьего. В самом деле, мытарь достиг оправдания, а следовательно и близкой надежды Царствия Божьего, не многими познаниями, но многим смирением, не высокими созерцаниями, но очень простой молитвой: *Боже! будь милостив ко мне грешнику!* (Лк.18:13). Не говорят: многим временем подобает внити в Царствие Божье. Видно, продолжительность времени не есть необходимое условие приближения к Царствию Небесному. В самом деле, разбойник на кресте в несколько часов, а может быть, в несколько минут совершил путь от врат адовых до дверей Рая. Не говорят: многими трудами и подвигами подобает внити в Царствие Божье, хотя, по слову Самого Иисуса Христа, *Царствие Небесное силою берется* (Мф.11:12). Видно, успех усилий, которыми приобретается Царствие Небесное, не всегда определяется тягостью трудов и числом подвигов. Перстень сына Царствия дан блудному сыну скорее, нежели он окончил труд договорить покаянную речь оскорбленному отцу. Он едва успел изобразить свое недостойнство: *отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже недостойн называться сыном твоим* (Лк.15:21), а не успел еще принести просьбы, как ему было даровано более, нежели он смел желать и надеяться.

Не многими познаниями, не многим временем, не многими трудами, но, говорят апостолы, *многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие* (Деян.14:22). Что это учение относится не к первенствующим только, преследуемым от иудеев и язычников христианам, но есть всеобщее и обязательное для всех христиан, в этом не трудно удостовериться из наставлений Самого Иисуса Христа. *Кто хочет идти за Мною, – говорит Он, – отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною* (Мк.8:34). Как ни смягчайте значение этих слов Господних, во всяком случае, ими предрекаются последователю Христову многие скорби. Если ты возьмешь крест и пойдешь за Христом, то куда ты придешь? Очевидно, туда, куда шел, взяв крест, Он Сам, следовательно, на

Голгофу, на страдания, на распятие. Святой апостол Петр учит: *Итак, как Христос, пострадал за нас плотию, то и вы вооружитесь тою же мыслью (1Пет.4:1)*. Подлинно, мысль о страдании Христовом за нас одна может быть достаточна для того, чтобы примирить нас со всякой скорбью и страданием ради Христа и Его Царствия. Если Христос, не сотворивший греха, пострадал, можно ли нам, грешникам, роптать на страдания? Если Христос пострадал за нас, какая была бы неблагодарность не хотеть принять скорбь ради Его и Его заповеди? Если должно было, сообразно с премудростью, праведной и благой судьбой Божьей, *пострадать Христу и войти в славу Свою (Лк.24:26)*, и это нужно было ради нас, как не поверить, что и нам подобает, сообразно с примером нашего Подвигоположника, многими скорбями внити в Царствие Божье? Но если кому недостаточно просто верить, а нужно притом удостовериться и рассуждением в потребности скорбей для нашего спасения, то и этот способ наставления имеем мы также в словах святого апостола Павла: *страдающий плотию перестает грешить, чтобы остальное во плоти время жить уже не по человеческим похотям, но по воле Божьей (1Пет.4:1–2)*. Удивительно это рассуждение Апостола. Оно подает случай к вопросу: неужели человек не может перестать грешить, не пострадав плотью, тогда как он имеет свободу избирать лучшее и сверх того имеет помощь к добру в благодати Божьей? Дело, о котором говорит нам Апостол, братия христиане, он, конечно, лучше нас знает и как богопросвещенный Апостол, и как опытный подвижник, который уже немало шел путем страданий, когда указывал сей путь христианам. И, конечно, его Божественное просвещение и его страдальческие опыты показали ему причину, по которой христианин должен поставлять себя в готовности к страданиям: *ибо страдающий плотию перестает грешить*.

В самом деле, грех, который человеком допущен, пробил себе дорогу в его сердце и в его существо. Если он усилиями свободной воли при помощи благодати изгоняет его, по пробитой дороге он силится возвратиться. По следам прежних греховных впечатлений вновь идут страстные и греховные движения, возбуждаемые воспоминаниями и присутствием искушающих предметов и привычкой.

Что же надо делать, дабы решительно освободить себя от греха?

Не только изгнать его, но и пробитую им дорогу заградить, разрушить, истребить. Надобно глубоко взрыть землю сердца, чтобы уничтожить следы греховного услаждения, чтобы истребить глубоко проникшие тонкие корни греха. Надобно с огнем пройти по стезям внутренних чувств, чтобы очистить их от остатков греховных

впечатлений. Следовательно, надобны скорби и страдания, дабы *страдающий плотию перестает грешить*.

Много скорбей у праведного (Пс.33:20), – говорит Псалмопевец. *Лишени, скорбяще, озлоблени (Евр.11:37)* – сими чертами описал Апостол ветхозаветных подвижников веры, не заботясь называть их по имени. Так находил он черты сии общими и обыкновенными! Если бы надлежало изобразить жизнь и новозаветных подвижников веры – апостолов, мучеников, преподобных, опять годились бы те же черты: *лишени, скорбяще, озлоблени*. Не сими ли же чертами ознаменован образ и вашей жизни, первоверховнии апостолы Петре и Павле?

...Хвалимся и скорбями (Рим.5:3), – говорит о себе Апостол. От нас, может быть, еще рано сего требовать. Исполняется ли в нас хотя другое, меньшее слово апостольское: *в скорби будьте терпеливы, в молитве постоянны (Рим.12:12)*? Скорби, которыми по судьбам Божиим посещаемся, приемлем ли с терпением, и когда изнемогает терпение, подкрепляем ли его молитвой?

При всех обстоятельствах нашей жизни одно должно быть несомненным для нас: кто не подвергает себя добровольно очистительной работе внутренней, скорби покаяния и самоукорения, внешних скорбей не приемлет с терпением и смирением, тот еще не на пути, который указывает Священное Писание к Царствию Божьему: *Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие (Деян.14:22)*. Аминь.

Произнесено 29 июня 1929 г. в Варне

Слово в день святых первоверховных апостолов Петра и Павла

И Я говорю тебе: ты – Петр (камень), и на сем камне
Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее.

Мф.16:18

В сих словах Божественного основателя Церкви заключается краткое, но весьма глубокое учение о непоколебимости Церкви Христовой до скончания века. Нам необходимо рассмотреть, в чем состоит сия непоколебимость Церкви, на чем она основывается и каким образом можем сделаться причастниками мы, отдельные ее члены.

На вопрос: каким образом Церковь Христова непоколебима и неразрушима, когда некоторые Церкви очевидно поколебались и разрушились? – Православная Восточная Кафолическая Церковь отвечает: Церковь Христова непоколебима в своем вселенском единстве. Не то это означает, что никакая часть, большая или меньшая, не могла отпасть от сего единства, но то, что, несмотря на отпадение иногда некоторых частей, всегда остается единая, Святая, Соборная и Апостольская Церковь, сохраняющая чистое исповедание веры и учение жизни, неповрежденное Священное Писание и Священное Предание и непрерывное преемство Священноначалия и Таинств.

Обуславливается сия непоколебимость Вселенской Церкви тем, что основана она по благоволению Отца Небесного чрез Святого Духа Самим Иисусом Христом, Который является и подлинным основанием и главой Церкви. А сия последняя есть тело Его, оживляемое Духом Святым. Апостол Павел пишет: *никто не может положить другого основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос (1Кор.3:11)*. В сих словах Апостол не только признает Иисуса Христа первоначальником и незыблемым основателем Церкви, но и отрицает возможность другого подобного основания. Посему апостол Петр, к которому первоначально были обращены Спасителем слова об основании Церкви, не может быть первоначальным основанием Церкви. Он может и должен быть признан лишь вторичным основанием ее, на Христе утвержденном и во Христе только непоколебимом. Да и в сем последнем смысле он является таковым не единично, а наряду с другими апостолами, существу краеугольному Самому Иисусу Христу, хотя и первым. Так учит о сем святой апостол Павел, и истинность его понимания подтверждает тайновидец Иоанн Богослов. Сей последний, описывая представившееся ему в духовном

видении величественное здание небесного града Церкви Вселенской, свидетельствует, что *стена сего града имеет оснований дванадцать и на них имен дванадцать апостолов (Апок.21:14)*, а не одного апостола Петра. Итак, первым и главным основанием Церкви является Сам Христос Спаситель, и этим обуславливается ее непоколебимость.

Отсюда, наконец, становится ясным и то, каким образом соделываемся причастниками непоколебимости Церкви мы, отдельные ее члены.

Церковь непоколебима во Христе потому, что Христос есть не просто человек, а Богочеловек. В нем человечество ипостасно соединено и, так сказать, помазано Божеством и через сие соединение соделалось непоколебимым; ибо само по себе непоколебимо только Божество. Посему и нам, если хотим сделаться причастниками сей Божественной непоколебимости Основателя Церкви, необходимо с Ним благодатно соединиться. А сие возможно лишь чрез полное в вере и жизни послушание Матери нашей Церкви, которая, по слову Апостола, есть *дом Бога живого, столп и утверждение истины (1Тим.3:15)*. «Апостолы, – говорит святитель Иринеи Лионский, – в Церковь, как в сокровищницу, вполне вложили все, что относится к истине, так что всякий желающий берет из нее питье жизни» (Святитель Иринеи Лионский. Против ересей. Кн. 3, гл. 4, пар. 1). И все в ней истинно: заключено ли оно в Писании или хранится в виде ненаписанного Предания. «Из догматов и проповедей, соблюденных в Церкви, – говорит святитель Василий Великий, – иные имеем в учении, изложенном в Писании, а другие, дошедшие до нас от апостольского Предания, прияли мы в тайне. Но те и другие имеют одинаковую силу для благочестия. И никто не оспаривает последних, если хотя несколько сведущ он в церковных постановлениях.

Ибо, если бы вздумали мы отвергать неизложенные в Писании обычаи как не имеющие большой силы, то неприметным для себя образом исказили бы самое главное в Евангелии, лучше же сказать, обратили бы проповедь в пустое имя» (Святитель Василий Великий. Книга о Святом Духе, ко святому Амфилохию, епископу Иконийскому. Гл. 27).

На верности апостольскому Преданию, писанному и неписанному, утверждается истинность и Вселенских Соборов. «Мы неприкосновенно сохраняем все церковные предания, – свидетельствуют Отцы VII Вселенского Собора в деяниях сего Собора. – Мы следуем древнему законоположению Кафолической Церкви. Мы сохраняем определения Отцов. Прибавляющих что-либо к учению Кафолической Церкви или убавляющих от него мы предаем анафеме. Кто унижает какое-либо

предание церковное, писанное ли то или неписанное, тому анафема» (Деяния Вселенских Соборов. Т. 7, с. 284, 293–294).

Однажды состоявшиеся определения Церкви по решенным уже догматическим вопросам воспрещалось подвергать вторичному рассмотрению и перерешению. «Умоляю вашу святость, – писал Отцам III Вселенского Собора Карфагенский епископ Капреол, – умоляю, чтобы вы, при содействии Святого Духа, Который, как я не сомневаюсь, будет в сердцах ваших при всех ваших действиях, силою древнего Предания поражали новые и доселе неслыханные учения, не касаясь тех, которые уже прежде отвергла Церковь, дабы под предлогом вторичного исследования не возобновлять того, что уже прежде отвергнуто. Ибо, если кто станет подвергать новому исследованию предметы уже решенные, о том по справедливости должно сказать, что он не иное что делает, как сам сомневается в той вере, которая доселе имела силу». «Таково мнение всех нас; мы все говорим то же!» – в ответ на сие заявление Карфагенского епископа воскликнули Отцы III Вселенского Собора (Деяния Вселенских Соборов. Т. 1, с. 230).

Так учит нас Кафолическая Церковь. Слышим ли мы голос ее и слушаемся ли его? Отвечу на сие словами святителя Григория Богослова: «...процветали и прекрасно текли некогда наши дела. Тогда во двory Божьи не имело доступа это излишнее сладкоречивое и ухищренное (как видим ныне) богословствование. Напротив того, сказать или услышать о Боге что-нибудь новое и удовлетворяющее одному любопытству значило то же, что играть в камни и скоростью их перекидывания обманывать зрение или забавлять зрителей разнообразными и женоподобными движениями тела. Простота и благородство слова почитались благочестием. Но после того как философия и охота к словопрениям, подобно какой-то тяжелой и злокачественной болезни, вторглись в наши церкви, пустословие стали почитать ученостью и, как в книге Деяний говорится об афинянах, мы *ни в чем охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое* (Деян.17:21). С сего времени какой Иеремия, один умеющий составить плач, равномерный страданиям, оплачет наш позор и омрачение!» (Святитель Григорий Богослов. Слово 21. Гл. 2, с. 15). Дерзновенно перерассматриваются давно определенные Церковью учения и не менее дерзновенно провозглашаются совершенно новые! У нас «всякий богослов, хотя и тысячи пятен лежат у него на душе» (Святитель Василий Великий. Книга о Святом Духе. Т. 3, с. 287). Забывают наши новые богословы, что «никто не может войти в богословие и сказать подобающее о Боге, как только Духом Святым»

(Преподобный Никита Стифат. Третья сотница. Пар. 85). «Ибо Божественное Писание постигается духовно, и сокрытые в нем сокровища только духовным открываются Духом Святым. Душевный же человек откровений приять не может (см.: 1Кор.2:13–14)». (Там же, пар. 78).

Вот почему и нет мира у нас. Все расстроилось у нас и еще более приходит в расстройство. И печалюсь сему, но и радуюсь. Печалюсь потому, что нет мира у нас. Но и радуюсь, что он будет! «Величайшее благо есть мир. Он прекрасен и делом, и именем. Он Божий (см.: Флп.4:7); Бог есть его Бог (см.: 2Кор.13:11), и Сам Бог им именуется (см.: Еф.2:14)» (Святитель Григорий Богослов. Слово 23, т. 2, с. 186). «Однако не всяким миром надобно дорожить. Ибо есть прекрасное разногласие и самое пагубное единомыслие. Но должно любить (только) добрый мир, имеющий добрую цель и соединяющий с Богом. Когда же идет дело о явном нечестии, тогда должно скорее идти на огонь и меч, не смотреть на требования времени и властителей (дерзну сказать, не только мирских, но и духовных) и вообще на все, нежели приобщаться лукавого кваса и прилагаться к зараженным. Всего страшнее – бояться чего-либо более, нежели Бога, и по сей боязни служителю истины стать предателем учения веры и истины!» (Там же. Слово 6, т. 1, с. 192–193).

Почему же уверен я, что и добрый мир, наконец, у нас будет? «Богом присуждено, братия, чтобы из рода в род не прекращалось уставление Духом Святым пророков Его и друзей для благоустроения Церкви Его. Ибо, если змий древний не перестает изрыгать яд греха в уши людей на пагубу душ, то *создавый на едине сердца наши (Пс.32:15) не воздвигнет ли убога* (см.: Пс.112:7), посылая в помощь наследию Своему меч духовный, *иже есть глагол Божий* (см.: Еф.6:17)?» (Преподобный Никита Стифат. Третья сотница. Пар. 34). Ей, воздвигнет!

Яко чада послушания, с усердием и любовью будем, братия, принимать от уст Матери нашей Православной Церкви чистое учение веры и жизни, истинное благодатное освящение и верное руководство к жизни вечной. И будем бегать всякого рода лжеучителей, этих «аравийских, как выражается Святитель Афанасий Великий, – волков» (Святитель Афанасий Великий. Беседы на Евангелие от Матфея. Мф. 7:15–16, т. 4, с. 437–438). Аминь.

Произнесено 29 июня 1928 г. в Варне

Слово в день Преображения Господня

Взошел Он на гору помолиться. И когда молился, вид лица Его изменился, и одежда Его сделалась белою, блистающею.

Лк.9:28–29

Еще задолго до создания мира во времени, в предвечном совете Божественном было предвидено грехопадение рода человеческого. А потому вместе с Сотворением мира и человека было предопределено и спасение человека посредством искупительных страданий Богочеловека. Когда же наступила предопределенная полнота времен, Сын Божий действительно и воплотился, и пострадал за род человеческий. Но чтобы эти страдания не только были совершены, но и должным образом восприняты, сначала учениками, а затем и всем человечеством, Спаситель во время земной Своей жизни постепенно приготавливал Своих избранных учеников, а через них и все человечество, к должному восприятию сих страданий. Для сего Он многократно молился о Своих страданиях Своему Отцу Небесному и для сего многократно беседует о них со Своими учениками. Для сего и ныне восходит он на гору Фаворскую. Восходит для того, чтобы помолиться и во время молитвы явить ученикам славу Свою, да егда узрят Его распинаема, уразумеют, что страдание Его есть страдание вольное, и Сам Он хотя и страждет по человечеству, но по Божественной природе Своей есть Отчее сияние.

И смотрите, как сильна и действенна Его молитва!

Он молится о Своих страданиях, и во время молитвы Его человечество озаряется славой Его Божества. И это есть естественное последствие Его молитвы. Дух молитвы, сливаясь с Духом Божьим, исполняет светом душу Иисуса. Преизбыток сего света, не удерживаясь в душе, проливается на тело и просиявает в лице. Не вмещаясь и здесь, осиявает и преображает самую одежду. Расширяясь еще далее, объемлет души апостолов и отражается в восклицании Петровом: *Господи! хорошо нам здесь быть* (Мф.17:4). Преходит в область невидимого мира, привлекает оттуда Моисея и Илию, достигает самых недр Отца Небесного и подвигает любовь Его к торжественному свидетельству о Возлюбленном: *Сей есть Сын Мой Возлюбленный* (Мф.17:5).

О чудо молитвы, единым действием объемлющей небо и землю и Самое Божество! Подлинно величественный пример, о братия, представляет нам сия молитва Богочеловека, пример, призывающий нас к тому, чтобы мы последовали ему и сделали его постоянным правилом

своей жизни. Да не подумает никто от вас, что сей пример до нас не относится, как дело Богочеловека. Он относится и до нас. Ибо в нас, хотя и не в той степени, однако, должно совершиться то же, что и во Христе. *Ибо в вас должны быть те же чувствования, – учит Апостол, – какие и во Христе Иисусе (Флп.2:5).*

Спаситель Богочеловек имел нужду в молитве. Неужели ты, человек, не имеешь нужды в ней? Если рассматривать себя как тварь, как создание Божье, что значишь ты вне Божьего сотворения и хранения? Ничто. Как твое ничтожество не имеет никакого права на бытие, так и твое бытие не имеет никакого права на блаженство. Только по благодати Божьей ты существуешь, и только по милосердию Божьему можешь быть ты блажен. Но сего мало. Ты не просто сын первозданного Адама, ты сын Адама согрешившего и за это осужденного Божественным Правосудием. Ты один из потомков его, которые все рождаются в грехах, по слову праведного Иова: *Кто родится чистым, от нечистого? Ни один. Если дни ему определены (Иов.14:4–5).* А потому ты имеешь нужду не в милости Божьей, как Его создание, но в помиловании Его, как грешное создание Его.

«Знаю это, – скажешь ты, – да не могу принудить себя к молитве, так как не имею необходимого для сего настроения». Правду говоришь ты, человек, но только из своей правды делаешь неправильный вывод. Подлинно, есть в природе человеческой странная двойственность и противоречие направлений. С одной стороны, чувство нужды в Божественном и желание общения с Богом. А с другой – какая-то тайная неохота заниматься Божественным и склонность убежать от собеседования с Богом. И не трудно понять, отчего это так. Первое из сих направлений принадлежит природе первозданной, а последнее – природе, поврежденной грехом. Это есть продолжение донныне того движения, которое сказалось в прародителях по первом нарушении ими заповеди Божьей. *И услышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время пролады дня; и скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога (Быт.3:8).* Если ты, подобно прародителям твоим, хочешь бежать от Господа, беги. Но знай, что за это бегство от Господа будешь изгнан огненным Херувимом из чертога райского блаженства. А если хочешь блаженствовать с Господом, не убегай от Него, а напротив – прибегай к Нему, поборая в себе греховное отчуждение от Него.

«Я молюсь, – скажешь ты, но молитва моя бездейственна и бесплодна». Действительно, бывает и такой молитва наша, но не по существу своему, а по немощи нашей. Молитва твоя бывает бездейственна

и бесплодна потому, что ты или молишься не о том, о чем следует молиться, или молишься не так, как следует. «Будь мудр в твоей молитве, – говорит святой Исаак Сирин, – не проси в ней ничего тленного и суетного, помня заповедь Спасителя: *Ищите же прежде Царства Божьего и правды Его, и это все* (то есть все потребности для временной жизни) *приложится вам* (Мф.6:33)». А если желаешь молиться о земном, проси себе того, что считаешь себе нужным и полезным. Но исполнение и неисполнение твоего прошения предоставляй воле Божьей в вере и уповании на всемогущество, премудрость и благодать воли Божьей. Этот превосходный образ моления даровал нам Тот, Кто молился в саду Гефсиманском, да мимоидет определенная Ему чаша. *Впрочем не Моя воля, – заключил Он молитву свою ко Отцу, – но Твоя да будет* (Лк.22:42).

Не употребляй в молитве твоей премудрых выражений. Небесному Отцу простой и неухищенный лепет детей благоугоднее красноречий мудрых века сего. Избегай в молитве многословия, памятуя, что одно слово мытаря умилостивило Бога и одно изречение, исполненное веры, спасло разбойника на кресте, и блудный сын одним словом умилостивил отца своего. Не будь дерзновен в молитве, хотя бы ты стяжал чистоту. Напротив, приступай к Богу с глубочайшим смиренномудрием. Хотя бы ты взошел на вершину лестницы добродетелей, однако и тогда молись как грешник. Ибо все мы грешники, хотя и в различной степени.

Молись с верою, ибо вера воскреляет молитву, а без веры молитва не может взлететь на небо. Наконец, долго пребывая в молитве и не видя плода от нее, не говори: я ничего не приобрел. Ибо самое пребывание в молитве есть уже приобретение; и какое благо выше сего, чтобы прилепиться к Господу и пребывать непрестанно в соединении с Ним? (см.: Лествица. Слово 28).

Если ты будешь молиться, не отринет тебя Господь. Молись сначала как можешь, молитвой несовершенной, и Господь подаст тебе молитву совершенную. А сия последняя не только вознесет тебя на Фавор, но и на самое небо! Аминь.

Произнесено 6 августа 1928 г. в Варне

Слово в день Преображения Господня

В настоящий день мы празднуем событие Преображения Господня. Но чтобы наше празднование сего события было разумным, нам необходимо не только праздновать, но и понимать смысл сего события. Необходимо это всегда, а особенно в настоящее время. Христиане последних времен настолько перестали понимать смысл сего праздника, что стали исключать его из числа своих праздников. Неизменно без всяких колебаний празднует его до последнего времени лишь одна Православная Церковь.

Каков же догматический смысл сего праздника, на котором обосновывается церковное празднование его?

Ясный ответ на это дает евангелист Лука. По словам этого Евангелиста, избрав двенадцать учеников, Христос послал их проповедовать Царствие Божье (см.: Лк.9:1–2). И Сам Он неоднократно беседовал и с народом, и с учениками о Царствии Божьем (Лк.9:11). Одну из таких бесед с учениками Он заключил словами: *Говорю же вам истинно: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божье* (Лк.9:27). И после сих слов, дней через восемь, замечает Евангелист, взяв Петра, Иоанна и Иакова, взошел Он на гору помолиться, и во время молитвы Его на этой горе совершилось дивное событие Преображения: *и просияло лице Его, как солнце; одежды же Его сделались белыми, как свет* (Мф.17:2).

Из сказанного видно, что, по ясному свидетельству евангелиста Луки, событие Преображения на горе Фаворской по внутреннему своему значению есть не что иное, как ОТКРОВЕНИЕ ЦАРСТВИЯ БОЖЬЕГО на земле. Люди всех времен и народов, верующие в Бога, верили и верят и в Царствие Божье, и все желают пришествия Его. Даже Апостолы до сошествия на них Святого Духа в день Пятидесятницы думали, что оно заключается в восстановлении Царства Израильского (см.: Деян.1:6), а обыкновенные иудеи представляют Его как царство чисто земное, в котором они будут наслаждаться благами не духовными, а земными. Чудом Своего Преображения Христос Спаситель разрушает это неправильное понятие иудеев о природе Царствия Божьего и самым делом показывает, что оно заключается в общении с Богом и созерцании Божественной славы, в созерцании Божественного света, являющегося источником Божественного блаженства для человека. Отсюда понятно, что так понимаемое событие Преображения имеет значение не для одних

апостолов только, но и для всех христиан. Не апостолам только, но и всем христианам заповедует Спаситель: *Ищите... Царства Божия (Мф.6:33)*. А потому не одним апостолам, но и всем нам нужно знать, в чем оно состоит, чтобы нам искать его и молиться о наступлении его. Событие Преображения Господня говорит и нам, как некогда апостолам, что Царствие Божие – не в земных благах и не в земном счастье, а в благах небесных и в духовном общении с Богом. Предначинательно оно осуществляется уже на земле, но в полной мере осуществляется лишь в будущем веке. «Знаете ли, – спрашивает один из таинников Царствия Божьего, которому особенно много было открыто Самим Христом Спасителем чрез Духа Святого о тайнах Царствия Божьего, преподобный Симеон Новый Богослов, – знаете ли, какого Царствия велит искать нам Христос и о каком заповедуется молиться нам?» И отвечает на этот вопрос так: «Как Творец и Устроитель всяческих, Господь Бог, по праву всемогущества, царствует над всеми созданиями и небесными, и земными, и преисподними. Но благодатью Он хочет царствовать над разумными созданиями правдой, ведением и истиной. И вот сего-то Царствия искать велит нам Господь, то есть искать, да царствует над нами благодатно Бог. И когда Он так воцарится в нас, тогда мы будем подобны херувимам на небе, имея на раменах душ своих Бога» (Преподобный Симеон Новый Богослов. Слово 52). «Я есмь воскресение и живот, – сказал однажды сему Святому Сам Христос. – Я ЕСМЬ ЦАРСТВО НЕБЕСНОЕ, сокрытое внутри вас. Как бываю я видим теперь в настоящей жизни, так и в будущей жизни воссияю в них. Я есмь солнце, мысленно зримое, и каждочасно восхожу, как солнце чувственное восходит утром, являя Себя достойным, как прежде являл Себя пророкам. Вместе со Мной Отец и Утешитель Всесвятый Дух» (Преподобный Симеон Новый Богослов. Слово 89).

Блажен, кто еще в настоящем веке сподобился благодатно ощутить в себе присутствие Христа Спасителя. Он несомненно удостоится узреть Его лицом к лицу в будущем веке. В будущем веке Христос будет видим всеми святыми, и Сам Христос будет видеть все бесчисленные мириады святых, ни с кого не сводя очей Своих, так что каждому из них будет казаться, что Он на него взирает, с ним беседует и его приветствует. И никто не будет опечален тем, что Христос не обратил на него внимания и презрел его (см.: Там же, слово 52). И это лицезрение лицом к Лицу Христа Спасителя будет для созерцающих Его источником неизреченного блаженства, ибо от Пречистого Лица Его будет исходить Божественный свет, который неизреченным образом пронизывая все существо человека, будет веселить его. И этот свет будет ВСЕМ для человека: «и пищею, и

питием, и одеянием, и всяким видом радования» (Там же, слово 52). Озаренные этим светом, *тогда и сами праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их (Мф.13:43).*

Вот какую правду Царствия Божьего приоткрывает нам событие Преображения Господня! И вот то основание, на каком праздник этот признается Церковью одним из великих.

«Преобразился еси на горе, Христе Боже, показавый учеником Твоим славу Твою, якоже можаху: да возсияет и нам грешным свет Твой присносущный, молитвами Богородицы, Светодавче, слава Тебе» (Тропарь Преображению Господню). Аминь.

Произнесено 6 августа 1929 г. в Варне

Слово на Успение Пресвятой Богородицы

Что призрел Он на смирение Рабы Своей,
ибо отныне будут убожать Меня все роди

Лк.1:48

Все прекрасно и величественно в жизни Богоматери. И в частности, прекрасно величествен священно безмолвный характер сокровенной Ее жизни в Боге.

В священном безмолвии храма возросла и была воспитана Пресвятая Дева в дни Своего детства. Таким же безмолвием запечатлена и вся последующая Ее жизнь до самого Успения. Ни высочайшая радость, ни глубочайшая скорбь, ничто в мире не могло изменить этой главной черты Ее духа за все это время.

В глубокой тайне совершается таинство воплощения от Нее Бога Слова. И этой тайны Пресвятая Дева не открывает даже праведному старцу Иосифу. Она подвергает Себя этим великим испытаниям со стороны Иосифа. Но доколе Самому Господу не благоугодно было открыть этой тайны Иосифу, Пресвятая Дева пребывает в глубоком молчании. Рождается Слово, Ангелы славословят, пастыри проповедуют. Матери ли Слова безмолвствовать и не выразить Своей радости словом? Но Она безмолвствует и не расточает слов, а только соблюдает слышанное в сердце Своем (см.: Лк.2:19).

Симеон пронзает душу Ее грозным пророчеством. Сам Иисус еще в юных летах оставляет Матерь и как бы отрекается от Нее, возвещая, что Ему в тех, яже Отца Его, достоит быти (см.: Лк.2:49). Матерь Слова не прекословит, но безмолвствует и лишь соблюдает все слова сии в сердце Своем (Лк.2:51).

Наконец, стоит Она при Кресте (см.: Ин.19:25) возлюбленного Сына Своего, и предреченное Симеоном оружие действительно проходит душу Ее. Даже чужие не могли оставаться равнодушными к страданиям Сына Ее. Еще когда Он нес Крест Свой на Голгофу, женщины плакали и рыдали о Нем. А по распятии на Голгофе *весь народ, шедшийся на сие зрелище, видя происходившее, возвращался, бия себя в грудь* (Лк.23:48). По естественным соображениям, чего надлежало бы ожидать от Матери Распятого, стоящей при Кресте Его? Рыданий, жалоб, воплей, терзаний? Ничего такого и тому подобного мы не видим и не слышим. Самовидец не пересказывает нам даже ни одного слова Ее. Она страдала, без сомнения, как никто никогда не страдал на земле, кроме Самого Распятого. Но

бездна Ее страданий не обуревала и не потопляла Ее. Она Сама утопала в неизмеримой бездне Ее терпения, смирения, веры, надежды и безусловной преданности судьбам Божиим.

О, дивное молчание, красноречивейшее всяких слов человеческих!

Взирай, христианская душа, на сей священный образ духовного молчания, представленный тебе Евангелием в лице Богоматери и, сколько можешь, подражай ему. Встречаешь ли непонятное в вере? – Не спеши любопытствовать или прекословить, но в молчании внимай глаголу веры, пока Сам Господь не откроет тебе тайны непонятного. Примечаешь ли в словах или делах ближнего твоего нечто странное и, как тебе кажется, неправильное? – Не торопись обличать и судить его, но облекись в спасительное для тебя и для него молчание, предоставляя праведный суд Господу, ведающему сокровенное (см.: 1Кор.4:5). Подвергается ли какое-нибудь твое дело веры или любви превратным суждениям или нареканиям? – Не провозглашай для сего твоей добродетели, чтобы, сохраняя славу ее, не утратить чистоты ее. Не оправдывай себя прекословием пред человеками, но открой ко Господу молитвой *путь твой, и Он совершит, и выведет, как свет, правду твою и справедливость твою, как полдень* (Пс.36:5–6). Постигает ли тебя, наконец, бедствие и скорбь наполняет душу твою? – Не умножай воплей и стонов, во множестве которых, по большей части, слышны бывают отголоски упорства и непокорности судьбам Вышнего. Но возложи упование на Господа, *мужайся, и да укрепляется сердце твое* (Пс.26:14).

Вообще же, ни в каком случае не расточай безрассудно слова, словесная тварь Слова творческого! Если словом Бог сотворил все, а человек сотворен по образу Божьему, то какие величественные дела надлежало бы производить слову человека! В самом деле, оно некогда исцеляло болящих, воскрешало мертвых, низводило с неба огонь, останавливало солнце и луну. А ныне, по воплощении Бога Слова, оно творит еще большие чудеса, претворяя в Таинствах растленных грехом человеков в тварь новую, чистую и святую!

Но у большей части человечества и в обыкновенной жизни нашей слово давно утратило силу творческую, ибо перестало быть орудием Бога Слова, а соделалось оружием празднословия.

Братия христиане! Совершенное безмолвие есть, конечно, достояние совершенных. Но, однако, есть род безмолвия, не только доступный, но и обязательный для всякого христианина, желающего облечься в небесную красоту.

Умолкни, о человек, для осуждения, для клеветы, для празднословия и

вообще для суеты человеческой; и соделай слово твое орудием словесного служения Богу и правде Его. И ты встанешь на путь истинного безмолвия, который приведет тебя, наконец, к самой вершине священного безмолвия, где нет никакого человеческого празднословия, а есть лишь одно непрестанное славословие Единого Бога всяческих. Аминь.

Произнесено 15 августа 1928 г. в Варне

Письма архиепископа Феофана Полтавского и Переяславского Духовным чадам

Ответ на просьбу о принятии в духовное руководство

Дорогой брат о Христе!

Я не то, что Вы обо мне думаете, и не думаю о себе, чего не подобает думать. Но в свое время и я пережил то, что Вы переживаете. И я понимаю Ваше внутреннее состояние и настроение. Поэтому я с готовностью рад послужить Вам, чем могу. Ибо памятую написанное в книге Притчей: *При недостатке попечения падает народ, а при многих советниках благоденствует* (Притч.11:14). Так учили и Святые Отцы. Этому же научает и собственный опыт каждого подвижающегося. В настоящее время жизнь христианская стала особенно трудной, ибо козни врага чрезвычайно умножились и утончились. Поэтому в настоящее время требуется и сугубая тщательность и осторожность для всякого подвижающегося о Господе.

Господь да избавит Вас от смущения, беспокойства и уныния и да утешит Вас Своей небесной радостью, которую в свое время получим, если будем законно подвизаться!

Помолитесь за меня, да управит Господь и мои стопы на путь правды и мира!

Ваш искренний благожелатель,

арх. Феофан.

1927. VIII. 7.

София

О разных путях ко спасению и о сущности монашеской жизни

Дорогой брат о Христе!

Благодарю Вас за добрые чувства ко мне. Настроение, которое Вы в настоящее время переживаете, в свое время и я пережил, когда учился в Академии. Что же скажу Вам об этом? Если обратимся к житиям святых, то увидим, что они шли к одной цели самыми разнообразными путями. Одни спасались в миру, другие в пустыне. Одни были чужды всякого образования, другие были прекрасно образованы. Поэтому не будем смущаться тем, что живем в миру и не чуждаемся образования. Но будем только стараться о том, чтобы везде и при всяких условиях жить по воле Божьей.

«Говорят, слышал я, – говорит прп. Никита Стифат, – будто невозможно навыкнуть добродетели без ухода вдаль и убежания в пустыню, и удивлялся, как вздумалось им неопределимое определять местом. Ибо если навик в добродетели есть восстановление сил души в первобытное благородство и сочетание воедино главнейших добродетелей для свойственного ей по естеству действия; а это не совне привходит в нас, как нечто вводное, а прирождено нам от сотворения, и через это входим мы в Царствие Небесное, которое внутри нас есть, по слову Господа, – то пустынь излишня, когда мы и без нее входим в Царствие через покаяние и всякое хранение заповедей, что возможно на всяком месте владычества Божьего, как поет божественный Давид: *Благослови, душе моя, Господа на всяком месте владычества Его (Пс.102:22)*» (Первая сотница, п. 72; Добротолюбие, т. V, с. 109). – Поэтому возможно быть монахом и в миру, по словам того же прп. Никиты Стифата.

«Быть монахом не то есть, чтоб быть вне людей и мира, но то, чтоб, отрекшись от себя, быть вне пожеланий плоти и уйти в пустыню страстей (то есть в бесстрастие). Если великому оному (Авве Арсению) и сказано: бегай людей, и спасешься, то сказано в этом именно смысле. Ибо видим, что он и после того, как убежал из мира, водворялся среди людей, проходил по населенным местам и жил с учениками. Но при этом старательно соблюдая внутреннее бегство при чувственном общении, никакому вреду не подвергался он от сопребывания с людьми. Это же и другой некто из великих (прп. Макарий) воззвал, выходя из собрания: бегайте, братие, и указал на уста, когда спросили его, от чего бегать» (Первая сотница, п. 76; Добротолюбие, т. V, с. 111).

«Во всяком образе жизни преблаженна жизнь, во всех делах и деяниях ведомая для Бога и по Богу», – говорит св. Симеон Новый Богослов (Главы, п. 100; Добротолюбие, т. V, с. 37).

Таким образом, с принципиальной точки зрения, по учению Святых Отцов, не нужно смущаться, если по условиям своей жизни мы вынуждены спасаться, даже в монашеском чине, в миру. Но как практически осуществить это, напишу особо.

Искренно преданный Вам,

арх. Феофан.

1927. VIII. 14.

София

О разных путях в монашеской жизни и об изучении богословских наук

Дорогой о Христе брат!

Я написал Вам на основании Святых Отцов, что и в миру можно не только спастись, но и быть монахом. Конечно, многие желающие спастись уходят в монастырь. Но ученые иноки имеют послушание от высшей церковной власти спастись в миру. И не только церковная власть так установила, но и старцы благословляют этот путь. Помню по себе, как я стремился, по окончании курса в Академии, уйти в монастырь. Но все великие прозорливые старцы, у которых я был (Алексий, Варнава и Исидор), в то время не благословляли меня это сделать. Они сказали, что нет на это воли Божьей, а что в свое время я в монастыре буду, если пожелаю. И Вам, друг, можно сказать, что сейчас Вам нельзя уходить в монастырь. В монастыре Вы не найдете для себя здесь того, что ищете. Не найдете надлежащего руководства, а подвергнетесь большим искушениям. В монастыре заставят Вас производить тяжелые физические работы, что при Вашем слабом здоровье будет для Вас не под силу. Вместо этого, смотрите на занятия богословскими науками как на послушание. Это послушание будет не бесполезно для Вас. Оно избавит Вас от многих искушений, а, будучи разумно направляемо, подготовит основу и для духовной жизни. Вам представится возможность изучить Священное Писание и Святых Отцов. В заграничных монастырях сделать это невозможно. Там библиотек или нет, или они очень плохи. Да и времени для келейных занятий очень мало. Но, разумеется, и при занятиях богословскими науками нужно известное руководство – и научное, и духовное. Знаю, что условия жизни в студенческом общежитии тяжелы для Вас. Но как-нибудь и эту сторону дела можно, в конце концов, смягчить. Господь дал Вам способности, и если Вы усердно, в меру своих способностей, будете заниматься богословскими науками, то в этом будет только правильное употребление способностей. Конечно, помыслы тщеславия нужно отсекать, но само по себе напряжение способностей с желанием хорошо усвоить предмет не есть тщеславие. Нужно опасаться и другой крайности – расслабления духа, которое бывает от лукавого.

Арх. Феофан.

1927. VIII. 15.

София

О принятии монашества, о духовном руководстве и о посте в болезни

Досточтимый о Господе брат!

Только что возвратился с Собора в Софию и спешу ответить на Ваше письмо от 19 августа.

«Год тому назад, – пишете Вы, – у меня было очень сильное желание принять пострижение в нашей церкви и жить в притворе, исполняя обязанности сторожа и псаломщика... Теперь мне кажется, что так не следовало бы поступить...» Совершенно верно Вы думаете в настоящее время. И пострижение, и первое время после пострижения нужно проводить в обстановке, отрешенной от мирских переживаний, и в частности – в местности, отдаленной от родителей. Таков обычай, узаконенный практикой св. подвижников и имеющий глубокий смысл. А смысл этот заключается в том, что иноку нужно освободиться от всяких родственных влияний на духовную жизнь, а жить только под руководством своих духовных руководителей. Это не значит, чтобы нужно было совершенно забыть своих родителей: молиться о них нужно всегда и проявлять почитание и благожелательность, разумеется, за исключением тех случаев, когда они будут препятствовать спасению.

«Я читаю сейчас Авву Дорофея, – далее пишете Вы и спрашиваете: – Все ли, что он пишет, могу я прилагать к себе, к своему поведению или же нет?» Отвечаю: нужно все делать, особенно на первых порах, с благословения и совета своего духовного руководителя. Это не потому, чтобы написанное не было истинно, а потому, что начинающим оно может быть не совершенно правильно понято. Написанное у Аввы Дорофея написано очень просто, но духовный смысл написанного им не прост, а очень глубок.

«Смущает меня, – заявляете Вы, – немало следующее: мое слабое здоровье заставляет меня лечиться и усиленно питаться, а Отцы Церкви требуют воздержания». Все нужно делать с рассуждением. Отцы Церкви учат не только воздержанию, но и необходимому попечению о теле, чтобы оно не ослабело и не сделалось бы препятствием к подвигу.

«Что поститься не можешь в болезни, – говорит св. Варсонуфий Великий, – не скорби. Бог ни от кого не требует трудов сверх силы. К тому же, что такое пост, как не наказание тела для того, чтобы усмирить здоровье тела и сделать его немощным для страстей, по слову Апостола: *когда я немощен, тогда силен* (2Кор.12:10). А более сего наказание –

болезнь, и вменяется вместо поста, и ценится даже более его. Кто переносит ее с терпением, благодаря Бога, тот уже через терпение получает плод спасения своего. Вместо того, чтобы ослаблять силу тела постом, оно бывает уже ослаблено болезнью. Благодарите же Бога, что вы освобождаетесь от труда поститься. Если и десять раз в день будешь есть, не печалься; ты не будешь осужден за то, так как поступаешь так не в поборку себе» (Добротолюбие, т. II; Наставления прп. Варсонофия Великого, п. 43).

Ваша немощь – моя немощь. Я почти всю жизнь болею, а особенно в последнее время. Золотые слова прп. Варсонофия Великого много меня утешают. Да утешат они и Вас, дорогой друг!

Арх. Феофан.

1927. VIII. 31. София

О причинах раскола в нашей Заграничной Церкви

Многоуважаемый о. Архимандрит!

Отвечаю Вам на Ваши вопросы. Преосвященный Вениамин пишет Вам о разделении церковном: «Наша позиция в Париже «Тихоновская», между двумя крайними течениями, церковная по преимуществу». На это нужно сказать следующее. Преосвященный Вениамин не был на Соборе и говорит априори для оправдания своей позиции. Митрополит Евлогий был только на одном, чисто формальном заседании Собора и тоже говорит «от себя» для оправдания себя. Действительные причины разделения глубже, чем это кажется на первый взгляд. Из них главные две. Они признают Советскую власть за «богоустановленную», а мы – за власть антихриста. Мы признаем УМКА масонской организацией, на основании подавляющих документальных данных. Они считают эту организацию христианской. Они называют себя «тихоновцами», мы – кафоликами, православными. Они признают величайшим для себя авторитетом Патриарха Тихона и потому принимают даже его ошибки. Мы тоже благоговейно чтим Патриарха Тихона, но не принимаем его ошибок. Для нас выше всего кафолическая истина, как она выражается Вселенскими Соборами и в творениях Святых Отцов Церкви. По нашему убеждению, нужно вести деятельную борьбу с врагами Церкви и Божьими. По их мнению, нужно большевиков побеждать любовью. По их логике, и дьявола нужно побеждать любовью! Смысл соборных постановлений они извращают! Собор постановил, например, чтобы русские христианские студенческие кружки назывались «православными»! Им это кажется обидным стеснением! Они боятся имени «Православия»!

Судите сами, где истина!

27 августа по ст. стилю будет важное заседание Синода по делу церковного раскола. По телеграмме митр. Антония еду в Карловцы на заседание Синода я и Преосв. Серафим. Там встретимся с архиепископом Владимиром и еп. Вениамином. Будем иметь серьезные разговоры!

Дал бы Господь всю церковную смуту привести к славе Божьей!

Арх. Феофан.

1926.VIII.21. София

О церковном расколе, имеющем целью «реформировать Православие»

Досточтимый о. Архимандрит!

Дела наши церковные таковы. – Митрополит Евлогий не смиряется. Окружающие его толкают его на раскол. Мы все могли бы уступить ему, но не можем вручить в руки его судьбы Православия. Он опутан сетями УМКА. А УМКА действует разлагающим образом на студенческие кружки. Профессор Бердяев в журнале «Путь» № 5 открыто заявляет, что раскол в Церкви и неизбежен и необходим. Один только православный иерарх митрополит Евлогий «возвысился до сознания необходимости реформировать Православие» и в этом смысле является «орудием Промысла Божьего» в наши времена! По-прежнему прикрываются они именем и заветами Патриарха Тихона! Пользуются тем, что его нет в живых, и он не может возвысить своего голоса против затей новых «реформаторов православия»! Но пока разрыва не произошло формально. Окончательное суждение о действиях митр. Евлогия будет на заседании Синода 13-го января.

Арх. Феофан. 1926. XII. 26. София

Болгарский Синод высказался против УМКА. Замечательно, что и среди болгарских студентов-богословов замечается течение против УМКА. Один из них на днях был у меня, удивительно прекрасный молодой человек, предупредил меня и говорил мне об этом.

О безуспешных попытках восстановить единство в нашей Церкви

Досточтимый о. Архимандрит!

Сердечно благодарю Вас за приветствие праздничное. Вы спрашиваете меня о новостях. Приехал из Парижа архиепископ Анастасий. Его вызывал туда митрополит Евлогий. Были переговоры о мире, но кончились неудачей. С митроп. Евлогием, по словам архиепископа Анастасия, еще можно иметь дело. Но он весь в руках окружения, которое явно стремится к расколу. «Неоправослависты» свили в Париже прочное гнездо. Они чувствуют себя побежденными, но не хотят сознаться в этом. Кроме известного письма митрополита Сергия ко всем заграничным иерархам, пришло еще особое письмо митрополиту Евлогию от него же. В этом письме митрополит Сергей осуждает действия митрополита Евлогия и одобряет существование и действия Заграничного Собора и Синода. Русские «обновленцы» признают митрополита Евлогия своим единомышленником, а нас ругают. Большевики потребовали от митрополита Сергия анафемствовать нас, но последний не согласился и за это посажен в тюрьму. В России на нас смотрят как на «оплот Православия».

Читали ли Вы последнее послание нашего Синода? Оно составлено мною. На местах всюду, по словам Е.И. Махароблидзе, оно «производит прекрасное впечатление». Вот и все пока новости.

Арх. Феофан. 1927. IV. 17. София

О сочинениях еп. Игнатия (Брянчанинова) и об отношении к постигающим искушениям

Досточтимый о. Архимандрит!

Очень рад, что Вы приобрели сочинения епископа Игнатия (Брянчанинова). Они особенно пригодны по своему содержанию для современного ученого монашества. В них гармонично сочетаются исконно древний характер подвижничества с условиями и особенностями современной жизни. Они требуют потому глубокого изучения. Вы пишете, что нападают на Вас приступы уныния и ожесточения. Монаху невозможно жить без скорбей и искушений.

«Действие Божьей благодати, – говорит прп. Макарий Великий, – открывается в человеке, и приемлет он дарование Духа Святого, какого сподоблена бывает душа верная только после долговременного борения, после опытов великого терпения и великодушия, после искушений и испытаний, когда свободное произволение испытано будет всякими скорбями» (Беседа IX, пар. 7).

«Искушение, – говорит св. Исаак Сирианин, – полезно всякому человеку. Ибо, если полезно было искушение Павлу, то да *всякие уста заградятся и повинен будет весь мир Богу* (см.: Рим.3:19). Подвижники бывают искушаемы, чтобы присовокупить им к богатству своему; расслабленные, чтобы охранять им себя от вредного; погруженные в сон, чтобы приуготовиться им к пробуждению; далеко отстоящие, чтобы приблизиться им к Богу. Всякий необученный сын приемлет богатство из дома отца своего не в помощь себе. Поэтому-то Бог сперва искушает и томит, а потом показывает дарование» (Слово 37-е). Следует только терпеливо переносить эти искушения и скорби с помощью Божьей, о даровании которой нам и нужно прилежно молиться. Конечно, бывает трудно это терпеть, когда окружающая обстановка не благоприятствует настроению. Но ведь Лот спасался, даже живя среди содомлян и гоморрян.

Книгу явлений и предсказаний прп. Нила Мироточивого я читал еще в России. В ней, на мой взгляд, много замечательного, и многое сбывается. Думаю, что, во всяком случае, верна в ней основная мысль о близкой кончине мира.

Арх. Феофан. 1928. XII. 8. София

О Декларации митр. Сергия (Страгородского) и о поведении готовящегося к монашеству

Досточтимый о Господе брат!

Большую тревогу, говорите Вы, в нашей церковной семье и вообще в среде нашей русской колонии вызвал ультиматум митрополита Сергия (Страгородского). В чем тут дело и как нам быть?

Признавать послание митрополита Сергия обязательным для себя никоим образом невозможно. Только что окончившийся Собор епископов отверг это послание. Так и нужно поступать на основании учения Святых Отцов о том, что нужно признавать законной властью, которой христиане должны повиноваться. Св. Исидор Пелусиот, указав наперед Богоустановленный повсюду в жизни словесных и бессловесных существ порядок подчинения одних другим, заключает отсюда:

«Поэтому вправе мы сказать, что самое дело, разумею власть, то есть начальство и власть Царская, установлены Богом. Но если какой злодей-беззаконник восхитит сию власть, то не утверждаем, что поставлен он Богом, но говорим, что попущено ему изbleвать сие лукавство, как фараону, и в таком случае нести крайнее наказание или уцеломудрить тех, для кого нужна жестокость, как царь вавилонский уцеломудрил иудеев» (Творения, ч. II, письмо 6-е).

Большевистская власть, по существу своему, есть антихристианская, и признавать ее Богоустановленной никоим образом нельзя.

Относительно пребывания Вашего на свадьбе скажу, что Вам нужно избегать подобного рода собраний. Ваш путь особый, и на других смотреть не нужно. Они идут своим путем. Впредь отказывайтесь, ссылаясь на болезнь или на то, что Вы не имеете разрешения на это от своего духовного отца. Однако не говорите о том, что я написал Вам по этому случаю В.А. Х-ву, чтобы не смутить и не обидеть его. Он – человек хороший и церковный, но это не обязывает Вас во всем слушаться его. И это Вы делайте без всякого смущения. Если же во всем будете слушаться его, то дело не обойдется без смущения и в совести, и со стороны, как это с Вами уже и случилось.

Арх. Феофан.

1927.VIII.31-IX. 1. София

Наставления для стремящегося к монашеской жизни

Как мне поступать в тех случаях, – спрашиваете Вы, – когда представляется, а иногда просто-таки навязывается случай с кем-либо познакомиться? Дело в том, что обилие знакомств меня очень уж смущает, и в особенности тяжело поддерживать знакомства с людьми маловерующими, неверующими и нецерковными. А таких знакомств, – говорите Вы, – у меня порядочно. – Если Вы готовитесь к иноческому житию, то к знакомствам Вам нужно относиться с большой осторожностью. От знакомств, которые не приносят Вам никакой пользы, а тем более, если они приносят вред, – нужно воздерживаться. Можно их или постепенно сокращать, или решительно разом прекратить, как это Вам покажется целесообразнее. При этом истинной причины прекращения этих знакомств не нужно открывать, а или ссылаться на болезнь, или на необходимость заниматься. Ходить же на такие собрания и читать там про себя Иисусову молитву для Вас бесполезно. И сами Вы не получите пользы от этого, и поведение Ваше другим покажется странным. Что же касается церковных людей, то, конечно, с ними можно поддерживать знакомство. Но и в этом случае нужно соблюдать меру. Не нужно слишком уж сближаться с кем-либо, хорошо не зная его. И особенно не нужно быть через меру откровенным духовно. На почве чрезмерной близости возникать могут различного рода недоразумения, недовольства и подозрения, а чрезмерная духовная откровенность может быть неправильно понята и истолкована. И в таких случаях дружба может стать источником взаимных друг на друга огорчений. «Облака, – говорит св. Исаак Сириан, – закрывают солнце, а многоглаголанье помрачает душу, которая начала просвещаться молитвенным созерцанием. – Если и полезные речи, когда нет им меры, производят омрачение, то кольми паче – речи суетные? Душа унижается от множества продолжительных бесед, хотя бы ограждала себя и страхом Божиим. – Свидание с людьми мирскими в душе, отрекшейся от них для Божьего дела, производит смущение. Вредна бывает непрестанная беседа и с духовными братьями, а на людей мирских вредно посмотреть только и издали» (Слово 85-е).

От театра и кинематографа Вам следует отказаться. Книги можно Вам читать и не духовные, но с разумной целью. Гулять в парке лучше тогда, когда там не бывает разодетой публики и музыки. Наконец, отвечу Вам на вопрос, что значат в чине пострижения слова: «Виждь, яко ты от предложения хочещи обручения великого и ангельского образа». В

греческом тексте здесь стоит слово, которое обозначает: свободное произволение, или решение. Совершающий пострижение здесь спрашивает: по собственному ли произволению решается принять пострижение в иночество приводимый к пострижению?

Арх. Феофан

Нужно ли для принятия монашества родительское благословение?

Досточтимый друг!

«Смутило меня, – пишете Вы, – то, почему Феофан Затворник пишет своей духовной дочери, что для отречения от мира «родительское благословение – первое условие». Его надо выждать. А как же прп. Феодосий Печерский убегал от своей матери? И вообще, поскольку надо считаться с волей родительской при принятии монашества?» – Этот вопрос решается не отвлеченно, а в зависимости от настроения родителей. Если они духовны и не препятствуют вступлению в иночество, то нужно получить от них благословение на иноческую жизнь. Так испросил благословение на иноческую жизнь от своей матери прп. Серафим и получил его от нее. А если родители не духовны и даже препятствуют вести жизнь духовную, то нужно поступать так, как поступил в таком случае прп. Феодосий Печерский.

По поводу моих слов, что «не следует и с церковными людьми сближаться настолько, чтобы быть чрез меру откровенным духовно». Вы спрашиваете: это справедливо относительно всех, исключая своего духовного руководителя, или и по отношению и к духовному руководителю нужно соблюдать известную меру откровенности? Осторожность эту нужно соблюдать относительно всех, исключая своего духовного руководителя. Ему все можно и должно открывать.

Древний христианский обычай заповедует носить на шее крест. Можно носить и небольшие изображения Спасителя и святых Божьих сверх креста. Чем носить ладанку с переписанным на листке 90-м псалмом, лучше носить на устах и в сердце этот псалом, когда будет в том нужда. Но носить в ладанке «Сон Богородицы» – это настоящее суеверие. «Сон Богородицы» – это апокрифическое произведение нецерковного характера.

1927. IX. 15.

София

О теософии и о борьбе с искушениями

Дорогой друг!

Увлечение Ф. Ск. теософией основывается на незнании его сущностью теософского учения. Лодыженский в своей «Трилогии» подвергает основательному анализу это учение и приходит к выводу, что по существу своему теософия есть отрицание христианства. Христос Спаситель не признается в теософии единосущным Отцу, а единосущным, как и все люди, миру. Таким образом, в этом пункте теософия повторяет осужденное Церковью несторианское учение. Но этим дело не ограничивается. Теософия идет и далее: она отрицает бытие личного Бога. Хорошее разоблачение теософии дает сам бывший некогда теософом Кудрявцев в своей брошюре «Что такое теософия?» В этой брошюре Кудрявцев доказывает, что теософия есть чистейшее антихристианство. Молитвы и храмы есть и у язычников, следовательно, сами по себе они не доказывают истинности теософии. Истинность известной религии доказывается только присутствием в ней благодати Божьей, а благодать Божья имеется только в христианстве. В теософии не только нет благодати Божьей, но действует «прелесть бесовская». Не всякая радость есть радость Божья, есть радость, и в «прелести бесовской» происходящая. Она-то и вводит неопытных в заблуждение.

Что касается искушений Ваших, то от них прежде всего не нужно приходить в смущение и уныние. Все подвижники шли путем борьбы с искушениями.

«Уничтожь искушения, – говорит Авва Зосима, – и помыслы, и не будет ни одного святого» (Авва Зосима. Собеседование, пар. 5; Добротолюбие, т. III, с. 120).

Дело не в том, чтобы не испытывать искушений, а в том, чтобы побеждать их. «Да не ужасаемся, – говорит прп. Иоанн Лествичник, – видя, что мы в начале подвига больше обуреваемы страстями, нежели когда мы жили в миру (как миряне); потому что сперва необходимо возникнуть всем причинам болезней, а потом уже воспоследовать здравью. Может быть, сии звери и прежде где-нибудь скрывались в нас, но мы их в себе не примечали» (Лествица. Слово 26-е, пар. 183).

В частности, это нужно сказать и об искушениях, происходящих от плоти. «Не верь во всю жизнь твою сему брэнному телу и не надейся на него, пока не предстанешь Христу» (Слово 15-е, пар. 17). «Когда диавол хочет связать два лица союзом постыдной любви, тогда испытывает ту и

другую сторону и потом уже начинает возжигать огонь страсти» (Слово 15-е, пар. 45).

«Не думай низложить беса блуда возражениями и доказательствами; ибо он имеет многие убедительные оправдания, как воюющий против нас с помощью нашего естества» (Слово 15-е, пар. 24). «Представь Господу немощь своего естества, сознавая во всем свое бессилие, – и неощутительным образом получишь дарование целомудрия» (Слово 15-е, пар. 26).

Во время нападения страстей бесчестных нужно, по наставлению прп. Варсонофия Великого, молиться: «Господи! избави меня от грехов моих и от страстей бесчестных» (Руководство к духовной жизни, пар. 246) или: «Господи Иисусе Христе, избави меня от страстей постыдных!» (пар. 252). – И обуреваемому от сих страстей нужно прежде всего удаляться от предметов соблазна и вообще любить безмолвие и уединение.

1928. I. 3. София

Просьба о благословении на принятие иночества

Досточтимый друг!

Отвечаю на главный Ваш вопрос. Если имеете желание принять иноческий сан и если есть на это согласие и благословение Ваших родителей, то, конечно, и я не имею ничего против Вашего желания. Но считаю своим долгом дать Вам совет: предварительно тщательно испытать себя: можете ли Вы проводить иноческое житие в условиях настоящей Вашей жизни? Лучше все предусмотреть раньше, чем терпеть огорчения от непредвиденных неожиданностей. Не возражая Вам по существу, я только предостерегаю от поспешности. Но в конечном итоге этот вопрос придется решать не мне, а Вашему епархиальному архиерею.

На первых порах иноческой жизни особенно необходимо опытное, мудрое руководство. В качестве руководителя, если такового не имеется на месте, я мог бы указать Вам на афонского иеросхимонаха, хорошо известного Вам о. Лота. Советую Вам иметь доверие к этому руководителю: иначе помыслы Вас могут запутать. И от этого может быть большой вред духовный.

Арх. Феофан. 1931. V. 3. Кламар

О монастырской жизни и о совершении богослужения в наше время

Отцы говорят: все нужно делать с рассуждением. Делаемое без рассуждения даже и добро не бывает в пользу. Вы можете, если хотите, поехать и в Р-ий монастырь, но не для пострижения, а для испытания себя: можете ли Вы понести иноческую жизнь в том виде, в каком она осуществляется там. Если Вы свяжете себя обетом иноческого послушания, и вдруг жизнь там не понравится, это будет великим ущербом для Вашей духовной жизни.

Вы говорите, что Вам не нравится способ совершения богослужений во всех в-ских храмах. Все это зависит от того, что священнослужители настоящего века разучились молиться: разумею внутреннюю молитву, – а ограничиваются лишь совершением внешнего богослужебного чина. И потому недостаток внутреннего одушевления стараются заменить чисто внешним одушевлением со всеми вытекающими отсюда последствиями. Недостаток внутренней молитвы чувствуется не только в новом, но и в старом восточном пении. Если там он выражается в концертном характере пения, то здесь – в чисто внешнем исполнении древних напевов, вследствие чего пение становится крайне заунывно-бездушным. И в том и в другом случае бывает крайне тяжело молиться. Что же, – спросите, – делать в таких случаях? Не обращая всего внимания на внешний чин богослужения, стараться нужно установить в это время параллельную внешнему чину богослужения внутреннюю собственную молитву. А если бывает совершенно неразборчиво чтение или пение, то можно совершать в это время и совершенно самостоятельную внутреннюю молитву. Лучше всего совершать в это время молитву Именем Господа Иисуса Христа. Она и кратка, и всеобъемлюща, и не препятствует следить за внешним чином богослужения.

Архиепископ Феофан.

1930. XI. 20. София

О модернизме в современной Православной Церкви и о книге священника Павла Флоренского «Столп и утверждение истины»

Досточтимый друг!

Вы сообщаете мне об обстоятельствах чтения Вашего реферата по Русской Церковной Истории (о Крещении Руси). Если что-нибудь будет смущать Вас, расскажите обо всем профессору Н.Н. Глубоковскому. Он человек авторитетный для всех профессоров, особенно в вопросах, касающихся своей специальности и России. Но как горько то, что русский ученый в лице Голубинского дает нашим недоброжелателям оружие против нас же самих! Теперь мы и пожинаем плоды разрушительной деятельности такого рода наших профессоров!

25-го апреля был у меня с визитом Преосвященный Андрей. Разговорились о текущих церковных событиях и о церковном модернизме. И здесь обнаружилось неожиданное обстоятельство! Когда я заявил, что считаю родоначальником современного модернизма русского священника о. Павла Флоренского, известного автора книги «Столп и утверждение истины», он совершенно неожиданно для меня выступил с горячей защитой священника Флоренского и этой его книги! Даже более того – он заявил, что считает себя учеником Флоренского и другом его и в жизни своей не видал такого священника! Я сказал ему, что советую ему хорошенько изучить книгу свящ. Флоренского и что я остаюсь при своем мнении. Он ушел несколько смущенный. Теперь для меня понятно все, что до сих пор не было понятно. Очевидно, и способ служения своего он заимствовал от свящ. Флоренского. Ну, вот Вам и трагедия: ревностный борец за чистоту Православия оказывается пламенным защитником родоначальника современного модернизма! Если здесь нет чего-либо «человеческого», то, мне думается, он просто «не понял» книги Флоренского! И хочется сказать: изведи, Господи, на делание церковное основательных, вполне знающих свое дело – защитников Истины Православия!

Написать опровержение на книгу о. Флоренского в одном письме было бы невозможно. Основная концепция этой книги сложная. Для опровержения ее необходимо было бы предпринять экскурсии в разнообразные сферы познания: не только в область догматики, но и философии, и филологии и церковной археологии. Что прот. Булгаков в

учении о Софии исходит из Флоренского, в этом он сам сознается в своей книге «Свет невечерний». Разумеется, это не означает, что он повторяет последнего, но если бы потребовалось свидетельство «внешнее», могу сослаться на авторитет проф. Лосского и еще более на авторитет самого Флоренского. По сведениям из России, напечатанным в свое время в «Студенческом Вестнике», свящ. Флоренский от студентов-богословов на экзаменах по его предмету требовал обязательного знания двух книг: своей – «Столп и утверждение истины» и Булгакова – «Свет невечерний». Это означает, что он смотрит на обе эти книги как на взаимно родственные. Но кто изучал вопрос этот, тот не может этим ограничиться. Он знает, что и сам Флоренский не оригинален. Его «софиология» выросла из «софиологии» Владимира Соловьева, а самая «софиология» В. Соловьева коренится и основывается на «софиологии» немецких мистиков, то есть не церковной.

Архиепископ Феофан.

1930. XII. 6. София

Учение протоиерея Сергия Булгакова о Софии

Досточтимый друг!

Вы просите изложить сущность учения протоиерея о. Сергия Булгакова, профессора Богословского Института в Париже, о Софии и указать, в чем оно противно Православию.

Все это становится ясным, если знать самое происхождение этого учения.

Протоиерей С. Булгаков основывается на книге о. Флоренского «Столп и утверждение истины». Флоренский же заимствует идею Софии у Владимира С. Соловьева. А Соловьев – у средневековых мистиков.

У Владимира С. Соловьева София – это женственное начало Бога, Его «другое». Флоренский пытается доказать, что София, как женственное начало Бога, есть особое существо. Это учение он старается найти у св. Афанасия Великого и в русской иконографии. Протоиерей Булгаков принимает на веру основные выводы Флоренского, но отчасти видоизменяет это учение, а отчасти дает ему новое обоснование. Именно у Булгакова это учение имеет два варианта: а) первоначально – это особая ипостась, хотя и не единосущная Св. Троице (в книге «Свет невечерний»), б) позднее – не ипостась, а «ипостасность». В этом последнем виде она – энергия Божества, проходящая из сущности Божьей чрез Ипостаси Божества к миру и находящая для себя высочайшее «тварное единение» в Богоматери. Следовательно, по этому варианту, София не особое существо, но Богоматерь.

По церковному же учению, которое особенно ясно раскрыто у св. Афанасия Великого, София Премудрость Божья есть Господь Иисус Христос.

Вот, в самых общих чертах, сущность учения о Софии протоиерея С. Булгакова!

Всякое философское учение изложить в кратких чертах очень трудно, поэтому трудно изложить в кратких чертах и учение «софианцев» о Софии. Это учение их становится ясным только в связи со всей их философской системой. Изложить же последнюю в кратких чертах тоже невозможно. Можно сказать только: философия их есть философия «пантеизма», то есть смягченного «пантеизма». Родоначальником этого «пантеизма» в России является Владимир Соловьев.

Архиепископ Феофан.

1930. VIII. 5. София

Религиозно-нравственное состояние православных стран

Досточтимый о Господе о. Иеромонах!

Вы жалуетесь на то, что происходит у Вас в Вашей церковной жизни. – Не знаю в подробностях Ваших дел. Но думаю, что не лучше, если не хуже, обстоит дело в религиозно-нравственном отношении и в других православных странах. По крайней мере, с уверенностью могу это сказать и о России подъяремной и о России заграничной. Относительно положения дел церковных там я располагаю огромными материалами: всего около 700 страниц. Не менее важными и огромными материалами располагаю и о жизни церковной здесь. Общий вывод из всех этих материалов получается ужасный. Но, разумеется, есть среди общей тьмы и «останок благодатный», которым и держится еще вера православная и там и здесь. «Наше время походит на последнее. Соль обуреует. – В высших пастырях Церкви осталось слабое, темное, сбивчивое, неправильное понимание по букве, убивающей духовную жизнь в христианском обществе, уничтожающей христианство, которое есть дело, а не буква. Тяжело видеть, кому вверены в руки овцы Христовы, кому предоставлено их руководство и спасение. Но это – попущение Божье. Сущие во Иудее да бежат в горы!» Такими словами некогда характеризовали положение современных им церковных дел великие русские святители – митрополит Филарет Московский и епископ Игнатий (Брянчанинов) лет шестьдесят тому назад. Не с большим ли правом мы можем повторить эти их грозные слова в настоящее время?!

А что касается общей политической обстановки, то над Европой повис грозный призрак новой войны. И немцы, и французы усердно готовятся к этой войне: Чехословакия в первую очередь подвергнется этой угрозе!!!

Архиепископ Феофан.

1931. XII. 9. Кламар

Необходимо всем, любящим Истину, наблюдать знамения времен

Досточтимый друг!

Обращаете ли Вы внимание на то, что сейчас делается в мире? Министры всех государств мира только одно и делают в настоящее время, что говорят о мире всего мира. Министры Франции и дружественных с нею держав, кроме того, очень настойчиво говорят о гарантиях безопасности, как о самом существенном условии этого «мира». Невольно приходят на память слова апостола Павла из Послания к Солунянам: *день Господень так придет, как тать ночью. Ибо, когда будут говорить: «мир и безопасность», тогда внезапно постигнет их пагуба (то есть людей, любви к истине не имеющих – 2Сол.5:10) подобно как мука родами постигает имеющую во чреве, и не избегнут (1Сол.5:2–3).*

Нужно всем, любящим истину, не только наблюдать знамения времен, но и делать соответствующие выводы из этих наблюдений.

Относительно церковной жизни в речах Спасителя указано для нас, как на одно из самых поразительных явлений последних времен, на то, что тогда *звезды спадут с неба (Мф.24:29)*. По объяснению Самого Спасителя, «звезды» – *это суть Ангелы... церковей, то есть епископы (Апок.1:20)*. Падение епископов религиозно-нравственное является, таким образом, одним из самых характерных признаков последних времен. Особенно ужасно падение епископов, когда они отпадают от догматов веры или, как выражается Апостол, когда они хотят превратить благовествование Христово (см.: Гал.1:7). Таковым повелевает Апостол изречь «анафема»: *кто благовестует вам не то, что вы приняли, да будет анафема (Гал.1:9)*. И медлить здесь не нужно, продолжает он: *Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся, зная, что таковой развратился и грешит, будучи самоосужден (Тит.3:10–11)*. Иначе, то есть за равнодушие к отступлению от истины, тебя может постигнуть суд Божий: *Но, как ты тепл, а не горяч и не холоден, то извергну тебя из уст Моих (Апок.3:16)*.

Тучи на мировом горизонте сгущаются. Приближается суд Божий над народами и лицемерными христианами, начиная с еретических и теплохладных иерархов.

Архиепископ Феофан.

1936. IV. 31

О человеческой кончине

Многоуважаемая М. А-на!

Я нисколько не огорчаюсь на замедление Вашего ответа. Вполне понимаю, что обстоятельства Вашей жизни не всегда позволяют Вам делать так, как Вам хотелось бы. А в данном случае присоединилось к общим условиям Вашей жизни еще такое чрезвычайное обстоятельство, как смерть близкого родственника. С последним обстоятельством стоят в связи некоторые Ваши вопросы и недоумения, на которые я и постараюсь, как могу, ответить. Что покойный перед смертью испытывал некоторые страдания, это не обозначает того, что или таинства были бездейственны, или скончался он лишенный милости Божией. В «Древнем Патерике» повествуется, что предсмертными страданиями иногда Господь очищает даже души праведников от греховных немощей. Тем более это можно сказать о людях обыкновенных. Равно и безболезненная кончина не всегда свидетельствует о праведности почившего. Вообще судьбы Божьи – бездна многа, и не всегда мы можем постигнуть их; но просто должны верить в любовь и правду Божью и молиться о почившем. Что касается того, что Вам не пришлось быть при кончине больной, которой Вы служивали, и от этого произошло некоторое огорчение со стороны родных ее, то разбираться в этом не нужно. Вы поступили, как подсказала Вам совесть Ваша, и думаю, что больше было бы огорчение Вам со стороны Ваших родных, если бы Вы поступили иначе. За еврейку молиться можно только в том случае, если она была по вере православной. В противном случае молиться о ней не следует.

Приветствую Вас с приближающимся праздником Рождества Христова. Желая Вам встретить и провести его в мире и христианской радости. Спаситель благоволил родиться в условиях крайней бедности и унижения. Во дни нашего изгнанничества и унижения да будет эта мысль «рождественской звездой» для нас, вносящей в нашу тяжелую жизнь свет радости небесной!

Арх. Феофан.

София. 1928. XII. 11

О евреях и о воспитании детей

Многоуважаемая М. А-на!

Постараюсь ответить на Ваши вопросы, как могу.

Бывают и среди евреев хорошие люди. Но и хорошие, и дурные из них – все враги Христовы: одни сознательно, а другие бессознательно. Поэтому молиться о них, как о христианах, нельзя. Но можно молиться о просвещении их светом евангельской благодати и о даровании достойным из них физического благополучия. Житейское общение можно иметь с ними, но осторожно. По 11-му правилу VI Вселенского Собора христианам нельзя лечиться у евреев и брать у них подарки.

Что касается воспитания детей, то нужно при воспитании их избегать крайностей: и не раздражать их излишней суровостью, и не распускать излишней добротой. Любовь должна проявляться в отношении к ним в доброте, когда они того заслуживают, и в строгости, когда доброта на них не действует. Только нужно всегда иметь в виду, что строгость не есть раздражительность. Раздражительность есть проявление оскорбленного самолюбия, строгость же направляется против порочных склонностей дитяти.

Наконец, спрашиваете Вы: что будет с умершими младенцами еврейскими и вообще с евреями? Нам не открыто это, и потому достаточно нам только верить, что будет с ними так, как этого требует Божественная Любовь и Божественная Правда. Когда о вопросах подобного рода размышлял прп. Антоний Великий, ему не было открыто ничего по существу этих вопросов, а только сказано было свыше: «Антоний! Себе внимай!» – то есть позаботься о своем собственном спасении, а спасение остальных людей предоставь Промыслу Божьему, который бесполезно тебе знать в настоящей жизни. Этим откровением нужно ограничиваться и нам в пределах нашей земной жизни.

Желаю Вам всякого благополучия от Господа. Ваш искренний
благожелатель,

арх. Феофан.

София. 1929. III. 5

О борьбе со страстями и о бесстрастии

Многоуважаемая М. А-на!

Пока человек не достигнет бесстрастия, он пребывает в страстях. Но только страсти у одних людей проявляются в сильной степени, а у других бездействуют. Но бездействие страстей не есть бесстрастие. Страсти в таком случае только пребывают в сокровенном состоянии. Когда же человек вступает в борьбу с ними, он заявляет о своем существовании. Совершенное бесстрастие есть достояние совершенных.

«Святых много, – говорит св. Симеон Новый Богослов, – а бесстрастных (совершенных бесстрастием) немного, и в среде тех и других имеет место великое различие» (Сл. 84-е, пар. 1; т. II, с. 398).

«Совершенная чистота превосходит дар творения чудес», – говорит Авва Нестерой (Творения Иоанна Кассиана, 15-е собеседование, пар. 10).

А каков правильный способ борьбы со страстями, об этом говорит св. Иоанн Лествичник: «Кто хочет бороться с плотью и победить ее своими силами, тот тщетно подвизается; ибо если Господь не разорит дома плотской похоти и не созиждет дома душевного, то всеу бдит и постится думаящий разорить его» (Лествица, сл. 15-е, пар. 25).

Что же нужно делать?

«Представь Господу немощь твоего естества, сознавая во всем свое бессилие, и неощутительным образом получишь дарование целомудрия» (Сл. 15-е, пар. 25).

Это говорится, конечно, подвигающимся, а не нерадивым и беспечным. М.Р. О-ая спрашивает меня: «Когда она причащалась, священник не произнес слов: причащается раба Божья Мария; действительно ли причащение?» Конечно, действительно. Особого письма ей об этом я не буду писать. Будьте добры передать ей мой ответ.

Арх. Феофан.

1928. XI. 15. София

О хранении внутреннего Богомыслия и памяти о Боге

Многоуважаемая М. А-на!

Если внешние дела не позволяют соблюдать внешние благочестивые навыки, то нужно сосредоточить свое внимание на внутреннем.

"*Больше всего хранимого храни сердце твое (Притч. 4:23)*, чтобы никак не терять мысли о Боге и памятование о чудесах Его не осквернять представлениями суетного, но святую мысль о Боге постоянным и чистым памятованием в душах наших всюду носить с собой, как неизгладимую печать. Ибо таким образом приобретается нами любовь к Богу, которая и возбуждает к исполнению заповедей Господних, и вместе опять ими сама соблюдается, делаясь продолжительной и непоколебимой» (Св. Василий Великий, Правила пространные, пар. 5; т. V, с. 107). Когда же мы забываем о Боге, тогда являются и страсти, и помыслы.

«Авва Феона сказал: потому что удаляемся умом своим от созерцания Бога, пленяемся мы от плотских страстей» (Древний Патерик, гл. XI, пар. 35).

Что же нужно делать?

Нужно понуждать себя к памятованию о Боге. «Принуждать себя во всем благом – есть путь Божий» (Древний Патерик, гл. XXI, пар. 20). «Принуждающий себя ради Бога подобен человеку-исповеднику» (Древний Патерик, гл. XXI, пар. 38).

Арх. Феофан.

1928. X. 21. София

О борьбе со страстями

Многоуважаемая М. А-на!

До тех пор, пока мы не достигнем пристани бесстрастия, необходимо нам вести борьбу со страстями и помыслами. Бывают в этой борьбе и победы, и падения. Но борьбу необходимо вести до конца жизни. Успешной борьба бывает лишь тогда, когда она ведется правильно. А правильной она бывает тогда, когда мы надеемся победить свои страсти и помыслы не своей силой, а силой Божественной. Для этого и необходимо нам постоянно призывать себе на помощь Господа через непрестанное призывание имени Божьего. «В добродетели две доли от Бога, – говорит св. Григорий Богослов, – а одна от меня» (т. IV, с. 209). «Бей супостатов именем Иисусовым, ибо нет сильнеего оружия ни на небе, ни на земле» (Лествица, сл. 21, пар. 7), – говорит св. Иоанн Лествичник. «Память Иисусова да соединится с дыханием твоим» (сл. 27, пар. 61). Следовательно, когда мы или забываем призывать Господа в помощь себе, или слишком надеемся на свои силы, тогда благодать Божья отступает от нас, и мы падаем. Что нужно делать, чтобы избежать сего, отсюда само собой следует. Когда свой дом не в порядке, не нужно заботиться о чужом, предоставляя устройство его Господу.

Арх. Феофан.

1928. VIII. 17. Варна

О внутренней борьбе с помыслами и о значении смирения

Вы пишете, что ведете внутреннюю борьбу с помыслами и, понуждая себя к внутренней молитве, чувствуете трудность сего подвига и свою неспособность к нему. И то и другое показывает, что Вы стоите на правильном пути. И внутренняя брань, и трудность внутреннего подвига приводят человека к познанию своей немощи, а познание своей немощи – к смирению. А как необходимо смирение в деле нашего спасения, об этом хорошо говорит св. Симеон Новый Богослов: «Две есть жертвы, которые приемлет Бог и Отец Господа нашего Иисуса Христа и за которые милует и всякого человека в отдельности, и весь мир в совокупности, из коих одна есть Сам Господь наш Иисус Христос и Бог воплотившийся, а другая – сокрушенное и смиренное сердце каждого, верующего в Него» (Слово 51-е, пар. 5; т. I, с. 271–272). «Не требуется, чтобы человек взамен за душу свою дал что-либо другое, кроме познания себя, что он – ничто. Только при этом способен он будет принести Богу сердце сокрушенное и смиренное, единственную жертву, которую всякому благочестивому человеку прилично приносить Богу. Этой одной жертвы Бог не уничтожит, зная, что человек ничего не имеет собственного, что мог бы принести Богу» (Слово 31-е, пар. 4; т. I, с. 270).

Вы спрашиваете: «Когда стою на молитве, читать ли молитву Иисусову по счету или нет, и если да, то по скольку?»

Для начинающих лучше читать по счету и, чтобы не торопиться, нужно назначить малый счет. Счет можете определить сами, в следующих пределах: не меньше тридцати и не более ста, в качестве прибавления или к утренней молитве, или к вечерней, или к обеим вместе, как обстоятельства позволяют. После счет можно увеличить.

Читать «Добротолюбие», том первый, можете вполне спокойно.

Когда будут приезжать монахи с Афона, можете к ним приходить для духовной беседы, но если будут у Вас определенные вопросы, на которые Вы желаете получить от них ответы.

Архиепископ Феофан.

1929. 29. IX. София.

Русское Посольство

Брак и девство

Вы спрашиваете: «Почему у меня всегда такое впечатление, что девушка или женщина из церковных, конечно, выходя замуж, отдаляется от Господа? Еще ни разу я не видела жены или матери, у которой все Божеское не стояло бы на втором месте. И в этом смысле все с выходом замуж портятся».

Отвечаю на это. Нужно установить сначала правильный принципиальный взгляд на брак, а потом рассматривать вопрос с практической точки зрения. Принципиально несправедливы оба крайних взгляда: и тот, который считает брак злом, и тот, который совершенно уравнивает со стороны внутреннего достоинства брак и девство. Первая крайность замечается во многих мистических сектах, вторая составляет общепринятое мнение на протестантском Западе, откуда успела проникнуть и в православную литературу. По последнему взгляду, и брачный образ жизни, и девственный просто определяются индивидуальными особенностями человека, и в девственном образе жизни нет ничего особенного и возвышающего сравнительно с брачным состоянием. В свое время обстоятельно опроверг этот взгляд блж. Иероним в сочинении «Две книги против Иовиниана» (Творения блж. Иеронима, ч. 4-я. Издание второе. Киев, 1903 г., с. 123–293). А положительное учение Церкви прекрасно выразил прп. Серафим в своем изречении: «Брак – добро, а девство – добро добра лучшее!» Истинный христианский брак есть освященное благодатью Божьей единение душ брачующихся. Оно дает им счастье и служит основанием христианской семьи, этой «домашней церкви». Так это в принципе; но, к сожалению, большей частью бывает это в настоящее время не так. Общий упадок христианской жизни отражается и на браке. Люди последнего времени вообще забыли о благодати Божьей как основании христианской жизни и в Таинстве брака. Об этой благодати нужно всегда помнить, ее возгревать и в духе ее жить. Тогда любовь мужчины к женщине и женщины к мужчине будет чистой, глубокой и будет источником счастья для них. Ведь и эта любовь – Богом благословенный дар. Только люди не умеют по-надлежащему пользоваться этим даром! И это по той простой причине, что забывают о благодати Божьей! – «Первое в духовной жизни, – говорит прп. Макарий Великий, – есть любовь к Богу, а второе – любовь к ближнему. Когда приложен первый и великий труд, тогда второе, как меньшее, с легчайшим трудом следует за первым. А без первого и второе не может быть чисто.

Ибо кто не любит Бога от всей души и от всего сердца, тот приложит ли правильно и без лести попечение о любви к братьям?» (Послание, Творения, Москва, 1854 г., стр. 446). Сказанное о любви вообще относится и к любви брачной. Из всех видов любви земной это самый сильный и по тому самому в Священном Писании является образом идеальной любви человеческой души к Богу. «Песнь песней, – говорит блж. Иероним, – это – брачная песнь духовного супружества» – то есть единения человеческой души с Богом (87-е письмо к Лете, Твор., ч. 3-я, изд. 2-е. Киев. 1903 г., стр. 14). – Однако с блаженством девственников ничто не может сравниться ни на небе, ни на земле.

Арх. Феофан.

1929. IV. 3. София

О самособранности и жизни в обществе и о говении

Вы спрашиваете: как совместить стремление к самособранности с заботой о спасении ближнего? На это отвечу словами св. Григория Богослова. Нужно избрать нечто среднее между совершенным уединением и жизнью в обществе. То есть: нужно быть и самособранным; но когда представится необходимость и случай, заботиться о спасении ближнего. Нужно только знать свою меру. Последний вопрос Ваш: как поступать, когда говение не принесло никакой пользы? Я не понимаю. Иное дело польза, иное дело – ощущение этой пользы. Можно не чувствовать пользы говения; но это не значит, что ее нет. Впрочем, если совесть в чем-нибудь обличает, нужно поговорить второй раз. Прошу принять от меня приветствие с наступающим праздником Рождества Христова.

Архиепископ Феофан.

1929. XII. 11. София

Усталость при молитве и смысл епитимии

«Что мне делать, – спрашиваете Вы, – чтобы крайняя усталость не влияла на сосредоточенность молитвы?» У Вас не написано, о какой молитве Вы спрашиваете: частной или общественной? Поэтому буду отвечать двойственно. Когда усталость начинает действовать во время служения церковного, нужно читать про себя молитву Иисусову. Она будет содействовать сосредоточенности молитвенной. Если же усталость нападет на Вас во время молитвы домашней, нужно немного понудить себя на молитву. Если от этого понуждения усталость исчезнет, то это искушение от лукавого. А если не пройдет, молитву можно сократить, и лучше немного помолиться, но разумно и с чувством.

«О.В. на исповеди сказал между прочим, чтобы, заметив себя в каком-либо грехе или невнимании, я положила по несколько поклонов. Об этом я и раньше хотела спросить и теперь прошу Ваших указаний». Это делать полезно, но при правильном понимании существа дела. А оно заключается в том, что епитимии не суть наказания, в юридическом смысле этого слова, за проступок, а духовное врачевство, имеющее целью избавить человека, пользующегося им, от известного недуга. Количество поклонов должно зависеть от вида проступка или греха.

Архиепископ Феофан.
1929. XI. 21. София

Что такое искушение? О двух изданиях Триоди

Вы спрашиваете: что такое «искушение» и как понимать это выражение? Буквально это выражение обозначает «опытное переживание» чего-нибудь. Искушения бывают двоякого рода: физические и нравственные или, по терминологии св. Исаака Сирианина, телесные и душевные. Телесные искушения – это скорби, а душевные – искушения на зло. Первые полезны, последние пагубны. «Не отказывайся от скорбей, – говорит св. Исаак, – потому что ими входишь в познание истины; и не устрашайся искушений, потому что через них обретаешь досточестное. Молись, чтобы не впадать в искушения душевные, а к искушениям телесным приуготовляйся со всею крепостью своею. Ибо вне их не сможешь приблизиться к Богу; потому что среди них уготован Божественный покой. Кто бежит от искушений, тот бежит от добродетели. Разумею же искушения не пожеланий (злых), но скорбей» (Слово 5, Москва, 1854, с. 35).

Читать ли каноны по Триоди постной старой или по исправленной – это безразлично, раз та и другая изданы с одобрения Церковной Власти. Поэтому споры из-за предпочтения той или другой Триоди не имеют никакого смысла. Каждый да действует по собственному убеждению и с полной свободой, которой да не осуждает другой.

1929. III. 15.

София

О детских забавах и развлечениях вообще

Вы спрашиваете: что приемлемо из обыкновенных детских забав, и как устроить, чтобы дети, лишаясь их, не чувствовали обиды? Ответить мне прямо на это трудно. Я не знаю, в чем заключаются в настоящее время «обыкновенные детские забавы». Времена меняются, меняются и забавы. Здесь нужно руководиться непосредственным чутьем и усмотрением. Но лишать их невинных забав и развлечений было бы ненужной жестокостью. Всему свое время. Даже и взрослые имеют свои утешения. Не чужды своих утешений даже и иночествующие. А детскому возрасту свойственно веселиться и радоваться. У св. Григория Богослова даже о взрослых имеется замечательное наблюдение: радостное настроение является одним из признаков целомудрия. Угрюмость же и уныние зависят по большей части от нарушения гармонии целомудрия! Чтобы не было уныния, нужно очистить свою душу покаянием и соединиться со Христом чрез Таинство Причащения, Который есть радость наша!

Архиепископ Феофан.

1930. I. 12. София

Отношение наше к врагам Божиим и русского народа

Отвечаю на Ваши вопросы. Первый вопрос касается Вашей внутренней жизни: «можно ли иметь отрицательное чувство по отношению к врагам русского народа и Православной Церкви или нужно подавлять в себе это чувство, повторяя слова Божьи: *Мне отмщение, Я воздам (Рим. 12:19)?*». Иметь отрицательное чувство к врагам Божиим и к врагам русского народа естественно. И напротив, не иметь этого чувства не естественно. Но только это чувство должно быть правильным. А правильным оно будет тогда, когда оно имеет принципиальный, а не личный характер, то есть когда мы будем «ненавидеть» врагов Божьих и врагов русского народа не за их личные обиды нам, а за их враждебное отношение к Богу и к Церкви и за их бесчеловечное отношение к русским людям. Поэтому нужно и бороться с этими врагами. А если не будем бороться, то за свою теплохладность будем наказаны Господом. Он Своё отмщение воздаст тогда не только им, но и нам.

Что касается смутного состояния Вашей души, то не нужно разбираться в причинах его, когда они сами собою не ясны. А нужно просто направить свое внимание на занятие внутренней молитвой или на Богомыслие. Если же душа не склонна заняться этим, нужно подготовить ее к этим занятиям или назидательным чтением, или посещением служб церковных.

Арх. Феофан.

1930. II. 6. София

Как часто следует причащаться Святых Христовых Тайн?

Вы спрашиваете: как подготовить сына к первому причащению Св. Тайн и можно ли Вам с ним причаститься 25-го марта и еще в Великий Четверток? На первый вопрос отвечаю: объясните ему все самыми простыми словами, и он поймет все. Дети любят простоту, а всякие скучные рассуждения им тягостны. Что касается Вас лично, то Вы можете с ним причаститься 25-го марта, равно и в Великий Четверток. Вообще же относительно причащения Св. Тайн лучше всего руководствоваться Вам наставлениями прп. Серафима Саровского, данными им дивеевским сестрам: причащаться Св. Тайн прп. Серафим заповедал сестрам во все четыре поста, в двенадесятые праздники и даже в другие большие праздники, вообще – «чем чаще, тем лучше» (Житие, составленное Левитским, с. 356). Разумеется, с должным приготовлением, а без последнего следует воздержаться от причащения Св. Тайн.

Ухаживать за больными доброе дело; и в будничные дни не нужно смущаться, что в таких случаях не приходится быть в церкви. Но в воскресные и праздничные дни нужно стараться быть в церкви, за исключением таких случаев, когда болезнь имеет тяжелый характер.

Арх. Феофан.

1930. III. 8. София

О том, в какую церковь ходить, и о «невидимой брани»

Приветствую Вас со Светлым Праздником Воскресения Христова! Желаю Вам встретить и провести этот Великий Праздник в радости христианской. Пишу Вам уже из Варны, куда приехал к Страстной седмице. Здесь думаю провести не только Пасху, но и лето. Письмо Ваше с поздравлением со днем Ангела мною своевременно было получено. Но я не писал Вам, потому что неожиданно заболел гриппом в довольно сильной степени, так что пришлось лежать в постели.

Вы спрашиваете: куда Вам лучше ходить, в общую русскую церковь или в гимназическую? Раз Вы нужны в гимназической церкви, лучше ходить туда. Смущаться краткостью служб не нужно. Дело не в длине и не в краткости, а в самом молитвенном настроении, а оно возможно и при кратких службах, если они совершаются без суеты и сосредоточенно. В торжественных службах труднее уберечься от рассеянности; домашние и тихие более способствуют сосредоточенности.

Что страсти борют временами, не нужно смущаться этим. «Невидимая брань» должна продолжаться у нас всю жизнь. И не в самой брани беда, а в том, если мы ослабеваем в ней. Если этого нет, дело духовной жизни в порядке. Мир, бывающий у Вас во брани, свидетель тому. Только нужно опасаться, чтобы не было у нас другого мира, когда не бывает никакой брани. Этот мир – небезопасный. Он означает то, что враг, прекратив открытую брань, хочет строить против нас невидимые тонкие козни! В таких случаях нужно усугубить свою обычную бдительность и трезвение! Но отнюдь не расслабевать!

Искренно уважающий Вас,
арх. Феофан.
1930. IV. 4. Варна

Как относиться к смущающим обстоятельствам

Вы спрашиваете меня, как поступать в отношении к смущающим обстоятельствам: избегать их или побороть смущение, не избегая смущающих обстоятельств? Для правильного решения этого вопроса нужно точно установить предварительно, что нужно разумеет под «смущением». Нужно различать просто неприятное чувство от чего-либо от «смущения» в собственном смысле слова. Неприятное чувство бывает и перед добрыми делами; оно происходит или от «врага», или от собственного нашего греховного «естества». Это чувство надо побороть, и доброе дело совершать. А «смущение» в собственном смысле слова есть чувство, что известное доброе дело только кажется нам добрым, а в сущности не есть таковое. И от этого «мнимого доброго дела» нужно отстраняться. Психологически «неприятное» чувство от «смущения» различается тем, что «неприятное чувство» просто неприятно, а в «смущении» есть какая-то сладость, соединенная с «беспокойством».

Затем Вы предлагаете вопрос: как согласить то, что известное лицо совершает службу с умилением и слезами, а в житейском обращении бывает самым обыкновенным? Это обстоятельство указывает на несовершенство означенного лица. Совершен или право живет тот, у кого жизнь согласуется с молитвой. Молитва тогда стоит на прочном основании. А у кого этого согласия нет, у того молитва не прочна. Не говорю уже о слезах. Не все слезы истинны, и не все, даже истинные, имеют одинаковую ценность перед Богом. Об этом можно подробно читать хотя бы в «Лестнице» прп. Иоанна Лествичника. Бывают слезы даже греховные. Главное внимание нужно обращать на духовную сокровенную жизнь и хранить внутренний мир, избегая всего, что нарушает или смущает этот мир.

Искренно уважающий Вас.

арх. Феофан.

1930. IV. 27. Варна.

Церковь Св. Афанасия

Различие между естественно-доброй жизнью и жизнью христианской

Вы спрашиваете: какое различие между естественно-доброй жизнью и жизнью христианской? Различие очень большое. Христианин живет благодатной жизнью, а естественно-добрый человек – безблагодатен. А какое значение имеет это обстоятельство, видно из того, что спасает нас благодать Божья, а не добрые дела. Добрые дела, и то совершаемые ради Христа и по духу заповедей Его, делают нас только способными к восприятию благодати Божьей. Без благодати Божьей, как бы добр человек ни был, не может спастись. Много добрых дел совершал Корнилий сотник, но ему открыто было, что он может спастись только тогда, когда снизойдет на него Св. Дух чрез апостола Петра. Очень просто и глубоко эта мысль развита в известной беседе прп. Серафима с Мотовиловым «О стяжании благодати Св. Духа». Да в сущности, без благодати Божьей не может быть истинно добрых дел. Поврежденное грехом наше естество может совершать только и несовершенные добрые дела. В частности, это нужно сказать и о слезах. Пока человек несовершен, и слезы его несовершенны. Слезы бывают различные. Иногда происходят от естественной чувствительности, иногда от огорчения, а иногда от злобы. Это не христианские слезы. Истинные слезы бывают только тогда, когда они происходят или от оплакивания своих грехов, или от благодарности Господу за Его благодеяния и милости. Чтобы жить благодатную жизнь, нужно избегать всего развлекающего и хранить мир душевный. Поэтому желающему жить благодатной жизнью полезнее жить уединенной жизнью, чем увлекаться деятельностью.

Арх. Феофан.

1930. V. 6. Варна

О мире душевном и о Восьмом Вселенском Соборе

Вы спрашиваете о мире душевном: приходит ли он сам или зависит от усилий самого человека и является своего рода искусством жить мирно? Нужно различать мир собственно душевный и мир духовный благодатный. Благодатный мир есть дар Св. Духа, а мир душевный зависит от нас самих. В чем заключается в последнем случае умение или искусство жить мирно? На это ответ дает Спаситель: *Придите ко Мне... и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим (Мф.11:28–29)*. Мир душевный дает смирение, а путь к смирению среди неприятностей есть, по учению Св. Отцов, самоукорение и самоосуждение. «Я смущаюсь недостатками моих ближних, – сказал один брат прп. Пимену Великому, – что мне делать?» На это Великий Пимен сказал: «Что это такое?» – указав на бревно. «Бревно», – ответил брат. «А это что?» – «А это сучок», – ответил брат. «Положи в сердце твоём, – сказал св. Пимен, – что грехи брата твоего – это сучок, а грехи твои – бревно, и успокоишься».

Так мудро ответил св. Старец, очевидно имея в виду слова Спасителя в Мф.7:3–5.

О Восьмом Вселенском Соборе я пока ничего не знаю. Могу сказать только словами св. Феодора Студита: «Не всякое собрание епископов есть собор, а только собрание епископов, стоящих в Истине». Истинно Вселенский Собор зависит не от количества собравшихся на него епископов, а от того, будет ли он мудрствовать или учить православно. Если же отступит от истины, он не будет вселенским, хотя бы и назвал себя именем вселенского. Знаменитый «разбойничий собор» был в свое время многочисленнее многих Вселенских Соборов и тем не менее не был признан вселенским, а получил название «разбойничьего собора»!..

Архиепископ Феофан.

1930. VI. 11. Варна

P.S. Мое здоровье понемногу улучшается. Улучшение задерживают только различного рода неприятности.

А.Ф.

Могут ли скорби не нарушать душевного мира и об исповеди

Вы спрашиваете: могут ли скорби посетить человека и не нарушить мир душевный? Чтобы точнее ответить на этот вопрос, нужно различать: собственно душевный мир и мир духовный, благодатный. Скорби всегда более или менее нарушают мир душевный, но духовно-благодатного мира они не могут нарушить никогда. Поэтому о стяжании этого мира и необходимо нам заботиться в продолжение всей нашей земной жизни.

Затем Вы спрашиваете: можно ли священнику на исповеди покаяться, что имеешь что-либо против него? Когда речь идет об обыкновенных священниках, не нужно этого делать. От этого получится один только вред, и никакой пользы. Достаточно покаяться в общей форме, не указывая личностей.

Архиепископ Феофан.
1930. VI. 25. Варна

В общение с Господом мы можем войти только чрез исполнение заповедей Божьих

Вы подробно описываете состояние Вашей духовной жизни. На это подробное описание я отвечу Вам в кратких словах, но выражу точно сущность дела, как она изображается у Св. Отцов. В общение с Господом мы можем войти только чрез исполнение заповедей Божьих. Этот путь и есть только истинный. Помимо этого пути невозможно подлинное общение с Господом, а только мечтательное, прелестное, которое и составляет сущность так называемого мистицизма. Но путь делания заповедей Божьих есть путь постоянного подвига. Естество наше ветхо и повреждено и потому косо к деланию заповедей Божьих. Поэтому отличительной и существенной чертой православного подвижничества является постоянное самопринуждение к исполнению заповедей Божьих. Чрез исполнение заповедей Божьих мы таким образом опытно познаем немощь нашего естества. Но этим опытным познанием мы не должны ограничиваться, иначе можем впасть в уныние и отчаяние. Мы должны, убеждаясь в немощи нашего естества, молиться о благодатной помощи нам от Господа, о восполнении нашего естества благодатью Божьей. Для этого и дается нам опытное познание нашей немощи, а не для уныния. С этой точки зрения понятно и все переживаемое Вами. Вы проходите опытную школу познания немощи своего естества. И Вам остается только правильно пользоваться плодами этого учения. По мере истинного самопринуждения к деланию заповедей Божьих у Вас будет рождаться познание немощности своего естества, а из этого познания и по мере его будет в свою очередь рождаться одна из основных христианских добродетелей – смирение. Благодать Божья дается только смирению, а не за труды, хотя самое смирение и порождается трудами. Таков общий закон истинного подвижничества. Но для каждого данного случая необходимо правильное рассуждение, в чем заключается воля Божья и как ее исполнить. Нужно во что бы то ни стало исполнить волю Божью; но при этом ни на минуту не забывать, что Бог наш есть Бог и святой, и любвеобильный. Конкретно это означает то, что действительное зло нужно при всяких обстоятельствах решительно отметить, но к немощам человеческим относиться снисходительно, памятуя и свои немощи! Представьте себе каждый раз, что бы сделал Господь Спаситель в этом случае, и думаю, что найдете для себя правильный выход из затруднительного положения!

Арх. Феофан.
1930. VII. 19. Варна

Буря искушений и якорь самоукорения

В «Древнем Патерике» сохранилось следующее сказание об авве Пимене Великом. Пришел к нему брат и жалуется: «Одолевают меня искушения и не знаю, что мне делать». Св. Отец ответил на это притчей. «Плывущие по водам, – сказал он, – делают так. Когда ветер благоприятствует, натягивают паруса, и тогда ладья их идет быстро. А когда ветер спадает, берутся за весла и, хотя не без труда, идут вперед. Но случается, что поднимается буря: тогда они убирают и паруса, и весла и становятся на якорь, пока не минует непогода. Так бывает и с подвижниками. Когда вспомоществует им благодать Св. Духа, они совершают труды подвижничества с легкостью. Когда благодать Св. Духа сокращается, они подвизаются, но с трудом. А когда наступает буря искушений, тогда становятся на якорь «самоукорения» и с терпением ожидают улучшения благодатной для их подвигов атмосферы. В чем же состоит «самоукорение»? В непрестанной молитве: «Боже, милостив буди мне грешному! Господи, помоги мне! Господи, спаси меня имиже веси судьбами!»

Так поступайте и Вы!
Искренно уважающий Вас,
арх. Феофан.
1930. IX. 14. Варна

Как относиться к недобросовестным служащим?

Вы спрашиваете меня, как Вам относиться к недобросовестной прислуге, которая начинает шантажировать Вас. Мое мнение таково, что, по слову Апостола, всякого брата, бесчинно ведущего себя, нужно удаляться. Иное дело – помочь нуждающемуся, иное – дать себя добровольно шантажировать. Для предупреждения таких случаев в будущем нужно внимательно следить, с кем мы имеем дело, и останавливать зло в корне. А для распутывания уже наступившей путаницы лучше вам лично отстраниться от дела и передать ликвидацию его в руки Вашего мужа. Недаром сказано: *будьте мудры, как змии, и просты, как голуби (Мф.10:16)*. «Одна простота без мудрости, – говорит св. Кирилл Александрийский, – превращается в глупость». Рассуждение должно идти впереди всех добродетелей; иначе наша деятельность будет слепа и вместо пользы будет приносить вред. Припоминаю случай из жизни о. Иоанна Кронштадтского, подобный Вашему. Один из псаломщиков, служивших с ним, однажды стал поносить его за то, что он «мало помогает» ему... «А еще святой!» – крикнул он на него. Случайно подслушал этот разговор другой псаломщик и закричал на первого: «Как ты, негодяй, смеешь кричать на своего настоятеля!» О. Иоанн, смущенно молчавший до сих пор, после этих слов своего защитника воспрянул духом и сам вскрикнул: «Да, да! Как ты смеешь так разговаривать со своим настоятелем!» И этим весь инцидент ликвидировался. Мне кажется, что не мешало бы «припугать» и Вашу «истеричку», и, может быть, «истерия» ее от такого простого средства улетучится скоро!.. Что касается «проклятий» ее, то они как неосновательные падут на ее голову!.. Пусть поэтому лучше воздержится от них! Вообще же при сношении с людьми нужно или молчать, или говорить правду. «Равное зло, – говаривал мне в свое время известный старец гефсиманский Исидор, – говорить неправду и умалчивать правду» – разумеется, когда обстоятельства требуют того или другого.

Архиепископ Феофан.
1930. IX. 24. Варна

Огорчение не есть злоба и как относиться к недостаткам людей

Вы спрашиваете, можете ли Вы сказать от сердца на исповеди, что не имеете злобы ни на кого, после всего происшедшего с Вашей прислугой? На это отвечаю. Нужно различать чувство огорчения и чувство злобы. Испытывать чувство огорчения на душе – не значит иметь на кого-либо злобу. Уже из того видно, что Вы не имеете чувства злобы, что желаете помочь Вашей прислуге. Делать это можно, но с рассуждением, то есть: или делать тайно, или через посредство кого-нибудь. Иначе Ваше желание прийти на помощь будет ею истолковано за чувство слабости и страха. И опять начнутся неприятности. «Мы удаляемся от людей, – говорит св. Исаак Сирианин, – не потому, что не любим их; но по причине их недостатков. Совершенным все возможно; но мы должны держать себя в чине несовершенных». Проще говоря, мы избегаем не людей, а их недостатки, а следовательно, и людей по причине их недостатков!

Архиепископ Феофан.

1930. XI. 11. София

Плач о грехах и обличение совести

Различие между «плачем о грехах» и «обличением совести» следующее: совесть «обличает» нас в грехах независимо от нашей свободы; она составляет принадлежность нашей природы. Плачь же о грехах зависит от нашей свободы. Мы можем оплакивать свои грехи, но можем и не обращать внимания на обличение своей совести. Обличение совести есть, таким образом, нечто предшествующее плачу; а плач – нечто последующее за обличением. На исповеди нужно каяться во всем, в чем обличает совесть. Если же духовник снисходительнее относится ко грехам, чем сам кающийся, то этим не нужно смущаться. Он может смотреть на дело «отвлеченно», а кающийся все переживает «лично», и что с отвлеченной точки зрения представляется неважным, то в порядке личного переживания может иметь важное значение. Каждый прав по своему в таких случаях, если нет только легкомыслия со стороны духовника и мнительности со стороны кающегося.

Что касается Вашего мужа, находящего много «устарелостей» в Церкви, то спорить с ним не нужно, а при случае сказать следующее: «Многое кажется нам непонятным только потому, что мы опытно не переживали того, что переживали Св. Отцы Церкви и подвижники. По мере расширения нашего религиозного опыта многое непонятное для нас теперь впоследствии само по себе станет понятным!»

Арх. Феофан.

1930. XI. 26. София

Нельзя смешивать «умиление» с «сердечным сокрушением»

Совет «стяжи умиление при молитве» требует объяснения. Нельзя смешивать «умиление» с обыкновенным состоянием «молитвенного сокрушения». «Умиление», по учению Св. Отцов, дается только лицам, стоящим на границе бесстрастия после долгого подвига, и есть один из высочайших даров. Тогда как «молитвенное сокрушение» возможно для каждого. Неопытный молитвенник, если не разъяснить ему точно того, может самое обыкновенное «сердечное сокрушение» счесть за высокий благодатный дар «умиления» и таким образом впасть в прелесть!

Архиепископ Феофан.
1930. XII. 6. София

О «перевоплощении» и как проводить пост

Книги сестры Фаины «Девять дней в загробном мире» я не читал. Но, судя по тому, что Вы о ней пишете, к ней нужно относиться осторожно и даже отрицательно. Перевоплощение душ осуждено нашей Церковью и, раз оно упоминается в книге, книга не заслуживает доверия. Нужно помнить слова Апостола: *Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема (Гал.1:8).*

«Как проводить время Великого поста?» – спрашиваете Вы. Общий строй и дух этого времени прекрасно выражен в Богослужении и в Типиконе. Нужно только проникнуться этим настроением, а внешние предписания исполнять по мере сил – и все будет исполнено. Главное – нужно по преимуществу в это время жить в Боге и для этого отстраняться по возможности земных забот, нужно иметь в виду, что жизнь в Боге имеет две стороны. Начинается она переживанием своей греховности, продолжается стремлением очиститься от этой греховности, а кончается чувством блаженного общения с Богом. Первую седмицу Великого поста более всего приличествует посвятить переживанию своей греховности. Чувство блаженного общения с Богом естественно является у нас в дни Св. Пасхи. И мера этого чувства обуславливается мерою первого переживания. Все остальное время Великого поста является временем постепенного восхождения от первого переживания к последнему.

Арх. Феофан.

1931. I. 21. София

О новом церковном календаре, о посещении духовных бесед и о церковных изданиях

Если Сербская Церковь примет новый календарь, то мы не примем его. Новый календарь церковный может ввести только Вселенский Собор, как и ныне у нас употребляющийся введен Первым Вселенским Собором. Всякое иное введение, как самочинное, не может быть признано каноническим.

Что касается собраний, бывающих у о. П.Б., то Вы можете посетить их и, если почувствуете от этих собраний пользу для себя, можете и впредь посещать их, а если ничего такого не почувствуете, нет нужды посещать их. Лучше книгу хорошую дома прочитать. О деятельности иеромонаха о. Иоанна (Шаховского) я не имею никаких точных сведений. Знаю только, что он занимается издательством книжек и листков религиозно-нравственного содержания. Приводит меня несколько в недоумение выбор содержания этих книжек. Например, издал он выдержки из Исаака Сирианина под цветистым заглавием «Пламень вещей». По суждению старцев, св. Исаак Сирианин не может быть рекомендован для первоначального чтения мирян.

Архиепископ Феофан.
1931. I. 25. София

О благодарности Богу, о жертвах в пользу бедных и о недостатках характера

Искренно благодарю Вас за поздравление с праздниками Рождества Христова и Богоявления. Взаимно приветствую Вас. Очень рад, что материальные обстоятельства Ваши изменились к лучшему. За это нужно благодарить Господа. Благодарить Его нужно в молитвах своих и частных, и церковных. А если средства позволяют, то и лептой в пользу бедных русских безработных. При этом не нужно смущаться малым размером лепты. Море составляется из капель, и из копеек составляются тысячи. Две ленты бедной вдовицы Господу были угоднее щедрых пожертвований богачей, как это известно из Евангелия. Недостатки в характере проистекают из немощи нашей природы, поврежденной грехом. Они могут быть уврачеваны лишь силой благодати Божьей, ко взысканию которой всемерно и нужно нам стремиться. Отчаянию здесь не должно быть места, но равно и беспечное равнодушие неуместно. Потребно постоянное самоукорение и непрестанная сердечная молитва ко Господу, Который Один может искоренить все наши немощи и недостатки!

Арх. Феофан.

1931. XII. 26.

2, rue Pascal. Clamart

О чтении Святых Отцов

Вы спрашиваете меня: «Еп. Игнатий говорит: непременно нужно чтение (Св. Отцов), соответствующее образу жизни». Как понимать это место? Нужно ли ограничиваться чтением Св. Отцов, произнесших свои поучения вообще для всего христианства, или можно читать и других, например, рассуждающих об общежительной жизни в монастырях? Ответ на это даю такой. Нужно различать чтение просто осведомительное и чтение, при котором читаемое становится руководством для духовной жизни. Читать вообще нужно все. Но в руководство для духовной жизни нужно избрать чтение, соответствующее образу жизни нашей. Ближайшими руководителями для христиан, жительствовавших в миру, должны являться т.н. вселенские Отцы и Учители Церкви: Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст, а из русских – свт. Тихон Задонский. Но можно извлекать себе руководящие правила жизни и из творений других Св. Отцов и Учителей Церкви. Только делать это нужно с рассуждением. А именно: все, что говорится у них вообще о духовной жизни, то считать для себя обязательным. Наставлений же их частного характера мы не должны почитать для себя вполне и всегда обязательными, если они обуславливаются обстоятельствами чисто местного и временного характера. Например, творения прп. Макария Египетского, поскольку они раскрывают сущность духовной жизни христианской «вообще», могут иметь руководительное значение для всякого христианина. Тогда как, напротив, творения Исаака Сирианина, как имеющие в виду духовную жизнь отшельника, такого значения для всякого христианина не могут иметь. Это же можно отчасти сказать и о творениях св. Симеона Богослова. Следовательно, в данном случае собственно нужно говорить не столько о том, кого нужно читать, сколько о том, как кого нужно читать. Читающий с рассуждением может все читать, а кто не имеет рассуждения, тот должен или читать под руководством кого-либо из имеющих рассуждение, или, в случае отсутствия такового, на первое время ограничиться чтением вселенских Отцов и Учителей Церкви. Закончу свои рассуждения словами святителя Московского Филарета: «Для чего осиял Господь небо церковное толиким множеством прославленных святых, подобно как небо стихийное множеством звезд, для чего иначе, если не для того, чтобы каждый из нас удобно мог, по своей потребности, принимать от них свет и управление своего пути на небо? Предлежит ли кому подвиг охранения св. веры от

неправославия? Да ищет таковой себе образцы руководства в жизни и слове таких наставников, как Великие Афанасий и Василий, Григорий Богослов и Златоуст. Избрал ли кто себе путь жизни уединенный и особенно посвященный Богу и молитве? Да проходит мысленно, по книгам и преданиям, духовные пустынножительства и общежительства и да назирает, хотя издалека, следы таких великих в своем роде подвижников, каковы Антоний, Макарий, Пахомий, Ефрем и многие из века в век стопам их последовавшие. Поставляет ли кого провидение Божье в испытание веры лишениями и бедствиями? Да утверждает себя таковой примером Иова, который и в лишениях, и в страданиях не преставал благословлять имя Господне. Озабочен ли кто, как бы жить достойно веры в богатстве и обилии? Да взирает на жизнь Авраама, кроткого и уступчивого, благодетельного избавителя бедствующих, страннолюбца, странноприявшего Ангелов и Бога. Если кто и глубоко низринулся в дела страстей и пороков, покажут и ему надежду и способ возникновения из пропасти спасшийся на кресте разбойник, подобный ему Моисей Мурин, Мария Египетская и многие другие после гибели спасенные, после глубокого развращения святые!» (Слово в день прп. Сергия).

Арх. Феофан.

1927. XI. 1. София

Порядок мыслей в молитве

В слове еп. Игнатия о молитве, пишете Вы, сказано, что Ангел открыл некоему иноку порядок мыслей в молитве. Причем начинаться она должна со славословия и благодарения. Затем перейти к исповеданию грехов и, наконец, можно с великим смирением предложить Господу прошения о наших нуждах душевных и телесных. Это порядок молитвы Богооткровенный, и нужно, по мере возможности, проводить его в жизнь. Не нужно слишком полагаться на свое самочувствие во время молитвы, но самую молитву проверять по Слову Божьему и по писаниям Св. Отцов. Для того мы, между прочим говорит св. Василий Великий и авва Исая, и изучаем Слово Божье, чтобы по Слову Божьему располагать свою жизнь, а следовательно, и молитву как одно из высочайших проявлений христианской жизни. Если же не будем делать этого, то в наше благочестие незаметно прокрадется «нечто человеческое». Так возникают на этой почве все благочестивые суеверия. Истинно же благочестивым нужно признавать лишь то, что согласно со Словом Божиим и писаниями Св. Отцов, через которых глагодал нам Сам Дух Святой. Согласно с этим, каждую молитву нужно начинать с краткого славословия и благодарения и только после этого приступать к исповеданию грехов и прошению. Замечательное слово по этому поводу находим у св. Филофея Синайского: «И в мысленных подвижнических трудах есть свой некоторый Божественный чин и порядок действия. С утра нужно мужественно и неотступно стоять у двери сердца с крепкой памятью о Боге и непрестанно в душе Иисус-Христовой молитвой. После вкушения пищи должно томить себя памятованием и размышлением о смерти» (О трезвении, пар. 2).

Наконец, по поводу испытанной Вами радости во время скорбей, которая потом пресеклась, Вы спрашиваете: что здесь нужно исправить? Скажу словами св. Исаака Сирианина: *«Нашел ты мед, – ешь, сколько тебе потребно, чтобы не пресытиться им и не изbleвать его (Притч.25:16)*. Естество души удобоподвижно, и, легко иногда восторгаясь, вожделевает она восходить высоко и дознавать, что превыше ее естества, нередко при чтении Писания и воззрении на вещи постигает нечто. Когда же будет попущено и сравнит она себя с постигнутым ею, тогда оказывается, что она в мере смотра своего ниже и меньше того, до чего простерлось видение ее, а потому в помышлениях своих облекается в страх и трепет, а в боязни, как бы устыдившись, что отважилась коснуться

высших ее духовных предметов, спешит снова возвратиться в ничтожество свое. По причине страха, внушаемого предметами, находит на нее какая-то боязнь, а рассудок помавает уму души обучаться молчанию и не быть бесстыдным, чтобы не погибнуть и не искать превосходящего ее, не допытываться того, что выше ее» (Сл. 56).

Поэтому на вопрос: что нужно здесь исправить? – отвечу словами того же Св. Отца: «На понятия и движения свои повесь завесу целомудрия и смирения, потому что смиренным дается откровение тайн» (Сл. 56). Делиться крупницами от скудной трапезы своей с другими, если алчут, можно.

Арх. Феофан.
1927. XI. 2.
София

О количестве и качестве в молитве

Вы спрашиваете о молитве: если обязанности Вашего служения не позволяют Вам уделять много времени на молитву, то можно ли Вам, согласно наставлению еп. Игнатия, количество молитвы заменять качеством, так как по совести проходимое служение prepares человека к усердной молитве?

На это отвечу словами Св. Отцов, что в молитве имеет значение не столько количество, сколько качество. «Прекрасно и количество в молитвенных псалмопениях, – говорит прп. Никита Стифат, – когда им руководит терпение и внимание; но собственно качество оживляет душу и бывает причиной плода (от молитвы). Качество же псалмопения и молитвы (доброе) состоит в том, чтобы молиться в духе умом; а умом молится кто, когда, поя и молясь, он умом обзирает то, что содержится в Божественном Писании, и приемлет восхождения разумений в сердце своем из боголепных мыслей, коими мысленно в воздухе света восхищаемая душа светло осиявается, еще паче очищается, вся восторгается к небесам и созерцает красоты уготованных святым благ, возделением коих, возгораясь, тотчас являет плод молитвы источением из очей источника слез от действия светотворного Духа, доставляющих душе вкушение столь сладкое, что сподобившийся его нередко забывает совсем о телесной пище. Это и есть плод молитвы, от качества псалмопения рождающийся в душах добре молящихся» (Вторая сотница, пар. 70).

Но чтобы в молитве преобладало качество над количеством, необходимо всю жизнь свою и все обязанности свои освящать мыслью о Боге и делать все ради Бога. Хорошо эту мысль выражает свт. Василий Великий: «*Выну хвала Его во устех моих*» (Пс.33:2). Пророк обещает, по-видимому, нечто невозможное. Как может хвала Божья быть непрестанно в устах человека? Когда разговаривает он в обыкновенной и житейской беседе, в устах его нет Божьей хвалы. Когда спит, хранит он совершенное молчание. Когда ест и пьет, как уста его произнесут хвалу? На сие отвечаем, что у внутреннего человека есть некоторые духовные уста, и посредством их питается он, приемля слово жизни, которое есть хлеб, сшедший с небесе (см.: Ин.6:56). О сих-то устах и Пророк говорит: *открываю уста мои и вздыхаю* (Пс.118:131). Сии-то уста и Господь советует иметь расширенными для обильного принятия брашен истины. Ибо сказано: *открой уста твои, и Я наполню их* (Пс.80:11). Посему мысль о Боге, однажды запечатленная и как бы печатью утвержденная во

владычественной силе души, может быть названа хвалой Божьей, которая выну пребывает в душе, и тщательный, по увещанию Апостола, может делать все во славу Божью, так что всякое действие, всякое слово, всякое умственное упражнение получает силу хвалы: ибо аще яст, аще ли пиет праведник, *вся во славу Божью* творит (см.: 1Кор.10:31). У такого и во время сна сердце бодрствует, как сказано в Песни песней: *Я сплю, а сердце мое бодрствует (Песн.5:2)*» (Беседа на пс. 33-й). Из сказанного видно, что наставление еп. Игнатия не только приложимо и в Вашем положении, но оно обязательно для всякого христианина, ведущего деятельную жизнь. Христианину нужно не отвергать свою жизнь, а преображать ее. Когда на стихийном небе взойдет солнце, преображается вся природа. Подобно сему, когда водружается в сердце нашем мысль о Боге, она, как солнце, начинает освещать и преображать всю нашу жизнь. И такая жизнь не только не препятствует молитве, но вводит нас в молитву, и при такой жизни даже самая краткая молитва бывает пламенной.

Арх. Феофан.
1927. XI. 2.
София

О беспорядках в церковном сестричестве

Вы пишете о беспорядках, какие наблюдаются у вас в церкви при исполнении обязанностей сестричества. Ничего нового в сообщаемом Вами для меня нет. Мое мнение по этому поводу такое. Всюду, где возникают беспорядки, они должны быть исправляемы законной властью. Так должно бы быть и у вас. Но у вас власти ваши или бездейственны, или сами находятся в беспорядке. При таких обстоятельствах не приходится надеяться на устранение беспорядков, по крайней мере, в ближайшем будущем, а вероятно, и в дальнейшем будущем. Что же делать при таких обстоятельствах? Или терпеливо нести свой крест, или сложить с себя обязанности сестры. Раздражается настоятель, раздражаются богомольцы, не обходится без раздражений и между самими сестрами. Не лучше ли устранимся от того, что дает повод к взаимным друг на друга раздражениям?... Будем искать того, что служит к миру и ко взаимному назиданию (Рим.14:19). Каждый из нас должен угождать ближнему, во благо, к назиданию (Рим.15:2). Все мне позволительно, но не все полезно; все мне позволительно, но не все назидает. Никто не ищи своего, но каждый пользы другого (1Кор.10:23–24). Не подавайте соблазна ни Иудеям, ни Еллинам, ни церкви Божьей, так, как и я угождаю всем во всем, ища не своей пользы, но пользы многих, чтобы они спаслись (1Кор.10:32–33). Таково мое мнение. Вы же изберите, что найдете лучшим. Больше сказанного я ничего не могу сказать.

Арх. Феофан.

1927. XII. 18.

София

О допущении к причащению англикан

В одном из писем Вы спрашивали меня: можно ли допускать к причащению Св. Тайн англикан без присоединения к Православию? Нет, нельзя. У них много есть протестантского. В частности, они не верят в пресуществление Св. Тайн. Какое же может быть после этого общение с ними в Св. Причащении? Патриарх Х в данном случае погрешил против правил Св. Отцов и Вселенских Соборов. Приветствую Вас и всех Ваших с приближающимся праздником Св. Пасхи.

Господь мира и любви да будет со всеми Вами!

1928. III. 14.

София

Что значит «все мы в прелести»?

Вы пишете: «При чтении еп. Игнатия (Брянчанинова) возникли у меня следующие вопросы: на странице 230 сказано, что все мы в прелести; почему же, говоря «человек в прелести», этому приписывается особый смысл, и как относиться к такому человеку?» Чтобы понять выражение «все мы в прелести», необходимо принять во внимание следующее. Главным подвигом своей жизни древние подвижники почитали «покаяние и плач о грехах своих». Об этом имеется много изречений их. Из многого приведу немного для подтверждения сказанного.

«Брат сказал авве Сисою: «Усматриваю, что память Божья (умная молитва) постоянно пребывает во мне». Старец сказал: «Это не велико, что ум твой постоянно направлен к Богу; велико то, когда кто увидит себя худшим всякой твари» (Игнатий Брянчанинов, *Отчник*, пар. 4).

«Брат спросил авву Пимена: «Что делать мне с грехами моими?» Старец сказал: «Желающий избавиться от грехов избавляется от них плачем, и желающий не впадать вновь в грехи плачем избегает от впадения в них. Это – путь покаяния, преданный нам Писанием и Отцами, которые сказали: плачьте! другого пути, кроме плача, нет» (*Отчник*, пар. 25).

«Плач – сугуб: делает и хранит» (*Отчник*, пар. 26).

«Все житие монаха – плач» (*Отчник*, пар. 27).

«Когда скончался авва Арсений Великий, св. Пимен, при вести о этой кончине, прослезившись, сказал: блажен авва Арсений! потому что ты плакал о себе в жизни сей! Невозможно не плакать или здесь произвольно, или невольно в адских муках» (*Отчник*, пар. 29).

И чем выше человек по святости, тем глубже у него сознание своей греховности. И наоборот, чем обыкновеннее человек, тем слабее у него сознание своей греховности, а у большинства оно и совершенно отсутствует. Поэтому-то большинство людей и не понимает подвига покаяния и не чувствует потребности в этом подвиге. И поскольку оно не понимает подвига покаяния и не чувствует потребности в покаянии, постольку о них можно сказать, что все люди этого рода находятся в прелести. И о всех нас, поскольку мы слабо чувствуем и видим свою греховность, можно сказать, что мы, в меру слабости сознания своей греховности, находимся в прелести!

Древние говорили: «Как тень от тела нашего последует за нами повсюду, так повсюду мы должны иметь с собою плач и сокрушение духа»

(Отечник, изречения неизвестных старцев, пар. 10). И «неудобна та молитва пред Богом, в которой мы не чувствуем себя грешными пред Ним».

А можем ли мы похвалиться такой молитвой?

И пока не можем, до тех пор должны сознавать, что молитва наша несовершенна пред Богом! Такова духовная прелесть в общем смысле слова, которой страдает все человечество, а в том числе и мы!

Замечательно, что сектанты и все неглубокие христиане совсем лишены этого чувства греховности. Явный признак, что все они находятся в прелести!

Арх. Феофан.

1927. XI. 23. София

В чем состоит «собственно прелесть»?

Я разъяснил в прошлом письме, что нужно понимать под прелестью вообще. Теперь остается разъяснить, в чем состоит собственно так называемая прелесть в отличие от прелести вообще. Хорошо об этой прелести говорит св. Исаак Сирианин. «Деятельность крестная двоякая; по двоякости естества и она разделяется на две части. Одна, состоя в претерпении плотских скорбей, производимых действием раздражительной части души, и есть, и называется деятельность. А другая заключается в тонком делании ума и в Божественном размышлении, а также и в пребывании на молитве и так далее; она совершается вожделевательной частью души и называется созерцанием. И одна, то есть деятельность, очищает, по силе ревности, страстную часть души, а вторая – действенность душевной любви, то есть естественное вожделение, которое просветляет умную часть души. Всякого человека, который прежде совершенного обучения в первой части переходит к сей второй, привлекаемый ее слабостью, не говоря уже своей леностью, постигает гнев за то, что не умертвил прежде уды свои, яже на земли (см.: Кол.3:5), то есть не уврачевал немощи помыслов терпеливым упражнением в делании крестного поношения, но дерзнул в уме своем возмечтать о славе крестной» (Слово 55).

Из приведенных слов св. Исаака Сирианина видно, что собственно так называемая прелесть состоит в том, что человек начинает порываться жить выше своей меры. Еще не очистившись от страстей, стремится к жизни созерцательной, мечтает о духовно-благодатных наслаждениях. В этом случае человека постигает гнев Божий, который состоит в том, что от человека за высокоумие отступает благодать Божья, и он подпадает под влияние лукавого. Тот действительно начинает увеселять его тщеславие высокими созерцаниями и наслаждениями. Но созерцания эти и наслаждения не от Бога, а от лукавого. В таком состоянии пишутся все богословские сочинения, желающие сказать новое слово, отличное от словес святоотеческих. И этого рода суть все наслаждения, которыми наслаждаются нечистые и высокоумные души, мечтающие о себе выше меры.

В кратких словах, отличие «всеобщей прелести» от прелести в собственном смысле, на основании сказанного, может быть выражено так. Прелесть всеобщая есть забвение и нечувствие своей греховности. Прелесть собственно так называемая есть приписывание себе праведности,

в действительности не существующей. А если кажется человеку, что имеет он праведность, то эта праведность не божественная, а бесовская, чуждая благодати Божьей и смирения. В этом смысле и нужно понимать известное изречение аввы Пимена Великого: «Человека согрешающего и кающегося предпочитаю человеку не согрешающему и не кающемуся. Первый имеет мысль благую, признавая себя грешным, а второй имеет мысль ложную и душепагубную, признавая себя праведным» (Игнатий Еп., Отечник, пар. 75).

Арх. Феофан.

1927. XI. 24. София

О молитве внешней и внутренней

Давно Вы спрашивали, как бороться с чувством обрядности, вследствие которого является рассеянность в молитве, если обрядность, по различным причинам, изменяется. Например, служит новый священник. Бороться против этой излишней привязанности к обрядности нужно положительным путем, стараясь обращать главное внимание на внутреннюю молитву. Внешняя молитва без внутренней имеет мало цены. Тогда как внутренняя молитва может быть и без внешней. В развитии навыка к внутренней молитве заключается вся сущность христианского подвижничества. Об этой молитве подробно говорится в «Добротолубии». С этой точки зрения, удобно решать и другие Ваши вопросы. Если действует внутренняя молитва, то нет большой беды в том, если, по независящим от Вас обстоятельствам, не придется быть в церкви при Богослужении. Разумеется, если это бывает по уважительным причинам. Затем, при внутренней молитве жизнь духовная бывает сокровенной и мало заметной для других. И меньше бывает повод для недоразумений с близкими по местожительству, но не близкими по духу лицами.

Старайтесь развить в себе способность и навык к этой внутренней молитве, тогда и жизнь Ваша будет более легкой. Меньше будет всякого рода столкновений с окружающими лицами из-за различного рода обрядовых мелочей...

Никогда так не чувствуется внутренняя сущность христианской жизни, как во время Пасхи. Постарайтесь запечатлеть это настроение в своем сердце и подольше его от всяких внешних впечатлений берегите: тогда сама собою будет в сердце Вашем развиваться сокровенная в Боге жизнь духовная!

Арх. Феофан.

1928. II. 15. София

О правильном ведении духовной брани

Жизнь наша есть непрестанная духовная брань. И потому нужно удивляться не тому, когда эта брань есть, а скорее тому, когда ее нет. Но чтобы быть победителем в этой брани, нужно правильно вести ее. А чтобы правильно вести ее, должно поучаться в писаниях Св. Отцов. Но и самое чтение Св. Отцов должно быть правильным, а не беспорядочным. «Старайтесь, – скажу Вам словами Преосвящ. Игнатия (Брянчанинова), – читать книги Св. Отцов, соответствующие Вашему образу жизни, чтоб Вам можно было не только любоваться и наслаждаться чтением отеческих писаний, но чтоб можно было прилагать их к самому делу. Христианин, живущий посреди мира, должен читать сочинения великих святителей, писавших для народа, научающих добродетелям христианским, идущим для тех, которые проводят жизнь среди занятий вещественных.

Другое чтение для иноков общежительных... И еще другое чтение для безмолвников и отшельников! Изучение добродетелей, не соответствующих образу жизни, производит мечтательность, приводит человека в ложное состояние» (Творения, т. IV, с. 511–512).

Какие же это творения разумеются у Преосвящ. Игнатия? Творения св. Иоанна Златоуста, святителя Тихона Задонского и им подобные. С этой точки зрения нельзя признать правильным правило Вашей жизни, выраженное в словах: «Я уже никак не могу стараться о выполнении трех обетов монашества». Вам нужно стараться не о том, чтобы вести жизнь монашескую, а о том, чтобы вести жизнь христианскую, духовную в ее общих проявлениях, а не в форме монашества. Тогда у Вас и будет более правильный строй жизни и более спокойное настроение.

Архиепископ Феофан.

1928. V. 10. Варна

Что такое «мир» и что значит «отречься от мира»?

Мое последнее письмо к Вам понято было Вами не совсем правильно. Слово «мир» употребляется в подвижнической литературе в двояком смысле. В более общем смысле «мир» – это жизнь не в монастыре, а в общих условиях мирской жизни. В более же частном смысле, по определению св. Исаака Сирианина, мир есть «собирательное имя страстей». Отречься от мира в последнем смысле слова можно и живя в мире в первом смысле слова. «Говорят, слышал я, – говорит прп. Никита Стифат, – будто невозможно навыкнуть добродетели без ухода в даль и убежания в пустыню, и удивлялся, как вздумалось им неопределимое определять местом. Ибо если навик в добродетели есть восстановление сил души в первобытное благородство и сочетание воедино главнейших добродетелей для свойственного ей по естеству действия; а это не совне приходит в нас, как нечто вводное, а прирождено нам от сотворения, и через это входим мы в Царствие Небесное, которое внутри нас есть, по слову Господа; то пустынь излишня, когда мы и без нее входим в Царствие через покаяние и всякое хранение заповедей, что возможно на всяком месте владычества Божьего, как поет Божественный Давид: *благослови, душе моя, Господа на всяком месте владычества Его* (см.: Пс.102:22)» (Первая сотница, пар. 72; Добротолюбие, т. V, с. 109). В этом смысле слова можно быть монахом и живя в миру. «Быть монахом, – говорит тот же Никита Стифат, – не то есть, чтоб быть вне людей и мира, но то, чтоб, отрекшись от себя, быть вне пожеланий плоти и уйти в пустыню страстей (т.е. бесстрастие)» (Первая сотница, пар. 76; Доброт., т. V, с. 111). «Во всяком образе жизни преблаженна жизнь, во всех делах и деяниях ведомая для Бога и по Богу», – говорит св. Симеон Новый Богослов (Главы, пар. 100; Доброт., т. V, с. 32).

Тайный постриг при жизни мужа и без согласия его принимать нельзя. Если Богу угодно, в свое время желание Ваше исполнится. А пока просто живите внутренней жизнью в тех условиях жизни, в какие Вы поставлены.

Арх. Феофан.

1928. V. 23.

Варна

О воздержании, о тайном постриге и об общении с людьми

Это верно, что нужно всегда плоть свою ограничивать. Но и в ограничении ее должна быть своя мера. «Воздержание чрева, – говорит св. Василий Великий, – есть самое лучшее, когда измеряется в каждом телесной силой. Ибо иным и злострадание в высшей степени казалось неприскорбным и более представлялось отдохновением, нежели трудом, по твердости и непреклонности их телесного состава и силы. Но что сносно для таких людей, то для других бывало причиной опасностей. Ибо у одних тел с другими иной найдет столько же различия, сколько у меди и железа с деревьями, растущими кустарником. Посему должно избирать воздержание по мере силы, какая есть в человеке. Добродетели, совершаемые одной душой, равно все и всем приписываются. Воздержание же для каждого должно быть определяемо по его телесной силе, чтобы не останавливаться на том, что ниже силы, какая есть в человеке, и не простираться до того, что выше силы» (Подвижнические уставы, гл. IV).

Поэтому, если чувствуется слабость плоти, нужно ее поддерживать и не выходить из своей меры. Если не представляется возможности быть на Всенощной, можно помолиться и дома.

Тайный постриг при жизни мужа и даже при его согласии, по моему мнению, неудобен.

С людьми, близкими по духу, можно иметь общение, если оно не расстраивает строя духовного. Когда они спрашивают что-нибудь о духовной жизни, можно им говорить, но не от себя, а от Святых Отцов и подвижников. Чрез это избежим тщеславия.

Я рад, что о. Киприан преуспевает. Но от души желаю ему, чтоб возвышение административное не отвлекло его от преуспевания в смиренномудрии. Нет ничего пагубнее для жизни духовной, как если человек отпадет от смирения.

Призываю на Вас благословение Божье.

Ваш искренний богомолец,

арх. Феофан.

1928. VII. 6. Варна

Обуревание помыслов и страстей. Для лиц начальствующих особенно необходимо смирение

Не нужно смущаться тем, что бывает временами обуревание помыслов и страстей. Так и должно быть в духовной брани. Сначала нападают враги, потом бывает борьба и, наконец, – победа. Но пред борьбой появляются враги.

«Да не ужасаемся, – говорит св. Иоанн Лествичник, – видя, что мы в начале подвига более обуреваемы страстями, нежели когда мы жили в мире; потому что сперва необходимо возникнуть всем причинам болезней, а потом уже воспоследовать здравиию. Может быть, сии звери и прежде где-нибудь скрывались в нас, но мы их в себе не примечали» (Лествица, сл. 26, пар. 183).

«Необходимо, чтобы море сие поколебалось, возмутилось и рассвирепело, дабы посредством сего волнения извергнуть на землю хворост, сено и все гнилое, что только реки страстей внесли в него. Рассмотрим внимательно, и мы найдем, что после бури на море бывает глубокая тишина» (Сл. 4, пар 59).

«Страстные! будем прилежно и неотступно молиться Господу, ибо все бесстрастные из страстного состояния достигли бесстрастия!» (Сл. 28, пар. 27).

Я очень благодарен Вам за посылку, которую я получил. Впредь, однако, прошу Вас не утруждать себя своими подарками, когда обстоятельства Ваши тяжелы. Другое дело, когда будете в благополучии обстоятельств.

Что касается прочтения о. архимандриту Киприану строк письма, касающихся его, то если они не смутили его, то беды нет в том, что они были ему прочитаны. Строки эти излились из глубины моего сердца сами собою. «Начальствование сделалось для некоторого из Ангелов причиной высокоумудрия, хотя оно и не для того ему было вверено» (Лествица, сл. 25, пар. 58). «Иное душевное устройство у человека, сидящего на престоле; и иное у сидящего на гноище» (Сл. 25, пар. 59).

«Святое смиренномудрие говорит: кто имеет любовь ко мне... тот никого не будет осуждать, не пожелает начальствовать, не будет выказывать свою премудрость. По совокуплении же со мною для него уже закон не лежит (1Тим.1:9)» (Сл. 25. пар. 24).

Но кто принял начальствование как послушание, то, как сын послушания, – будет идти стезею смирения, если и вперед будет

пребывать в послушании и отгонять рукой смирения воздаваемые ему похвалы, ибо «естество человеческое не может принимать похвалу безвредно» (Сл. 25, пар. 43).

На этом пути поскользнулись многие из духовно-начальствующих в настоящее время!

Архиепископ Феофан.

1928. VII. 29. Варна

О правильном духовном руководстве и о творениях епископа Игнатия (Брянчанинова)

Вы пишете: «Говела в Хоповском монастыре, была на исповеди у хоповского священника; на исповеди старалась называть только свои грехи и, когда о. Алексей принялся пересматривать мою жизнь, сказала ему, что тут все уже решено и что я имею на все Ваше руководство. Плохо я это сделала или нет?» – спрашиваете Вы. Нет, не плохо, – отвечаю. О. Алексей – хороший священник; но не думаю, чтобы мог в тонкостях духовной жизни разобраться. По словам же прп. Иоанна Кассиана, египетские старцы учили: хорошо не утаивать своих помыслов, но открывать их старцам духовным и рассудительным, а не таким, которые состарились от одного только времени. Ибо многие, смотря на старческий возраст (или духовный сан) и открывая свои помышления, вместо уврачевания, по неопытности выслушивающего, впадали в отчаяние (Древний Патерик, гл. V, пар. 4).

Насколько я знаю, относительно «белых» священников можно сказать, что они не понимают «борьбы помыслов» и, вместо пользы, могут причинить вред своими советами.

Затем Вы спрашиваете: можно ли давать Вам советы своей родственнице, живущей в монастыре? Можно, когда она сама спрашивает или готова выслушать совет с Вашей стороны. Вы дали ей хороший совет ознакомиться с творениями Преосвященнейшего Игнатия (Брянчанинова). Творения его должны быть настольной книгой каждого современного монаха, особенно интеллигентного. Критическое замечание манатейной монахини можно принять только в том смысле, в каком некогда говорила блаженная Синклитикия: живя в общежитии, мы должны предпочитать послушание подвижничеству, ибо последнее научает высокомерию, а первое показывает смиренномудрие (Древний Патерик, гл. XIV, пар. 16). Но если она вообще отрицает необходимость подвижничества в какой бы то ни было степени на первых порах монашеской жизни, то заблуждается.

Спросили авву Агафона: что важнее – телесный труд или хранение сердца? Старец отвечал: человек подобен дереву, труд телесный – листья, а хранение сердца – плод. поелику же, по Писанию, *всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь (Мф.3:10)*, то очевидно, что все попечение мы должны иметь о плоде, то есть должны иметь хранение ума. Впрочем, для нас нужно и лиственное прикровение и украшение, то есть труд телесный (Патерик, гл. X, пар. 13). И истинное

послушание может быть только, если оно бывает соединено с молитвой! Истинный «послушник есть тот, – говорит св. Иоанн Лествичник, – кто телом предстоит людям, а умом ударяет в небеса молитвой» (Лествица, сл. 4, пар. 102).

Конечно, здесь разумеется молитва не церковная, а внутренняя, и, следовательно, признается необходимость внутреннего подвижничества и для послушника.

Архиепископ Феофан

Воля Божья и воля человеческая

Что касается Ваших личных дел, то я согласен, что осуществлять в жизни убеждения гораздо труднее, чем говорить о них. В умении осуществлять убеждения в жизни и состоит все искусство духовной жизни. Предел всякого послушания есть воля Божья. Где воля человеческая станет в противоречие с волей Божьей, следует отдавать решительное предпочтение воле Божьей. Но не всегда легко бывает определить и то, какова в данном случае воля Божья. В таких случаях нужно молиться о вразумлении свыше и, как скажет совесть, так и поступить.

Призываю на Вас благословение Божие.

Искренно уважающий Вас,

арх. Феофан.

1927. IX. 17. София

Отношение к заблуждениям ближних

Отвечаю на Ваши вопросы. «На пустые и праздные разговоры, – говорите Вы, – я стараюсь не обращать внимания, но часто со мной разговаривают по религиозным и церковным вопросам, и я не знаю, что в таком случае делать».

Вижу отступников, и сокрушаюсь, ибо они не хранят слова Твоего, – говорит Псалмопевец (Пс.118:158). Толкуя эти слова, святитель Феофан Затворник пишет: «Кто любит Бога, тот любит и братий своих. Кто любит добрую нравственность, тот не может равнодушно смотреть, не скорбеть и не сокрушаться сердцем, окруженный людьми, которые, забыв Бога, бесстрашно попирают закон Его святой. Пророк свидетельствует о себе, что он, взирая на это, истаял, как истает свеча, сжигаемая силой огня. Такова истинная любовь к Богу! Не себя только она держит на путях, угодных Ему, но ревнует, чтоб и все братия держались тех же путей. Пророк ничего не говорит о том, что делал он или что следовало бы делать тому, кто любит словеса Божьи, когда видит, что их знать не хотят, и, обращаясь к Богу, свидетельствовал только пред Ним, как мучительно для него повсюдное несоблюдение словес Божьих, ясных, определенно выражающих то именно, чего от кого требует Бог. Не есть ли и в самом деле это наилучший способ выражения ревности о доброй в людях нравственности? Живи сам, как должно, ни в чем себе не поблажая и, видя других не хранящих словеса Божьи, снесай скорбью о том и вопий к Богу, как это больно для тебя, умоляя Его чрез это самое вступить за слово Свое и отрезвить безумствующих. Учи и вразумляй жизнью; вразумлять же словом предоставь тем, кому дано слово, а вразумлять делом – тем, кому дана власть на это, молясь притом теплой молитвой, чтобы Бог Сам вступил на защиту дела Своего. Это не будет равнодушие, хотя и можно прикрывать его таким образом действия, а дело благоразумия. Можно начать действовать, но, вместо поправления дела, только больше расстроить его. Молись лучше, да изведет Господь делателей. Но если в общности уместен такой образ действия, то тех, коим дано слово, и тех, коим дана власть, ничем нельзя извинить, если первые не возвышают гласа своего, взошедши на кровы, а вторые без ума носят меч, данный им на остепенение и устрашение злых. Власть эта не в руках только правительства, но и у отца (и матери) над детьми, у старших над младшими, у наставников над учениками. Равно как и слово не у одних пастырей, но и у всякого, понимающего дело и подвигаемого

смиренно высказывать вразумляющую истину устно или письменно». Сообразно с приведенным разъяснением Святителя-Затворника и действуйте. Разъясняйте истину, когда Вас спрашивают. А когда не спрашивают, можете и молчать, а можете и кратко свидетельствовать истину, смотря по обстоятельствам, когда бывает полезен один способ поведения и когда другой. Из сказанного видно, как нужно поступать Вам и с сыном. Иногда нужно любовью действовать на него, а иногда и со строгостью, но умеряемой любовью. Или, как говорят Св. Отцы, нужно иногда «безгневно гневаться», то есть гневаться на порок, но не на лицо, совершающее проступок. Это подобно тому, что врач, делающий операцию больному, хотя и причиняет ему боль, но делает это в целях исцеления его от болезни. И Господь ведь временами, *кого любит, того наказывает* (Евр.12:6).

Арх. Феофан.

1927. X. 2. Варна

О духовном расслаблении. Об отношении к награде

Вы жалуетесь на то, что временами нападает на Вас расслабление духовное, и тогда жизнь благодатная становится для Вас чем-то неудободостижимым, уделом лишь праведных людей. Живущие духовной жизнью знают это состояние. Св. Марк Подвижник говорит, что причинами этого ослабления духовной жизни бывают три состояния: неведение, забвение и нерадение. На пути жизни духовной словно удары какие поражают по временам душевные силы, но они отказываются действовать по требованиям духа. Когда поражено бывает чувство, тогда появляется состояние нечувствия; когда поражен бывает ум, тогда он и слепотствует или забывается; когда поражена бывает воля, тогда человек впадает в состояние разленения и неподвижности на дела, по требованию духа.

С чего начинается ослабление духовной жизни, бывает неодинаково, но больше от забвения. От забвения – нечувствие; от того и другого – разленение или нерадение. Но надо иметь в мысли, что все это бывает с людьми, стоящими на добром пути, говорит святитель Феофан Затворник. У живущих по страстям эти три состояния постоянно существуют, но не замечаются ими. Те же, которые живут духовной жизнью, замечают свои изменения на худшее, жалеют о том и молятся; следовательно, они не из числа работающих страстям. Они вышли из того рабства и попали в эти недобрые состояния случайно. Вина, конечно, в них, но редко кто может сказать, от чего именно они находят. Господь же милостив, и кто, заметив такую худобу в себе, прибегает к Нему с сокрушением, к тому Он являет скоро Свое благоволение и восстанавливает внутреннее его в свойственном ему чине (Еп. Феофан, 118 псалом, с. 79–80). Из сказанного видно, что вовсе не худо, что Вы замечаете находящее на Вас временами духовное расслабление. Значит, Вы живете духовной жизнью, и только временами нападает на Вас это расслабление. И не нужно доискиваться точно причины этого расслабления, если не подсказывает Вам ее Ваша собственная совесть. Нужно только иметь в себе убеждение, что вина изменения к худшему лежит в Вас, хотя Вам и неизвестна. И нужно только в том сознании и этом чувстве молиться Господу о прощении неизвестной вины и о ниспослании духовной помощи на предстоящее духовное делание. И если будем молиться с верой, получим просимое!

Вы спрашиваете: «Я получила в награду утвержденную Уставом икону Пресвятой Богородицы для ношения; можно ли ее мне носить или

не надо?»

Если Уставом положено носить, носить можно, а в торжественные дни и необходимо.

Забыл в прошлом письме написать Вам об уроках, которые Вы прежде имели как дополнительный заработок. Иметь эти уроки вполне можно, если они найдутся для Вас.

Призываю на Вас благословение Божье и молюсь о Вас!

Арх. Феофан.

1927. X. 15. Варна

P.S. В Варне живу хорошо. Но на днях переезжаю в Софию. Заниматься в Варне трудно за недостатком необходимых книг.

О чувстве своей греховности. О воспитании детей монашествующими

Вы пишете в ответ на мое письмо, что у Вас нет настоящего чувства греховности, а есть только сознание своей греховности. Что же делать для пробуждения чувства греховности? Нужно, по мере сил, добросовестно принуждать себя к жизни по уставам Церкви во дни Великого поста, и тогда, рано или поздно, это чувство появится. В этом и заключается смысл всего уклада и всех чиноположений церковных, установленных Церковью во дни Великого поста.

Затем Вы спрашиваете: можно ли рясофорной монахиня заняться, с благословения игумении, воспитанием двух девочек-сирот? Чтобы иметь правильную исходную точку зрения при решении этого вопроса, нужно знать, что монашеские уставы различают два главных вида монашеской жизни: общежительный и отшельнический. Общежительным монахам уставом св. Василия Великого разрешается заниматься воспитанием детей: в мужских монастырях – мальчиков, в женских – девочек. А если это так, то полагаю, что, с благословения игумении, и рясофорная монахиня может потому заняться воспитанием сирот-девочек. Игуменья знает, кому и какое можно дать послушание.

Арх. Феофан.

1931. I. 3. София

О хранении пасхальной радости

Я еще не уехал во Францию, но уезжаю в среду, 16/29 апреля. Поэтому имею возможность ответить на Ваше последнее письмо.

«Каким образом можно сохранять ту радость, которая получается в праздник Св. Пасхи?» – спрашиваете Вы. Нужно вообще быть самособранным и не рассеянным, не подавать со своей стороны никакого повода к оскорблению этой радости. Но все-таки в конце концов пребывание в этой радости в нас зависит не от нас, а от Виновника этой радости – Самого Господа. Он возносит нас. Он и смиряет нас, когда и как находит это необходимым и полезным для нас. Возносит нас, когда мы бываем смиренны, а смиряет, когда мы возносимся.

Архиепископ Феофан.

1931. IV. 15. София

О благодатных действиях Пресвятой Троицы

Многоуважаемый о. Протоиерей!

Вы спрашиваете: «Как понимать действия в нас благодати Божьей по отношению нас Св. Духа; то ли значит это, что одновременно, по нераздельности Лиц, действует в нас и Отец, и Сын? Но мы без смущения говорим о действии в нас Св. Духа, а о действиях Отца и Сына затрудняем утверждать».

Отвечаю. Необходимо различать при ответе на этот вопрос две точки зрения: богословскую, когда речь идет о жизни Божества в Самом Себе, и икономическую, когда речь идет об откровении Его человечеству.

С чисто богословской точки зрения, по определению св. Григория Паламы, выражающему букву и дух святоотеческого учения, благодать Божья не сущность, но есть энергия Божья и, как принадлежность существа Божья, есть единая и общая для всех Ипостасей Св. Троицы: Отца и Сына и Святого Духа.

В этом смысле она одинаково может быть названа и называется благодатью и Отца, и Сына, и Святого Духа.

Но в икономическом откровении Святой Троицы наблюдается такой порядок: Отец открывается миру чрез Сына во Святом Духе. «Одно начало существ, создающее чрез Сына и совершающее в Духе», – говорит св. Василий Великий (Св. Василий Великий. О Св. Духе, к Амфилохию, гл. XVI). При этом «Божеский Дух всегда и окончательно совершает все происходящее от Бога чрез Сына, как в новой твари, о которой говорится: *аще кто во Христе, нова тварь (2Кор.5:17)*, как и в той, которая древле была в начале; потому сказано: *Словом Господа сотворены небеса, и духом уст Его – все воинство их (Пс.32:6)*» (Св. Василий Великий. Против Евномия. о Св. Духе, кн. V).

Так нисходит к человеку Св. Троица.

Соответственно с этим совершается и восхождение человека к Богу, только обратным порядком, т.е. Святым Духом чрез Сына к Отцу. «Познается и открывается Пресвятая Троица, – говорит св. Симеон Новый Богослов, – благодатью Святого Духа, по благоволению Отца, чрез Сына» (Слово LXI, т. 2, с. 98).

Оба эти порядка обозначает св. Василий Великий в словах: «Путь Боговедения – от единого Духа, чрез Единородного Сына, к единому Отцу. И обратно: естественная благодать и естественная святость, и царское достоинство от Отца, чрез Единородного Сына, простирается на Духа» (К

Амфилохию, гл. XVIII).

Из сказанного становится понятным как то, почему Благодать Божья есть единая и общая Отцу и Сыну и Святому Духу, так и то, почему, несмотря на эту общность ее Трем Ипостасям Святой Троицы, она в богословском словоупотреблении называется по преимуществу благодатью Святого Духа. Не иначе как чрез Сына во Святом Духе открывается нам Бог Отец и не иначе как силой Святого Духа чрез Сына мы восходим ко Отцу. Дух Святой есть То, чрез Что открывается нам и познается нами Единородный Сын и Бог Отец. «Сын есть образ невидимого Отца (см.: Кол.1:15), а Дух есть образ Сына (см.: Рим.8:29)», – говорит Афанасий Великий (Слово к Серапиону четвертое, пар. 3). Совершенно согласно с ним учит и св. Василий Великий (Против Евномия, гл. V).

Вывод из этого учения делает св. Симеон Новый Богослов: «Видевший Сына видел (потому самому) Отца, и видевший Духа Святого видел Сына» (Слово 1.11, пар. 1). Только удостоившиеся Божественного озарения могут это ясно ощутить на опыте, мы же должны принимать все на веру. Но к облегчению нашей веры могут служить основанные на опыте следующие слова великого созерцателя и богослова – Симеона Нового Богослова: «Апостол говорит: *Господь же Дух есть* (2Кор.3:17) – и опять: *Также и Дух подкрепляет нас в немощах наших* (Рим.8:26), вопия: *Авва, Отче!* (Рим.8:15). Дух взывает: *Авва, Отче!* не потому, что Дух есть Сын, – да мимоидет от нас такая хула! Но потому, что Сын Божий видится и созерцается (нами) Духом Святым и что ни Сын никому не открывается без Духа, ни Дух без Сына; но вместе с Духом открывается Сын и Сам чрез Духа взывает: *Авва, Отче!* (Мк.14:36)» (Слово LI, пар. 1; т. 1, с. 480). «Я говорю с тобой, – сказал однажды таинственно явившийся св. Симеону Сын Божий, – как Друг с другом, чрез Духа Святого, Который вместе со Мной говорит тебе» (Слово XCI; т. 2, с. 499).

Архиепископ Феофан.

1928. XI. 13. София

Четыре письма архиепископа Феофана Е.Ю. Кониевич

Многоуважаемая Елена Юрьевна!

Получил Ваше письмо. Искренно благодарю за сведения Ваши, сообщения о С.А. Нилусе. Очень рад, что он жив и здоров и Господь не оставляет его среди трудных и спорных обстоятельств современной жизни. Писать ему что-либо я опасюсь. По несомненным данным, за моей перепиской следит советская агентура, поэтому в Россию я не пишу никаких писем. О схииархимандрита Иоасафа из Густанского монастыря я знаю. О бывшем ему пред кончиной видении я очень желал бы знать. Но я думаю, что нет нужды пересылать описывающего это видение в подлиннике письма. Достаточно в Вашем письме передать сущность видения. Письмо ведь может затеряться. Когда будете писать С.А. Нилусу, передайте ему от меня приветствие, не называя моего имени полностью, а передавая приветствие от В.Ф. Полтавского.

Вы спрашиваете меня о ближайшем будущем и о последних временах. Я не сам от себя говорю, а сообщаю откровения старцев. А они передавали мне следующее. Пришествие антихриста приближается и очень близко. Время, отделяющее нас от него, нужно считать годами и, в крайнем случае, несколькими десятилетиями. Но до пришествия антихриста Россия должна еще восстановиться, конечно, на краткое время. И в России должен быть Царь, предызбранный Самим Господом. Он будет человеком пламенной веры, великого ума и железной воли. Так о нем открыто.

Будем ожидать исполнения открытого. Судя по многим признакам, оно приближается, если только по грехам нашим Господь Бог не отменит и не изменит обещанного. По свидетельству Слова Божьего, и это бывает.

Желаю Вам здравствовать. Призываю на Вас благословение Божье.

Ваш искренний богомолец и покорный слуга.

архиепископ Феофан.

P.S. Если будете писать, то прошу писать по адресу: Serbie, Srem Karlovci, Patriarchie, Archeveque Theophane.

А.Ф.

1925.V. 23.

Yertsegnovi

Многоуважаемая Елена Юрьевна!

Получил Ваше письмо по приезде в Карловцы из Ерцегнови. Приношу Вам глубокую благодарность за присланное Вами описание видения о схиархимандрита Иоасафа. Оно очень поучительно и умирительно. Будем с верой ожидать лучшего будущего, которое, надеюсь, принесет нам действительно великую радость.

Я глубоко сочувствую Вашему духовному одиночеству. Вполне понимаю, как Вам тяжело жить. И от души желал бы, чем могу, быть полезным Вам. Не унывайте. Господь с Вами. С Вами и прп. Серафим. Он да утешает Вас всегда!

Историей из-за доллара не смущайте себя. Вы не упомянули о нем ни словом в письме. И я не знал, что с ним делать. Подумал, что Вы просто позабыли отклеить его от письма и нечаянно прислали его ко мне. Поэтому и решил отправить его к Вам обратно с письмом, не говоря о нем ни слова. Дело естественное, и укорять Вам себя из-за него не следует. По отношению к Вашему отцу Вы совершаете подвиг христианской любви, многоценный пред очами Божьими. Он будет не бесплоден, если не для него, то для Вас!

Будьте здоровы и не унывайте.

Господь с Вами. С Вами и все угодники Божьи, чтимые Вами! Бог даст, доживем и мы до счастливых дней. Отнимет тогда Господь от очей наших всякую слезу. Если и будут у нас слезы, то слезы умиления и радости!

Архиепископ Феофан.

1925. VI. 13.

Сербия. Сремские Карловцы

Многоуважаемая Елена Юрьевна!

С великим сожалением узнал я из Вашего письма об аресте С.А. Нилуса и его супруги. Мне так хотелось, чтобы он как-нибудь выехал за границу. Здесь он, с присущим ему талантом, мог бы многое написать в пользу и защиту Св. Православной Церкви перед неверующей Европой. Будем молить Господа о его спасении.

Я очень рад, что Вы установили, хотя и заочно, духовную связь с О.А. и Т.А. Бурман. Мне кажется, что знакомство Ваше, особенно с Т.А. Бурман, будет полезно Вам. Она имеет очень чуткую и добрую душу, и Вы с нею можете быть откровенной. А одинокой Вам в настоящее время жить трудно. О.А. и Т.А. Бурман думают уезжать из Сербии. Трудно там найти заработок. Е.Е. Митрофанова зовет их в Париж, а они собираются переселиться в Болгарию. Здесь обещают устроить их некоторые из моих знакомых русских людей.

Не знаю, как Вы живете в настоящее время. Но надеюсь, что не унываете. По многим несомненным данным, время спасения России приближается. Грядущая радость с избытком покроет все наши настоящие печали и скорби. А в последнее скорбное время все верующие и верные Господу будут жить под особенным покровом Божьей благодати, которая защитит и спасет их от всех козней антихриста!

Будьте здоровы и хранимы Господом. Молю Господа о Вашем благополучии и спасении.

Архиепископ Феофан.

1925. XI. 2. София.

Русское посольство

IV

Многоуважаемая Елена Юрьевна!

Давно я не получал от Вас никаких известий ни о Вас, ни о Вашем дяде, С.А. Нилусе. Последнее письмо получил я от Вас в октябре месяце 1925 года. В нем Вы сообщали мне, что Вашего дядю, С.А. Нилуса, арестовали и препроводили в Москву. Отчасти болезнь моя, а отчасти церковные дела не дали мне возможности списаться с Вами по этому случаю. В настоящее время я вновь вспомнил о Вас, и явилась у меня потребность написать Вам письмо. Будьте добры, сообщите мне, какова судьба Вашего дяди. Что произошло с ним после ареста? Как Вы сами живете и чувствуете себя? Так ли трудно жить Вам в настоящее время, как и прежде, или немного улучшилось Ваше положение? Я был бы очень рад, если бы Вы написали мне обо всем этом, насколько позволяют Вам обстоятельства Вашей жизни.

Искренно Вас уважающий и о Вас памятующий,
архиепископ Феофан.

1926. VII. 10.

P.S. Писать мне в настоящее время можно по адресу:

Archeveque Theophane

rue Paraskeva, No. 21 (Chez Mr. Abboth).

Warna, Bulgarie

**Приложение I Труд архиепископа Феофана
«Об Искуплении» по поводу нового учения
митрополита Антония (Храповицкого)**

Гефсиманское моление

Свой труд Высокопреосвященный Феофан начал с цитаты, определяющей требование, предъявляемое к такому сочинению, как «Опыт христианского православного катехизиса» митрополита Антония:

«Цель символических сочинений, под каким бы названием они ни были известны – символов, вероопределений, вероизложений, исповеданий и прочее, состоит в том, чтобы дать понять вероучение известной Церкви – в том виде, в котором оно действительно исповедуется обществом или лицом, от имени которого представляется.

Определенность, самая изысканная точность, простирающаяся нередко до щепетильности, до расстановки слов и знаков препинания, является необходимой принадлежностью задавшихся подобной целью: при малейшей погрешности против точности она не будет достигнута» (Проф. И.Е. Троицкий, «Христианское чтение». 1869 год, май. с. 720–721).

Выписав эту цитату, архиепископ Феофан задает тут же себе вопрос: «Удовлетворяет ли этим требованиям вновь составленный катехизис митрополита Антония? По нашему мнению, решительно нет. Он не только не отличается точностью, но в некоторых вопросах даже отступает от догматического учения Православной Церкви. Это мы прежде всего и главным образом утверждаем относительно догматического учения об Искуплении, к рассмотрению которого и перейдем» («Об Искуплении», с. 1).

Далее, на странице второй, Архиепископ пишет: «Учение Высокопреосвященного митрополита Антония об Искуплении отличается от общепринятого церковного учения двумя особенностями:

а) верховное значение в искупительном подвиге Христа Спасителя переносится у него с Голгофы в Гефсиманию;

б) самый искупительный подвиг Христа Спасителя понимается им не в смысле Искупительной Жертвы за род человеческий, а в смысле подвига сострадательной любви за него».

И сразу после этого архиепископ Феофан излагает учение митрополита Антония его собственными словами: «Должно опровергнуть ходячее представление о Гефсиманской молитве, как будто бы внушенной Христу страхом предстоящих телесных страданий и смерти. Это было бы крайне недостойно Господа, Которого рабы потом шли на мучения, радуясь и ликуя среди терзаний их телес, а смерти за Христа жаждали как

величайшего блага. Спаситель же знал, что дух Его разлучится с телом менее чем на двое суток, и уже потому не мог Он взирать на телесную смерть как на что-то ужасное. Мы уверены, что тяжкие муки Спасителя в Гефсимании приходили от созерцания греховной жизни и греховной настроенности всех человеческих поколений, начиная с его тогдашних врагов и предателей, и что слова Господни: *да минует Меня чаша сия (Мф.26:39)* – относятся не к предстоящему распятию и смерти, а именно к этому, совершенно было подавившему Его настроению глубокой скорби за столь любимый Им грешный человеческий род» (Собрание сочинений. Т. IV. Киев, 1918, с. 45–46; «Догмат Искупления». Сремские Карловцы. 1926, с. 32–33).

Архиепископ Феофан ставит вопрос: «Справедливо ли наш автор верховное значение в искупительном подвиге Спасителя переносит с Голгофы в Гефсиманию и правильно ли по существу он понимает подвиг Гефсиманского моления Спасителя?

Митрополит Антоний утверждает, что произнесенные Спасителем во время Гефсиманского моления слова: *да минует Меня чаша сия (Мф.26:39)* – относятся не к предстоящему Ему распятию и смерти, а к тем тяжелым мукам Спасителя, которые Он переживал в Гефсимании и которые происходили у Него от созерцания греховной жизни человечества и от сострадания последнему. Доказывает он свое мнение ссылкой на известные слова апостола Павла из Послания к Евреям, в которых он говорит, что Спаситель в Гефсиманском саду с сильным воплем и со слезами принес молитвы и моления Могущему спасти Его от смерти; *и услышан был за Свое благоговение (Евр.5:7)*. Если бы Спаситель, – говорит автор, – молился об избавлении от распятия и смерти, то Апостол не сказал бы, что Он был услышан, так как распятие и смерть Он все же претерпел. А если Апостол говорит, что Он был услышан, то значит, что Он молился не об избавлении от распятия и смерти, а о чем-то другом, а именно об избавлении от внутренних страданий, коими Он уже страдал в Гефсиманском саду за грехи рода человеческого.

Но с приведенным толкованием митрополита Антония согласиться нельзя. Почему-то он Гефсиманскую молитву Спасителя ограничивает словами *да минует Меня чаша сия (Мф.26:39)* и опускает вторую половину этой молитвы: *впрочем не как Я хочу, но как Ты (Мф.26:39)*. А между тем из полного текста молитвы Спасителя видно, что Он молился не просто об избавлении от распятия и смерти, а условно, если будет на то воля Божья. И воле Божьей было благоугодно, чтобы Спаситель испил чашу голгофских страданий за грехи рода человеческого. Спаситель был

услышан; но в чем же услышан, если страдание и смерть все же были, несмотря на молитву? Он был избавлен от страха смерти по человечеству. Так понимали и толковали настоящее место все Святые Отцы и Учители Церкви!» («Об Искуплении», с. 8–9).

И далее Архиепископ переходит к доказательствам, цитируя Святых Отцов. И начинает он со святого Афанасия Великого: «Когда (Спаситель) говорит: *Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты (Мф.26:39):* и *дух бодр, плоть же немощна (Мф.26:41)*, – тогда показывает две воли: человеческую, свойственную плоти, и Божескую, свойственную Богу; человеческая, по немощи плоти, отрекается от страдания, а Божеская Его воля готова на него. И как Петр, услышав о страдании, убоился и сказал: *будь милостив к Себе, Господи! да не будет этого с Тобою! Господь же, укоряя его, говорит: отойди от Меня, сатана! ты мне соблазн! потому что думаешь не о том, что Божье, но что человеческое (Мф.16:22–23)*; так разумеется и здесь. В подобии человеческом быв, Он отрекается от страдания как человек; но как Бог, непричастный страданию по Божеской сущности, с готовностью приял страдание и смерть» («О явлении во плоти Бога Слова и против ариан», Т. 3, п. 21, с. 273. Сергиев Посад, 1903).

За этими словами архиепископ Феофан приводит место иное из святого Афанасия Александрийского, Великого. Затем следуют: святой Григорий Нисский, святой Иоанн Златоуст (две цитаты), святой Кирилл Александрийский (три цитаты), святой Ефрем Сирий («Об Искуплении», с. 10–16). И наконец, Архиепископ приводит выписку из «Точного изложения православной веры» святого Иоанна Дамаскина «как классическое, в котором со всею наглядностью и ясностью решается вопрос о существовании и взаимоотношении двух волей во Христе» (там же, с. 16). Вот что пишет святой Иоанн Дамаскин: «Пред спасительным Своим страданием Он (Спаситель) говорит: *Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия» (Мф.26:39)*; но, очевидно, Он должен пить чашу как человек, а не как Бог. Посему, как человек, хочет, чтобы миновала Его чаша. Это были слова естественной боязни. *Впрочем не Моя воля, но Твоя да будет (Лк.22:42)*; не Моя, поколику Я имею иную от Твоей сущность, но Твоя, то есть Моя и Твоя, поколику Я Тебе единосущен.

Он естественно имел хотение и как Бог, и как человек; впрочем, человеческая воля следовала и подчинялась (Божеской) Его воле, не действуя по собственному расположению, но желая только того, чего хотела Божеская Его воля. Когда же Божеская воля попускала, тогда человеческая воля естественно подвергалась тому, что свойственно ей.

Так, когда она отрицалась от смерти, а Божеская Его воля соизволяла на сие и попускала, тогда естественно отрицалась от смерти и находилась в борении и страхе. Когда же Божеская Его воля восхотела, чтобы человеческая Его воля избрала смерть, тогда страдания Его соделались произвольными, потому что Он добровольно предал Себя на смерть не только как Бог, но и как человек» («Точное изложение православной веры», кн. 3, гл. 18).

Приведя эти слова святого Иоанна Дамаскина, архиепископ Феофан пишет: «Изю всего сказанного видно, что по общему учению святоотеческому Гефсиманское моление Христа Спасителя не было искупительным подвигом страдающей любви Христовой за грехи рода человеческого, а было подвигом борения Христа Спасителя от страха грядущих Голгофских страданий.

Митрополит Антоний находит такое понимание Гефсиманского подвига Спасителя недостойным личности Спасителя.. Но что это возражение в значительной степени основывается на недоразумении, в этом мы убедимся, если познакомимся со святоотеческим учением о так называемых естественных и безупречных страстях человеческой природы. Естественные и безупречные Христос Спаситель, по учению Святых Отцов, принял на Себя все и только не принял греха и страстей греховных» («Об Искуплении», с. 17).

«Мы исповедуем, – говорит святой Иоанн Дамаскин, – что Христос воспринял все естественные и безупречные страсти человека. Ибо Он воспринял всего человека и все, свойственное человеку, кроме греха, потому что грех не естествен и не Творцом всеян в нас, но возникает из последующего посева диавола в нашей свободной воле с нашего согласия и не владевает над нами насильственно. Естественные же и безупречные страсти суть не находящиеся в нашей власти – те, кои превзошли в человеческую жизнь вследствие осуждения и преступления, каковы голод, жажда, утомление, труд, слезы, тление, уклонение от смерти, боязнь, предсмертная мука, от коей пот, капли крови, помощь ангелов ради слабости природы и подобное, что по природе присуще всем людям...» («Точное изложение православной веры», кн. 3, гл. 20).

В частности, относительно боязни святой Иоанн Дамаскин говорит: «Слово «боязнь» имеет двоякий смысл. Есть боязнь естественная, когда душа не хочет разлучаться с телом по естественному сочувствию и сродству, какие Творец вложил в душу с самого начала, из-за коих душа естественно страшится, мучится и отвращается от смерти. Определение этой боязни такое: естественная боязнь есть усилие отстоять свое бытие по

отвращению к смерти. Ибо, если Творцом все приведено из небытия в бытие, то естественно все стремится к бытию, а не к небытию...

Есть еще боязнь, происходящая от помрачения помыслов, неверия и неведения часа смертного, когда, например, мы устрашаемся ночью, если произойдет какой-нибудь шум. Такая боязнь – вопреки природе, и, определяя ее, мы творим: неестественная боязнь есть содрогание от неожиданности. Такой робости Господь в Себе не допускал...» («Точное изложение Православной веры», кн. 36 гл. 23).

И архиепископ Феофан делает обобщающий вывод из всего сказанного: «Все изложенное нами учение Святых Отцов Церкви по вопросу о Гефсиманском молении может быть сведено к следующим положениям:

1) Все Святые Отцы Церкви видели в Гефсиманском молении Христа Спасителя не искупительный подвиг, который они полагают в Голгофских страданиях Спасителя, а подвиг предискупительного борения.

2) Сущность этого подвига они поставляли не в сострадательной любви Спасителя о грехах человеческого рода, а в проявлении немощи человеческой природы Его, выразившейся в страхе пред грядущими Голгофскими страданиями.

3) Проявление этой немощи человеческого естества Спасителя не представляет ничего недостойного святейшей личности Его, так как оно произошло по свободному изволению Божественной воли Его и имело домостроительное значение.

4) Домостроительное значение этого подвига Спасителя заключается в том, что им свидетельствовалось, что Спаситель воспринял на Себя не мнимую, а действительную человеческую природу со всеми ее безгрешными немощами и одну из главнейших этих немощей человеческих препобедил в Своей личности». («Об Искуплении», с. 1–21).

Голгофская Жертва

«Вторая особенность учения митрополита Антония о догмате Искупления заключается в том, что искупительный подвиг Христа Спасителя понимается им не в смысле искупительной жертвы за род человеческий, а в смысле сострадательной любви за него. Перейдем к рассмотрению этого пункта его учения.

Общепринятое в нашей богословской литературе учение по этому вопросу может быть выражено следующими словами великого нашего богослова, святителя Феофана Затворника: «Мы пали чрез грехопадение прародителей и попали в неисходную пагубу. Спасение наше должно состоять в избавлении нас от сей пагубы. Пагуба наша состоит в двоякого рода зле: во-первых, в прогневании Бога нарушением воли Его, в потере Его благоволения мы подвергнули себя клятве законной; во-вторых, в повреждении и расстройстве своего естества грехом, или в потере истинной жизни и вкушении смерти. Почему для спасения нашего были потребны: во-первых, умиловление Бога, снятие с нас клятвы законной и возвращение нам Божьего благоволения; во-вторых, оживотворение нас, умерщвленных грехом, или дарование нам новой жизни. И то и другое необходимо для нашего спасения: и снятие клятвы, и обновление нашего естества. Если не умиловленным к нам пребудет Бог, мы не можем получить от Него никакой милости, если не получим милости, благодати не сподобимся; если благодати не сподобимся, новой жизни возыметь не возможем. А если бы мы и получили каким-либо образом прощение и помилование, но остались не обновленными, никакой от того не получили бы пользы; потому что без обновления мы непрестанно пребывали бы в греховном настроении и непрестанно источали бы из себя грехи, а чрез грехи снова подвергались бы осуждению и немилости или все оставались бы в том же пагубном состоянии.

И то и другое совершено искупительной Жертвой за нас Христа Спасителя. Крестной Своей смертью Он принес умиловительную Жертву за род наш, снял с нас вину греха и примирил нас с Богом. А Своей праведной жизнью, в которой Он совершеннейшим образом и во всей полноте осуществил волю Божью, Он явил нам в Себе неистощимый источник правды и освящения для всего рода человеческого». (Святитель Феофан Затворник. «Начертание христианского нравоучения». М., 1891, с. 9–26).

Архиепископ Феофан пишет далее:

«Против этого, принятого в наших догматиках и в «Катехизисе» митрополита Московского Филарета, учения об Искуплении митрополит Антоний делает возражения и заменяет его своим учением. Для учения о Голгофских страданиях и смерти Христа Спасителя как умиловительной Жертве за грехи всего рода человеческого не имеется оснований ни в Ветхом, ни в Новом Завете, ни у Святых Отцов и Учителей Церкви. Решительным противником этого учения является Григорий Богослов, а явным защитником его собственного учения о сострадательной любви как о сущности искупительного подвига Христа Спасителя, – Симеон Новый Богослов. – В частности, ветхозаветные жертвы, на которые главным образом опирается учение о Голгофской смерти Христа Спасителя как искупительной Жертве, по мнению митрополита Антония, совсем не имеют того священно-прообразовательного, по отношению к великой Голгофской Жертве, смысла, какой обычно приписывается им.

Рассмотрим возражения нашего автора.

Митрополит Антоний думает, что ветхозаветные жертвы не имели никакого таинственного прообразовательного значения по отношению к новозаветной Голгофской Жертве, а были простым приношением верующих («Догмат Искупления», с. 45–50/55–56/). Но не так смотрели на ветхозаветные жертвы Святые Отцы и Учители Церкви.

По словам свт. Григория Богослова, жертвы эти были, с одной стороны, уступкой младенствующему Израилю, дабы он не увлекался языческими жертвами; но, с другой стороны, в этих жертвах ветхозаветный закон предписывал будущее Жертвоприношение на Голгофе («Творения», т. 1, с. 179–180. Москва. 1889). В особенности такое таинственно-прообразовательное значение имел ветхозаветный пасхальный агнец («Творения», т. 4. с. 132–142).

«Все, что произошло во времена ветхозаветного богопочитания, – говорит свт. Иоанн Златоуст, – в конце концов возводится к Спасителю, будет ли то пророчество, или священство, или царское достоинство, или храм, или жертвенный алтарь, или завеса, или ковчег, или очистилище, или манна, или жезл, или стамна, или что иное – все имеет отношение к Нему. Бог издревле позволил сынам иудовым совершать жертвенное Ему служение не потому, что Он удовлетворялся жертвами, но потому, что желал отвлечь иудеев от языческих суеверий... Делая уступку произволению иудеев, Он, как мудрый и великий, самым дозволением жертвоприношений предуготовлял образ будущих вещей, чтобы жертва, сама по себе и бесполезная, однако, оказалась полезной как таковой

образ... Этими жертвоприношениями Он (Бог) выражает образ Христов и оттеняет будущие события. Будет ли то приносимая жертва овца, она – образ Спасителя; будет ли то вол, он – образ Господа; будет ли телец или телица, или что-либо иное из того, что обыкновенно приносится в жертву, будет ли то голубь и горлица, все имело отношение к Спасителю... А чтобы не впасть в некоторое многословие, я советую тебе обратиться к истолкованию того, что выше сказано, к Павлу, который не позволяет тебе ничего мыслить безотносительно ко Христу, но все относить к Нему» (Творения, т. 3. с. 898–900)».

Нет никакой возможности приводить все цитаты, которые указывает архиепископ Феофан к опровержению понимания митрополита Антония (Храповицкого). Мы вынуждены ограничиться самым кратким перечислением цитированных святителей. Свт. Афанасий Великий, свт. Кирилл Александрийский, свт. Григорий Богослов – восемь цитат, свт. Афанасий Александрийский – две цитаты, свт. Григорий Нисский – три, свт. Иоанн Златоуст – восемь, свт. Кирилл Александрийский, свт. Василий Великий – четыре, прп. Иоанн Дамаскин – две цитаты. Учение это было подтверждено целым Собором Константинопольской Церкви в 1156 году (с 26.1 по 12.5). И снова это учение было подтверждено Собором в 1166 году.

«Из представленной исторической справки видно, что Собор 1156 года считает бесспорным то положение, что Голгофская смерть Христа Спасителя есть умиловительная за род человеческий Жертва, и занимался он решением только вопроса, кому принесена была эта Жертва. И решил он этот вопрос в том смысле, что Жертва эта была принесена Христом Спасителем Пресвятой Троице. При этом Сам Христос Спаситель одновременно был и Жертвой, и Архиереем, приносящим Жертву, по человеческому Своему естеству, и Богом, приемлющим Жертву, вместе со Отцом и Святым Духом. Такой же Жертвой, по связи с Голгофской Жертвой, является, по постановлению названного Собора, и евхаристическая Жертва. Мыслящих инаково Собор подвергает анафеме!» («Об Искуплении», с. 38).

«Митрополит Антоний ссылается на свт. Григория Богослова как на противника учения о Голгофской смерти Христа Спасителя в смысле Жертвы в принятом смысле слова. Но с этим его мнением никак согласиться нельзя». Желаящие могут найти подлинные слова св. Григория: т. 4, слово 45 «На Святую Пасху», с. 142 (или т. 1, с. 675–676, как и т. 5, с. 42, т. 2 «О вочеловечении. Против Аполлинария», с. 131–132).

«В защиту своего понимания искупительного подвига Христа

Спасителя как подвига сострадательной любви о грехах человеческого рода митрополит Антоний ссылается на Симеона Нового Богослова, именно на то место из его молитвы ко св. Причащению, где он говорит о милости «сострастия», чрез которую верующие и причащающиеся становятся общниками Божественного света и естества. Но и эту ссылку нельзя признать основательной. Сохранившиеся до настоящего времени слова Симеона Нового Богослова не оставляют никакого сомнения в том, как понимал этот Святой Отец сущность искупительного подвига Христа Спасителя...» («Об Искуплении», с. 40).

Далее Архиепископ приводит выдержки из св. Симеона Нового Богослова: слово 1, п. 1–2; слово 1, п. 3; слово 11, п. 3; слово 38, п. 3. После этого архиепископ Феофан приводит свт. Иоанна Златоуста – две выдержки, при. Иоанна Дамаскина – две выдержки, свт. Афанасия Александрийского – пять цитат и свт. Кирилла Александрийского – пять цитат.

«Из всего сказанного до сих пор по вопросу о крестной смерти Христа Спасителя на Голгофе можно сделать, – говорит архиепископ Феофан, – следующие выводы:

1) Крестная смерть Христа Спасителя на Голгофе, по учению Святых Отцов Церкви, несомненно есть искупительная и умиловительная Жертва за грехи рода человеческого.

2) Хотя обычно говорится, что приносит эту Жертву Единородный Сын Божий Своему Отцу; но это нужно понимать так, что приносит Сын как Архиерей, то есть по человеческому естеству, а принимает Отец нераздельно с Сыном и Святым Духом, по единству и нераздельности их Божественного Существа. Иными словами, Жертва приносится Пресвятой Троице, причем Сын одновременно является и приносящим, и приемлющим эту Жертву.

3) Жертва эта принесена была не потому, что Отец ее «требовал или имел нужду в ней» для удовлетворения Своего гнева или правосудия, но «по домостроительству», то есть для спасения рода человеческого.

4) Сущность этой Жертвы заключалась в том, что Спаситель взял на Себя грехи всего человечества и потерпел за них наказание, которому подлежало человечество за эти грехи.

5) Следствием этой искупительной Жертвы за нас было примирение человечества с Богом, проявившееся в излинии Святого Духа на нас, чрез которое мы соделались способными вступить в общение с Богом и получили возможность, таким образом, соделаться участниками вечной жизни».

О гневе Божьем

«Против изложенного церковного учения Святых Отцов и Учителей Христовой Церкви о крестной смерти Христа Спасителя митрополит Антоний делает одно возражение, которое нельзя оставить без рассмотрения. Он говорит, что этим учением предполагается недостойное Божественного Существа понятие о Боге как о Боге «гневающемся» на грешное человечество и требующем для удовлетворения этого гнева Своего соответствующей для Себя Жертвы. По-видимому, он вполне согласен в этом отношении с мнением японских язычников, которые относительно этого учения высказывают такое мнение нашим миссионерам: «Вы проповедуете самую неразумную веру, будто Бог прогневался на всех людей за одну глупость Евы, потом казнил Своего, ни в чем не повинного, Сына и успокоился!» («Догмат Искупления», с. 4).

Чтобы оценить по достоинству это возражение, необходимо восстановить в истинном виде православное учение о Божественных свойствах вообще и о нравственных в частности.

Существо Божье, по учению слова Божьего и Святых Отцов Церкви, непостижимо для нас. «Он не есть что-либо из вещей существующих, – говорит св. Иоанн Дамаскин о Боге, – не потому, чтобы вовсе не существовал, но потому, что – превыше всего существующего. Одно в Нем постижимо – Его беспредельность и непостижимость» («Точное изложение Православной веры», кн. 1, гл. 4).

Но будучи непостижимым по существу. Он познается нами (*отчасти* – 1Кор.13:9) в Своих Божественных Свойствах, поскольку последние открываются нам в соответствующих Божественных откровениях и действиях. Причем в самых Своих Божественных откровениях Он открывается не в полной мере Своего Божественного величия, но отчасти, в меру вместимости нашего познания, и притом с великой постепенностью и приспособительно к мерам человеческой ограниченности и греховной человеческой немощности.

«Что Бог допускает беседу с человеком, – говорит св. Григорий Нисский, – причиной того мы полагаем человеколюбие. Но как малое по природе не может возвыситься над своею мерой и достигнуть превосходящей природы Вышнего, посему Он, низводя человеколюбивую силу до нашей слабости, сколько нам возможно принять, уделяет Свою благодать и что нам на пользу... Поэтому в различных богоявлениях людям

она и принимает человеческий вид, и по-человечески говорит, и облачается в гнев и милость и подобные (человеческие) страсти, чтобы чрез все свойственное нам руководима была младенческая наша жизнь, наставлениями Провидения будучи приводима в связь с Божеской природой...» («Против Евномия», т. 6, кн. 2, с. 427–429. М., 1864).

«В Божественном Писании Дух Святы́й беседует с нами нашими же словами» («Против Евномия», т. 6, с. 361).

«Одни и те же выражения употребляются о Боге и о человеке, – говорит свт. Иоанн Златоуст, – но иначе должно понимать одни, иначе – другие. Не следует понимать в одинаковом смысле все, что говорится о нас и о Боге, хотя и говорится одинаково; но должно приписывать Богу некоторое особенное преимущество такое, какое свойственно Богу; иначе произойдет много нелепого» (Беседа 26. Первое послание к Коринфянам, п. 2.3).

«Соизмеряя с своим понятием, и Божье назвали мы именами, взятыми с себя самих», – говорит св. Григорий Богослов (т. 3, слово 31, с. 100).

«Приписывая Богу гнев, Писание не страсть усвояет Ему, но означает этим выражением наказующее действие Его и имеет в виду тронуть людей грубых», – говорит свт. Иоанн Златоуст (т. 5, с. 192).

«Он наказывает, – говорит свт. Григорий Богослов, – а мы сделали из сего – гневается; потому что у нас наказание бывает по гневу» (т. 3, слово 31, с. 100).

«Под гневом и яростью (разумеется), – говорит св. Иоанн Дамаскин, – Его ненависть и отвращение ко злу, так как и мы то, что не согласно с нашей волей, ненавидим и на то гневаемся» («Точное изложение православной веры», кн. 1, гл. 11).

"*Все сделал Господь ради Себя*, – говорит Соломон (Притч.16:4), то есть ради благости Своей Он обильно изливает всякие блага на достойных и недостойных, – рассуждает авва Херемон у св. Иоанна Кассиана; поелику не может быть ни огорчен обидами, ни раздражен беззакониями людей как вечно совершенная и по природе Своей неизменяемая Благость» (Иоанн Кассиан, Собеседование 11, п. 6). «Если таким образом понимать свойства гнева Божьего, – говорит архиепископ Феофан, – как понимают его только что указанные Отцы и Учители Церкви, то очевидно, в нем не будет ничего недостойного христианского понятия о Боге как о Боге любви; но в сущности гнев Божий, при таком понимании, является одним из проявлений той же любви Божественной, только в ее отношении к нравственному злу в разумных тварях вообще и в человеке в частности» («Об Искуплении», с. 58–59).

«Это-то особенно прошу вас твердо знать, что Бог одинаково благ и когда оказывает честь и благодворит, и когда наказывает и карает, – говорит свт. Иоанн Златоуст. – Если Бог тогда только благ, когда оказывает честь, и не благ, когда наказывает, то Он благ только вполнину; но это не так, нет. В людях, конечно, бывает это, когда они наказывают в гневе и страсти; но Бог, будучи бесстрастен, благодворит ли, наказывает ли, – одинаково благ» (т. 2, с. 98)».

Итак, архиепископ Феофан приходит к следующим выводам:

«1) Возражение против учения Святой Церкви о крестной смерти Христа Спасителя как о Жертве, будто бы оно предполагает понятие о Боге, недостойное Его истинного величия, именно как о Боге гневающемся за оскорбление Своего достоинства, основывается на неправильном понимании так называемых нравственных свойств Божьих, в частности – Правды Божьей.

2) Истинной причиной Голгофской Жертвы за грехи рода человеческого является любовь Божья к роду человеческому. «Спрашиваешь о причине, по которой Бог родился среди человекoв (и принес Себя за них в Жертву)? Если особый признак естества Божьего есть человеколюбие, то имеешь ответ на предложенный тобою вопрос, имеешь причину явления Божьего среди человекoв. Немоществовавшее наше естество возымело нужду во врачующем; человек, подвергшийся падению, возымел нужду в подъемлющем; уклонившийся от причастия блага, возымел нужду в возводящем к благу» (свт. Григорий Нисский. Огласительное слово, т. 4, п. 15, с. 43–44)».

На этом кончается трехчастный труд архиепископа Феофана по изложению святоотеческого учения «Об Искуплении: 1. Гефсиманское моление; 2. Голгофская Жертва; 3. О гневе Божиим». Вот вывод, сделанный архиепископом Феофаном, бывшим ректором Санкт-Петербургской Духовной академии: «Мы считаем, что верным выражением учения Церкви является учение, выраженное в творениях Святых Отцов Церкви, потому учение, не согласующееся со святоотеческим Преданием, не может почитать себя за точное выражение учения Православной Церкви... Учение митрополита Антония не только не согласуется с учением Святых Отцов Церкви, но даже ему противоречит».

Приложение II Краткие канонические суждения о летосчислении

Вопрос: Что такое старый и новый стиль летосчисления?

Ответ: Старый стиль есть исконный, первоначальный, древний христианский. Он унаследован от времен апостольских по Священному Преданию древнейшей Церкви и положен в основу как христианского летосчисления Первым Вселенским Собором (325 г.), так и определения празднования Святой Пасхи со всеми зависящими от нее праздниками и постами. Попытка же Римо-Католической Церкви в XVI веке, при папе Григории, ввести новый, «научный» стиль привела к созданию лишь псевдонаучного и противоканонического стиля. Ибо вопрос о стиле научно неразрешим. Итак, старый стиль – символ единения христиан во всем мире, а новый стиль – символ бунта, революции и разъединения христиан.

Доказательства: «Предания установлены для нас Писанием или без Писания; также и преданные догматы имеют одинаковую силу с письменными» (Книга Правил. Алфавит).

«Храним не нововводно все, писанием или без писания, установленные для нас церковные предания» (Догматическое определение VII Вселенского Собора).

«Мню, яко Апостольское есть и сие: да держимся неписаных преданий» (Василий Великий, пр. 91 и 92; см.: 1Кор.11:2; 2Фес.2:15,3,6).

Также и священные каноны сами решительно объявляют себя: «твердыми и нерушимыми» (VI Вс. Соб., пр. 2), «несокрушимыми и непоколеблемыми» (VII Вс. Соб., пр. 1) и «непреложно свидетельствуют к уважительному соблюдению их, особенно для пастырей» (IV Вс. Соб., пр. 1).

Нестроения в Церкви не могут быть устранены чрез посягательство на эти каноны. Знаменитый митрополит Петр Могила заявил, что не только Патриарх, но и сшедший с неба Ангел не заставит его поступить вопреки церковным канонам. Так мыслит и действует иерарх, бывший лучшим украшением Православной Церкви.

«Церковь, по требованию коренных оснований ее возникновения и источного начала ее существенных норм, не вправе изменять свои постановления, раз она остается Церковью. Если Церковь, по ее исходному началу, не есть дело рук человеческих, а есть учреждение Высшей Воли, то нам не предоставлено право изменять основные нормы ее жизни и

устройства, как это ясно и выражено во 2-м правиле VI Вселенского Собора» (Журнал заседаний Российского Предсоборного Присутствия 1906 г. «Церковные Ведомости» № 21, 1906).

Вопрос: Как должно относиться к тому и другому стилю по священным правилам?

Ответ: Первый должно всячески хранить, а от второго твердо уклоняться.

Доказательства: «Аще предприимем отвергать неписанные обычаи, аки не великую имеющие силу, то непременно повредим и Евангелию в главных предметах» (Василий Великий, пр. 91).

«Не должны быть вводимы новости, вопреки писаниям и церковным преданиям» (Книга Правил. Алфавит).

«Да бывают в Церкви вся принятая от Божественных Писаний и Апостольских Преданий» (Гангр. Соб., пр. 21, и I Всел. Соб., пр. 2).

Вопрос: Введение нового стиля имеет ли важное или маловажное значение?

Ответ: Очень важное, особенно же в связи с пасхалиею, и есть крайнее бесчиние и раскол церковный, отчуждающий от общения и единства со всею Церковью Христовой; лишаящий благодати Святого Духа; колеблющий догмат о единстве Церкви и, подобно Арию, раздирающий нешвенный хитон Христов, то есть повсеместно разделяющий православных, лишая их единомыслия; разрывающий связь с церковным Священным Преданием и подпадающий под соборное осуждение за презрение Предания, – по вышереченному догматическому определению VII Вселенского Собора.

Доказательства: «Еретиками называли древние отторгшихся, и в самой вере отчуждившихся; раскольниками – разделившихся в мнениях о некоторых предметах церковных; хотя начало отступления произошло чрез раскол, но отступившие от Церкви уже не имели на себе благодати Святого Духа, и отторженные, соделавшись мирянами, не имели власти ни крестить, ни рукополагать, и не могли преподавать другим благодати Святого Духа, от которой сами отпали» (Василий Вел., прав. 1).

Вопрос: Как должно Православным, по правилам, относиться к новостильникам-раскольникам?

Ответ: С ними у них не должно быть никакого молитвенного общения и прежде – церковного осуждения их.

Доказательства: «Не подобает молиться с еретиком или отщепенцем» (Лаод. Соб. пр. 39. Толкование к сему в Греч. Кормчей, с. 252): «Определяет сие правило, чтобы мы не молились ни с еретиками,

погрешающими в вере, ни с раскольниками, православными в вере, но отделившимися от Кафолической Церкви за некоторые предания» (Сравни: 45-е и 46-е правила Святых Апостолов; 6-е, 9-е, 32-е и 37-е правило Лаодикийского Собора и Тимофея, епископа Александрийского, правило 9).

Вопрос: Какое наказание следует, по правилам церковным, на молящихся с новостильниками-раскольниками?

Ответ: Одинаковое с ними осуждение.

Доказательства: «Если кто с отлученным от общения церковного помолится, хотя бы то было на дому, таковой да будет отлучен» (Апостолов правило 10).

«За молитву с отлученными подвергаются или отлучению, или извержению, или анафеме как сами молящиеся, так и те, с которыми они молятся» (Толк. на 9-е пр. Карфагенского Собора в Греческой Кормчей, с. 252).

Вопрос: Имеет ли силу епитимия пастырей-новостильников над неподчиняющимися им и отделяющимися от них в молитвах православных?

Ответ: Не имеет никакой силы.

Доказательства: Вторая половина 15-го правила Двукратного Собора, сказанное там о еретиках-пастырях, приложимо и к новостильникам-раскольникам. Толкование 29 (98) правил Карфагенского Собора, Синтагма Матфея Властаря в русском переводе, под буквой А, гл. 17, гласит: «без опасности может пренебречь епитимией».

Толкование на 31-е прав. Апостолов в Греческой Кормчей, с. 19, гласит: «те, которые отделяются от епископа, прежде соборного исследования, за то, что он всенародно проповедует какое-либо злословие и ересь, таковые не только не подлежат вышеуказанной в 31-м Апост. и 15-м Двукратного Собора правилах епитимии, но и достойны чести, подобающей православным».

Вопрос: Не высказывалось ли пастырями Православной Церкви, на основании вышепоименованных правил церковных, особых суждений о стиле?

Ответ: Высказывались многократно – по поводу введения нового римского календаря – и в частных собраниях, и соборно.

Доказательством сего служит нижеследующее. Прежде всего, современник римской календарной реформы, Вселенский Патриарх Иеремия II, немедленно в 1582 г. осудил со своим Синодом новое римское летосчисление как несогласное с Преданием Церкви. В следующем же

году (1583), при участии Патриархов: Александрийского Сильвестра и Иерусалимского Софрония VI, созвал церковный Собор. Собор этот признал григорианский календарь несогласным с правилами Вселенской Церкви и с постановлениями I Вселенского Собора о порядке исчисления дня Святой Пасхи.

Трудами сего Собора явились: соборный том, избличающий неправоту и неприемлемость для Православной Церкви римского календаря, и каноническое соборное постановление – Сигиллион от 20 ноября 1583 года. В этом Сигиллионе все три упомянутые Патриарха со своими Синодами призывают православных твердо и неуклонно, даже до пролития своей крови, держаться православного месяцеслова и юлианской пасхалии, угрожая нарушителям сего анафемой, отлучением от Церкви Христовой и собрания верных.

О таком решении Константинопольского Собора было сообщено вселенским посланием всем Восточным Церквам, Митрополиту Московскому Дионисию, Церкви Ионийских островов, знаменитому поборнику Православия в Западной Европе князю Константину Острожскому, венецианскому дожу Н. Доконте и папе Григорию XIII – главному виновнику церковной смуты и соблазна.

В то время Александрийский Патриарх Сильвестр (1566–1590) в окружном послании православным христианам Западной Европы говорит: «Последуя Отцам и Вождям нашим восточным и западным, по справедливости предпочтем древнее новому, ибо суждено однажды Церковью Православной никакого вообще новшества не принимать и ни от чего древнего не отступать».

В течение последующих трех веков: XVII, XVIII и XIX – целый ряд Вселенских Патриархов решительно высказывались против григорианского календаря и, оценивая его в духе соборного постановления Патриарха Иеремии II, увещевали православным избегать его.

Так, нижеследующие Патриархи:

Кирилл I, занимавший Вселенский престол шесть раз и принявший от иезуитов в 1639 году страдальческую кончину; Парфений I, в 1639–1644 г. г.; Калиник II: 1688–1693, 1694–1702; Паисий II: 1726–1733; Кирилл V: 1748–1757; Агафангел: 1826–1830; Григорий VI: 1835–1840, 1867–1871; и Анфим VI: 1845–1848, 1855 – порицали римское счисление, как враждебное Православному Востоку, расценивая это новшество в духе Патриарха Иеремии II.

Так, например, Патриарх Калиник II совместно с Антиохийским Патриархом Афанасием (1686–1728) разъясняли антиохийской пастве, что

празднование Пасхи одновременно с латинянами есть отречение от установления Православной Церкви о постах, и применение уставов Церкви римской есть измена Православию и отступление от святоотеческих заветов, гибельное для чад Православной Церкви. Поэтому всякий истинный христианин должен быть тверд в установлениях Православной Церкви и обязан праздновать Пасху и соединенные с нею праздничные дни и церковные времена применительно к практике Православного Востока, а не инославного Запада, чуждого нам по вере.

Подобно сему и еще с большим запрещением было окружное послание Патриарха Кирилла V, в 1756 году, в котором говорится, что тот, кто следует неботанинику Павлу, рекшему в своем Послании к Галатам: *Но если бы даже мы или Ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема (Гал.1:8)*, – таковые: иерей ли, мирянин ли, то да будет отлучен от Бога, проклят и по смерти да не растлеется и пребудет в вечных муках... Да наследуют таковые проказу Гиезия и удушение Иуды, да будет на земле, как Каин, иже стенья и трясыйся и гнев Божий да будет на главе их и участь их будет с предателем Иудой и с богоборцами Иудеями... Ангел Божий да преследует их мечем во вся дни жизни их и да подлежат они всем проклятиям Патриархов и Соборов, под вечным отлучением и в муках огня вечного. Аминь. Да будет!

В 1827 году Патриарх Агафангел отклонил предложение русских ученых о реформе церковного календаря.

В 1848 году Патриарх Анфим VI, совместно с прочими Восточными Патриархами: Александрийским Иерофеем, Антиохийским Мефодием и Иерусалимским Кириллом, в окружном послании Единой Кафолической Церкви, обращенном ко всем православным христианам, свидетельствует:

«У нас ни Патриархи, ни Соборы никогда не могли ввести что-нибудь новое, потому что хранитель благочестия у нас есть само тело Церкви, то есть самый народ, который всегда желает сохранить веру свою неизменной и согласной с верой отцов своих... Да держим исповедание, которое приняли от таковых Мужей, Святых Отцов, да отвращаемся всякого новшества, как внушения диавольского... на что если бы кто-либо дерзнул или делом, или советом, или помышлением, – такой отрекся уже от веры Христовой, уже добровольно подвергся вечной анафеме за хулу на Духа Святого, якобы не совершенно глаголавшего в Священном Писании и во Вселенских Соборах».

Итак, все новшествующие: еретики ли то или раскольники, добровольно *облекошася в клятву, яко в ризу (Пс.108:18)*, хотя бы то были

Папы, хотя бы Патриархи, хотя бы клирики, хотя бы миряне, аще бы и Ангел с небесе – АНАФЕМА ему!»

В соответствии с этим, на протяжении трех минувших веков, со времени римской реформы календаря, многие главы Церквей, как Патриархи, отвергали реформу календаря (в Палестине, Сирии, Египте, архиепископы Кипра и т.д.), охраняя свои паствы путем посланий и грамот, разъясняли им истинное значение григорианского календаря, оттеняя его связь с целым рядом новаторских измышлений папства.

В 1902–1904 годах представители Православных Автокефальных Церквей: Константинопольской, Иерусалимской, Греческой, Российской, Сербской, Болгарской, Румынской и Черногорской – официально высказались по вопросу о реформе церковного календаря. Результат оценки вопроса – в пользу отрицания календарной реформы как по мотивам вероисповедным, так и из опасения церковной смуты, могущей поколебать авторитет Церкви.

Всероссийский Церковный Собор 1917–1918 годов рассматривал вопрос о приспособлении к церковной жизни нового календаря и о новом, возможно, наилучшем православном церковном календаре. По тщательном рассмотрении и исследовании сего вопроса, по соображениям церковно-каноническим, научно-астрономическим и техническим Собор этот категорически обосновал пагубность всякого сближения с григорианским стилем, отдавая высокое предпочтение юлианскому. В результате сего Собор решил удержать старый стиль церковного счисления. В 1923 году Российская Православная Церковь снова подтвердила решение своего Собора 1917–1918 годов и отказалась принять в церковно-богослужебную практику григорианский календарь, невзирая на властное принуждение пленившей ее богоборческой власти большевиков. К этому побудили ее не только решение Патриарха Тихона со Священным Синодом, но также и воля всего православного народа России, категорически отвергшего новый стиль, в чем именно и сказалось деяние всей Церкви, во всей полноте ее состава, как об этом свидетельствуют святители Востока в упомянутом выше послании 1848 года.

Итак, РПЦ, самая многочисленная из всех Православных Церквей, заключающая в себе почти 90 процентов всех православных христиан во всем мире, решительно отвергла новый стиль.

И, наконец, земное наследие Царицы Небесной, Святая Гора Афон, как твердый оплот и истинный светоч Православия, невзирая на неоднократные попытки со стороны церковной и гражданской власти

склонить их к переходу на григорианский календарь, в лице лучших своих представителей отвергла это противоцерковное новшество и непоколебимо охраняет заведенный Богоносными Отцами порядок празднования Святой Пасхи и всего православного месящеслова-календаря.
1926 г.

Содержание

Духовник царской семьи. Архиепископ Феофан Полтавский, Новый Затворник (1873–1940)	1
Предисловие к первому изданию. Архиепископ Феофан Полтавский – защитник Православия	2
Предисловие ко второму изданию	5
Предисловие к настоящему изданию	6
Введение. Детство	8
Ранние годы Святителя	10
Студенческие годы	12
Пастырь и учитель. Духовник Царской Семьи	20
Искушения. «Диспут» с В.В. Розановым	25
Валаам. Старец Алексей. Об исповеди	30
Старцы. Старцы Варнава и Исидор Гефсиманские	34
С.М. Труфанов (отец Илиодор)	37
Григорий Евфимович Распутин	41
Саров. Предсказания блаженной Паши Саровской	46
На Симферопольской и Астраханской кафедрах	48
На Полтавской кафедре	52
Помазанник Божий – Государь Император Николай II.	61
Грех русского народа	61
Искушения от обновленцев и от украинских самостийников	64
Нашествие варваров. Жребий изгнанничества.	66
Югославия	66
Случай со священником	71
Страхования владыки Феофана	77
Случай исцеления	86
Бедственное положение Церкви после революции	88
Критика софианства	92
София, Варна. Старец митрополит Симеон.	

Предсказание о будущем России. Наставления.	96
Встреча с отступником-баптистом. Черпанское землетрясение	
Протест против еретического толкования догмата Искупления митрополитом Антонием (Храповицким) и 103 против решения Синода РПЦЗ, искажающего догмат Париж. Последние годы. Свидетельство о 111 предначертанной судьбе России	
Посмертное чудесное предстательство архиепископа Феофана	120
Проповеди, произнесенные в Болгарии	124
Слово в день Рождества Пресвятой Богородицы	125
Слово в день Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня	128
Слово в день Покрова Пресвятой Богородицы	131
Слово в день Рождества Господа нашего Иисуса Христа	135
Слово в день Нового года	137
Слово в Великий Пяток	140
Слово на Вознесение Господне и по поводу землетрясения, бывшего в Болгарии весной 1928 года	142
Слово в день Пятидесятницы	145
Слово в день Пятидесятницы	148
Слово в Неделю 4-ю по Пятидесятнице	151
Слово в Неделю 6-ю по Пятидесятнице	155
Слово в Неделю 8-ю по Пятидесятнице и на память Святых Отцов VI Вселенского Собора	158
Слово в день Рождества святого Иоанна Предтечи	162
Слово в день святых первоверховных апостолов Петра и Павла	164
Слово в день святых первоверховных апостолов Петра и Павла	167
Слово в день Преображения Господня	171
Слово в день Преображения Господня	174
Слово на Успение Пресвятой Богородицы	177
Письма архиепископа Феофана Полтавского и Переяславского. Духовным людям	180

Горьковский духовный чадом	
Ответ на просьбу о принятии в духовное руководство	181
О разных путях ко спасению и о сущности монашеской жизни	182
О разных путях в монашеской жизни и об изучении богословских наук	184
О принятии монашества, о духовном руководстве и о посте в болезни	185
О причинах раскола в нашей Заграничной Церкви	187
О церковном расколе, имеющем целью «реформировать Православие»	188
О безуспешных попытках восстановить единство в нашей Церкви	189
О сочинениях еп. Игнатия (Брянчанинова) и об отношении к постигающим искушениям	190
О Декларации митр. Сергия (Страгородского) и о поведении готовящегося к монашеству	191
Наставления для стремящегося к монашеской жизни	192
Нужно ли для принятия монашества родительское благословение?	194
О теософии и о борьбе с искушениями	195
Просьба о благословении на принятие иночества	197
О монастырской жизни и о совершении богослужения в наше время	198
О модернизме в современной Православной Церкви и о книге священника Павла Флоренского «Столп и утверждение истины»	199
Учение протоиерея Сергия Булгакова о Софии	201
Религиозно-нравственное состояние православных стран	202
Необходимо всем, любящим Истину, наблюдать знамения времен	203
О человеческой кончине	204
О евреях и о воспитании детей	205
О борьбе со страстями и о бесстрастии	206
О хранении внутреннего Богомыслия и памяти о Боге	207
О борьбе со страстями	208
О внутренней борьбе с помыслами и о значении смирения	209
Брак и девство	210
О самособранности и жизни в обществе и о говении	212

Усталость при молитве и смысл епитимии	213
Что такое искушение? О двух изданиях Триоди	214
О детских забавах и развлечениях вообще	215
Отношение наше к врагам Божиим и русского народа	216
Как часто следует причащаться Святых Христовых Тайн?	217
О том, в какую церковь ходить, и о «невидимой брани»	218
Как относиться к смущающим обстоятельствам	219
Различие между естественно-доброй жизнью и жизнью христианской	220
О мире душевном и о Восьмом Вселенском Соборе	221
Могут ли скорби не нарушать душевного мира и об исповеди	222
В общении с Господом мы можем войти только чрез исполнение заповедей Божьих	223
Буря искушений и якорь самоукорения	225
Как относиться к недобросовестным служащим?	226
Огорчение не есть злоба и как относиться к недостаткам людей	227
Плач о грехах и обличение совести	228
Нельзя смешивать «умиление» с «сердечным сокрушением»	229
О «перевоплощении» и как проводить пост	230
О новом церковном календаре, о посещении духовных бесед и о церковных изданиях	231
О благодарности Богу, о жертвах в пользу бедных и о недостатках характера	232
О чтении Святых Отцов	233
Порядок мыслей в молитве	235
О количестве и качестве в молитве	237
О беспорядках в церковном сестричестве	239
О допущении к причащению англикан	240
Что значит «все мы в прелести»?	241
В чем состоит «собственно прелесть»?	243
О молитве внешней и внутренней	245
О правильном ведении духовной брани	246
Что такое «мир» и что значит «отречься от мира»?	247
О воздержании, о тайном постриге и об общении с людьми	248
Обуревание помыслов и страстей. Для лиц начальствующих особенно необходимо смирение	249
О предании церковному управлению и о церковном управлении	

О правильном духовном руководстве и о творениях епископа Игнатия (Брянчанинова)	251
Воля Божья и воля человеческая	253
Отношение к заблуждениям ближних	254
О духовном расслаблении. Об отношении к награде	256
О чувстве своей греховности. О воспитании детей монашествующими	258
О хранении пасхальной радости	259
О благодатных действиях Пресвятой Троицы	260
Четыре письма архиепископа Феофана Е.Ю. Кониевич	262
I	263
II	264
III	265
IV	266
Приложение I Труд архиепископа Феофана «Об Искуплении» по поводу нового учения митрополита Антония (Храповицкого)	267
I	268
II	273
III	277
Приложение II Краткие канонические суждения о летосчислении	280